

Из «Фрагментов»
дневника Зои Дмитриевны Канановой

31 декабря 19 г.

Уже два дня, как я поступила на службу в Румянцевский Музей. Сижу по вечерам в Читальном зале и выдаю книги.

26 марта 20 г.

Уже больше недели как я вернулась домой из больницы, а все еще ужасная слабость меня не покидает, и я целые дни лежу на диване и ничего не в состоянии делать. У меня был сыпной тиф и в придачу воспаление мозга¹.

11 июля 20 г.

Опять новый период жизни начался. Мы перебрались на другую квартиру, в Мертвый переулок. Неожиданно я оказалась окруженной людьми одного со мной мирозозерцания. В Музее, среди сослуживцев, оказалось много антропософфов, и одна из них, Кл<авдия> Ник<олаевна> Васильева², почему-то вдруг выразила желание познакомиться со мной, и ввела меня

© Публикация, предисловие и комментарии Д. Д. Лотаревой

© TSQ № 46. Fall 2013

¹ Сохранилось письмо из Румянцевского музея в Отделение Московского совета рабочих и красноармейских депутатов от 15 марта 1920 г. с просьбой отправить ее в санаторий как только что перенесшую сыпной тиф. «Состояние здоровья крайне ослаблено работой в Музее при температуре ниже 0 и связанной с большим физическим трудом» — см. Архив РГБ. Опись 40, дело 219, лист 2.

² Клавдия Николаевна Васильева, ур. Алексеева (1886—1970). Антропософка. Друг, а с 1931 г. жена Андрея Белого. В библиотеке Румянцевского музея работала в январе 1920 — июле 1922 г. О ней см.: Малмстад Дж. Предисловие // Бугаева К. Н. Воспоминания об Андрее Белом. СПб., 2001. С. 5—35.

в среду антропософов³. [С осени я вступила в кружок, который вел Мих<аил> Павл<ович> Столяров⁴ вместе с Кл<авдией> Ник<олаевной>]⁵.

30 октября 20 г.

Умер мой отец⁶. Мама⁷ приезжает жить с нами.

³ 2 мая 1920 г. Б. П. Григоров писал М. Я. Сиверс: «В общем в Москве около 60-ти членов, да еще в Петрограде» (цит. по: Спивак М. Л. Указ соч. С. 108).

⁴ Михаил Павлович Столяров (1888—1946) — философ, поэт, переводчик, критик. Член Московского отделения Вольной философской академии. Автор многих статей в «Словаре литературных терминов» (1925) и в Литературной энциклопедии (1930-е гг.). Автор статьи «К проблеме поэтического образа» (в сб. под ред. М. А. Петровского «Ars poetica», 1927). См. также: Тассо Т. Аминта (Пастораль), пер. в стихах М. Столярова и М. Эйхенгольца, вступ. ст. и комментарии М. Эйхенгольца. М., 1921; то же, изд. «Academia», М.—Л., 1937.

Антропософ. В 1914 г. посещал кружок В. М. Викентьева. В 1920-х гг. член Совета Русского Антропософского общества. По воспоминаниям М. Н. Жемчужниковой, «он был одним из „старших“, даже не имея ореола личного знакомства со Штейнером» (Жемчужникова М. Н. Воспоминания о Московском антропософском обществе (1917—23 гг.). / Публикация Дж. Малмстада // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 6. М., 1992. С. 23). В июле 1924 г. Андрей Белый писал П. Н. Зайцеву: «Передайте, если увидите М. П. Столярова, ему особый привет, и передайте, что его особенно близко ощущаю сейчас» (Зайцев П. Н. Воспоминания. М.: НЛО, 2008. С. 374).

⁵ Другой вводительный кружок вел Б. П. Григоров. По сведениям Жемчужниковой, помимо григоровского, в начале 1918 г. начали работать еще два кружка: К. Н. Васильевой по книге Штейнера «Как достигнуть познания высших миров» и В. О. Анисимовой по книге «Христианство как мистический факт и мистерии древности» (Жемчужникова М. Н. Указ. соч. С. 17). Андрей Белый писал Асе Тургенева в феврале 1920 г.: «Из нашей антропософской молодежи очень выровнялись и подают надежды: Михаил Павлович Столяров, Вера Оскаровна Анисимова, особенно Клавдия Николаевна <Васильева>, которой (смеясь), мне кажется, помогает Мария Яковлевна <фон Сиверс>, Анна Никиф<оровна> Киселева, жена <Н. Г.> Машковцева <Анна Александровна>, дочь Полиевктовой и совсем юная барышня Мелита Самойловна из вводительного кружка» — см. Nivat Georges. Lettres d'Andrej Belyj à la famille d' „Asja“ // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 18. № 1—2. P. 140. См. также: Распределение занятий в Русском Антропософическом обществе в 1918—19 гг. Проект расписания

18 ноября 20 г.

Работаю в библиотеке Антр<опософского> об<ществ>а⁸. [Кл<авдия> Ник<олаевна> попросила меня заняться библиотекой Антр<опософского> Об<щества>, писать карточки на книги]. Мне сказали: «Вот вам библиотека, распорядитесь ею как хотите». Там несколько шкафов с книгами, и среди них один, закрывающийся скрипучей дверцей, но без ключа. Там я открыла отпечатанные на машинке книги [лекции] Штейнера⁹, которые ревниво охраняются членами об<ществ>а. Мне об

года // Андрей Белый и антропософия. / Публ. Дж. Малмстада. Минувшее. Исторический альманах. Вып. 9. М., 1992. С. 473—476); письмо Андрея Белого 17 июля 1920 г. // Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публикация, вступ. статья и комментарии А. В. Лаврова и Дж. Малмстада. СПб.: Atheneum-Феникс, 1998 г. С. 208.

⁶ Д. Н. Овсяннико-Куликовский скончался в Одессе от саркомы.

⁷ Ирина (Доротей) Львовна Фамилиант (1853—24.01.1942). Из одесской еврейской многодетной семьи. В молодости участвовала в революционном движении. Имела медицинское образование. Вышла замуж за Д. Н. Овсяннико-Куликовского в 1877 г. Слыла красавицей.

⁸ Библиотека Общества была создана при участии К. Н. Васильевой, видимо, в 1914 г., с этого времени и до 1920 г. включительно она исполняла обязанности библиотекаря (см. Архив РГБ. Опись 39, дело 75, лист 1, 8). В работе библиотеки большое участие принимал А. С. Петровский. Например, в письме к о. Павлу Флоренскому от 21 января 1918 г. он просил прислать наложенным платежом книги для библиотеки издательства и книжного склада «Духовное знание» (см.: Павел Флоренский и символисты. Составление, подготовка текстов и комментариев Е. В. Ивановой. М.: Языки славянской культуры. 2004. С. 587). Очевидно, библиотека Общества и издательства суть одно и то же. После закрытия Общества тексты циклов Штейнера хранились у А. С. Петровского.

⁹ Рудольф Штейнер (в современной транслитерации — «Штайнер») (1861—1925) — религиозный философ, теософ, масон, основатель антропософии. О нем см.: Хемleben Й. Рудольф Штайнер. Биографический очерк. СПб., 2004. Лекции («циклы») Штейнер читал в разных городах Европы с начала XX в. Стенограммы лекций (иногда после редактирования, которое выполняла, вероятно, М. Я. Сиверс) распространялись в списках, некоторые издавались в виде книг. В России их старались переводить на русский язык. В 1910-х гг. тексты циклов передавала в Россию М. В. Сабашникова, которая следовала за Штейнером и присутствовала на многих лекциях, в т. ч. и тех, что читались только для особо посвященных. Она пересылала их А. С. Петровскому. Весь корпус лекций хранится в Архиве «Наследие Р. Штейнера» в Дорнахе (Швейцария).

этом шкафе ничего не было сказано. И я незаметно стащила одну тетрадь, чтобы изучить дома, и потом снова незаметно положу на место. Вот где вещи действительно интересные и значительные! Члены Ант<ропософского> Об<щества> говорили, что они потому никому не показывают эти лекции, что они сами еще не установили свое отношение к ним и еще не понимают их. Но это как раз то, что я ожидала и жаждала познать.

13 декабря 20 г.

<Сон>. В эту ночь я была на каком-то острове, в старинном замке, где живут последователи Штейнера. Там был также мой отец, и я с ним гуляла по саду. Но это было смутно. Ясней был другой образ. В этом же замке я смотрела в зеркало и видела в нем Штейнера, который на другом конце острова тоже смотрит в зеркало и видит там меня, и в зеркале целует мои глаза, и я чувствую в тот же момент на своих глазах его поцелуй.

15 марта 21 г.

Читаю в последнее время дневники разных писателей (Наживина¹⁰, Цветаевой¹¹, Розанова¹²). Странно как обнаруживается в дневнике односторонность человека. Видишь его душу будто в скорлупе, и хочется сказать ему: «Да разбей же скорей свою скорлупу и взгляни на свет божий, вылупись из своего яйца». То же чувство и у меня к своему дневнику, особенно к тому периоду, 10 лет назад, который отмечен периодом меланхолии.

¹⁰ Иван Федорович Наживин (1874—1940) — русский писатель. Сподвижник Л. Н. Толстого. Речь идет о книге «Моя исповедь», изданной в 1912 г.

¹¹ К этому времени М. И. Цветаевой были опубликованы в газетах различные очерки дневникового характера.

¹² Вероятно, речь идет об одной из книг В. В. Розанова автобиографического характера: «Опавшие листья» (Короб первый — СПб., 1913 и Короб второй — Пг., 1915 г.) или трилогии «Уединенное» (СПб., 1912).

Великое, великое переживание было со мной этой зимой от чтения похищаемых мною циклов доктора Штейнера.

Поль¹³ спросил, неужели я не чувствую угрызений совести перед членами Ант<ропософского> Об<щества>, читая тайком то, что они запрещают.

Я ответила, что мне стыдно за них, что они без всякого разбора всем одинаково запрещают пока не пройдет срок «вступительного курса»¹⁴. Ведь это то самое, что я искала всю жизнь, это то, что я уже знала в те годы, когда отвращалась от внешних наук. Это то, о чем я томилась в годы меланхолии. Это то, что жаждала узнать, когда отыскивала всякие книги по оккультным наукам. Это то, что всегда, всегда знала, что когда-нибудь найду. Сокровенное значение всех вещей и центр всего, самая великая правда — Христос.

Они не имеют права запрещать мне то, что уже принадлежит мне, что уже принадлежало мне раньше, чем им.

Целые дни, прийдя со службы, я просиживала, переписывая наиболее важные места из циклов, которые постепенно брала домой один за другим, и, переписав, относила обратно. Раз как-то я спросила Веру Оск<аровну>¹⁵, почему они не дают циклов читать кому-ниб<удь> кто еще не член Ант<ропософского> Об<щества>, быть может это очень важно для чьей-ниб<удь> души. А ведь посвященные не имеют права что-либо скрывать от того, кто уже готов принять истину. Она ответила

¹³ Павел Христофорович Кананов.

¹⁴ Курс длился 1—1,5 года.

¹⁵ Вера Оскаровна Анисимова (1888 (1890?)—1967), ур. Станевич — писательница, переводчица. Вместе с мужем Ю. П. Анисимовым участвовала в поэтическом кружке, группировавшемся при «Мусагете». Антропософка. Занималась хиромантией. В мае 1912 г. М. В. Сабашникова писала А. С. Петровскому: «Еще раз были у меня Анисимова и Быстрова. Последняя глубоко сознала необходимость знать и работать; а Вера Оскар<овна> еще за «восторг душевный» и о серьезности, о необходимости работать не думает» (ОР ГМИИ. Ф. 43. Оп. V. Ед. хр. 454). В 1916 г. Анисимова вместе с К. Н. Васильевой и некоторыми другими антропософами собиралась создать кружок «для изучения вопросов сознания» (ОР ГМИИ. Ф. 43. Оп. V. Ед. хр. 436).

с какой-то легкостью в тоне: «Вы же прочтете это через два года! А пока изучайте напечатанные произведения Штейнера¹⁶, в них ведь очень много заключено. И почему Вам кажется, что именно те лекции важны для вашей души!»

При этом все присутствующие члены кружка добродушно посмеялись надо мной и подтвердили слова Веры Оск<аровны>, так эти слова показались им убедительны. Я ничего не возражала, но могла бы возразить: то, что сказано в напечатанных произведениях Штейнера, освещается гораздо ярче, когда прочтешь закрытые лекции. И два года ждать того, что уже так долго я ждала. Ждать, зная, что ключ от тайны здесь, стоит только протянуть руку к запрещенному шкафу. А я не из тех, которые отступают.

17 марта 21 г.

Мысль, с которой я родилась: вера без верности ничто. Какое значение может иметь вера, если она сегодня есть, а завтра нет!

¹⁶ К этому времени на русском языке были опубликованы следующие сочинения Р. Штейнера: Культура пятой расы (Пер. Е. П.) // Вопросы теософии. Вып. I, 1907; «Фауст» Гете (Пер. А. Р.) // Вопросы теософии. Вып. I, 1907; Как достигнуть познания высших миров // Вестник теософии. 1908-1909 гг. (Пер. В. Лалетина) (2-е издание: Путь к посвящению или как достигнуть познания высших миров / Редакция и биографический очерк Штейнера — Е. Писаревой. Калуга, 1911; 3-е издание: Как достигнуть познания сверхчувственных миров. М.: Духовное знание, 1917); Теософия. Введение в сверхчувственное познание мира и назначение человека (Пер. А. Р. Минцловой). СПб., 1910; Теософия и наука (Пер. О. А.) // Вестник теософии. 1910, № 1; Мистика (Пер. Е. П.) // Вестник теософии. 1910, №№ 3—12; О человеческой ауре (Пер. Е. П.) // Вестник теософии. 1911, № 10—12; Путь к самопознанию человека в восьми медитациях. М., 1913; Истина и наука. Б. м., 1913; Из летописи мира. М.: Духовное знание, 1914; Теософия. М.: Духовное знание, 1915; Философия и теософия. М.: Духовное знание, 1915; Очерк тайноведения. М.: Духовное знание, 1916; Мистерии древности и христианство. М.: Духовное знание, 1912 (другое издание в переводе О. Н. Анненковой вышло в 1917 г. под названием «Христианство как мистический факт и мистерии древности»); Сущность искусств. М.: Духовное знание, 1917; Теософия и социальный вопрос. М.: Духовное знание, б.г.; Отче наш. М.: Духовное знание, 1917 (Пер. Е. П. Машковцевой).

29 марта 21 г.

Вчера на «понедельнике»¹⁷ М<ихаил> П<авлович> высказывал интересную мысль (Штейнера) о том, что человек должен развивать в себе «моральную фантазию», импровизацию нравственности, т. е. творить добро и создавать решения не обусловленные внешними мотивами, но исходящие из внутренних мотивов.

На пути домой Муратова¹⁸ заговорила с М<ихаилом> П<авловичем> о запрещенных циклах (прижимая к груди одну из закрытых лекций, которую она незаметно стащила) и М<ихаил>П<авлович>, возражая ей, говорил, что в напечатанных произведениях Шт<ейнера> заключено столько, что всегда можно открывать новое. [Да, когда знаешь большее].

Я вмешалась и заметила: «Но, может быть, в этих закрытых циклах найдется одна фраза, которую душа искала всю жизнь».

— Да, да, — воскликнула Муратова, — вот именно одну фразу, которую душа искала всю жизнь! Ведь мы же ищем!

Он ответил что-то неопределенное... что-то очень далекое от «моральной фантазии»¹⁹.

21 апреля 21 г.

Некоторые из антропософского кружка говорят: «Зачем думать о наших прошлых воплощениях?»²⁰ Не все ли равно,

¹⁷ Антропософские кружки должны были собираться строго в определенные дни. Например, кружок Б. П. Григорова с 1910-х гг. собирался по вторникам, как и многие кружки в Германии. Таким образом поддерживалось единство ментальных усилий.

¹⁸ Рискнем предположить, что речь идет о первой супруге искусствоведа Павла Петровича Муратова Евгении Владимировне Муратовой (1884/85—1981), ур. Пагануцци. Она была танцовщицей-«босоножкой», т. е. танцевала в соответствии с канонами школы Айседоры Дункан, выступала в студии Э. И. Рабенек. См. Андреева Н. Неуловимое создание. М.: Совпадение. 2000.

¹⁹ Ср. запись П. Н. Зайцева в записной книжке (20 августа 1930 г.): «Что может помочь в наших трудностях: 1) Моральная фантазия (вслушиваться, вглядываться из любви, из братства, из бережности) <...>» — Зайцев П. Н. Указ. соч. С. 26.

²⁰ Учение о перевоплощениях составляет важную часть антропософского видения мира. Например, М. Н. Жемчужникова во время допросов на след-

кем мы были в прошлом? Лучше думать о настоящем и будущем». Но это не все равно, если хочешь найти себя. Ты рождаешься сегодня, и совершенно не помнишь, что было с тобой раньше, во все, предшествующие сегодняшнему, дни. У тебя осталось только смутное чувство, что ты должна что-то совершить, куда-то пойти, что-то взять, что-то выбрать, где-то с кем-то встретиться, какие-то решения предпринять, какие-то чудеса совершить... Но что? Почему? Куда? И где? И когда ты спрашиваешь людей, которые поучают других о реальности перевоплощения, когда ты их спрашиваешь об этой реальности, они ничего другого не находят тебе ответить, как только это: «Не думайте о прошлом, мало ли что можно вообразить!» [Мне не нужно воображение — мое, но — реальное].

24 апреля 21 г.

Странно, что члены Ант<ропософского> Об<щества> относятся к членам [вступительных] кружков, к каждому в отдельности, не как человек к человеку, но как наставник к ученику: как человек, «знающий» истину, к человеку, не знающему ее. Отсюда в них чувствуется замкнутость, отчужденность. Какое-то: «Смотри на меня издалека».

3 мая 21 г.

Вчера был пасхальный вечер в «кружке». М<ихаил> П<авлович> и Кл<авдия> Ник<олаевна> говорили, каждый вроде маленькой лекции, какие-то историко-литературные доклады на тему: «Фауст как тип современного человека, или отношение Фауста к совр<ременным> душам»²¹. Все разошлись разоча-

ствии по делу об Ордене тамплиеров так сформулировала свои воззрения: «По своим убеждениям я являюсь антропософкой. Это значит, что я признаю наличие в человеке и мире самостоятельной духовной силы, существующей в непроявленном физическом состоянии; признаю учение о перевоплощении и карме, согласно учению Штейнера <...> Через внутреннее сосредоточение я познаю волю кармы и поступаю в согласии с этим» (См.: Орден Российских тамплиеров. Публикация, вступительные статьи, комментарии, указатель А. Л. Никитина. Т. I. М.: Минувшее. 2003. С. 59).

²¹ Сочинение Гете «Фауст» являлось знаковым для антропософов. Штейнер читал лекции о «Фаусте» в 1911 и 1918 гг. (GA 272—273): Фауст, человек

рованные и обманутые в ожиданиях. Велико, значит, недоверие к нам, если даже в великий праздник Пасхи они не могли нам ничего сказать о воскресении Христа, о чем так много говорит Шт<ейнер> [в «закрытых» лекциях]. А Фауст нам был ни к чему в этот вечер!

14 июня 21 г.

Вчера вечером я и Марк²² шли вдвоем, возвращаясь с нашего «понедельника». Наш разговор не был похож на разговор современных людей. Марк сказал, что он озабочен тем, что при медитациях приходится все время разбираться в своих чувствах и ощущениях, и может ли это быть правильным [полезным] так разглядывать свою душу? Я ответила на это, что чувства души и отправления духа не есть сам человек, но себя можно познать, равно глядясь в то, что именно ты отвечаешь на них. В том, чем твоя сокровенная сущность отвечает на приходящие к тебе чувства и мысли, в том узнаешь ты себя. Все дело в том, что следует приучаться смотреть на свои чувства и мысли как на посторонние существа. Нужно отличать их от себя. Это не ты, но они дают тебе знать о себе самой, проходя через твою душу. Смотри в себя, ты видишь не себя, но внешний душевно-духовный мир.

19 июня 21 г.

Недавно в музей пришел один читатель, немец, который как-то, уже довольно давно, просил меня дать ему какие-нибудь книги по оккультизму [на немецк<ом> яз<ыке>]. Я ему

стремления (духовнонаучные комментарии к «Фаусту» Гете); Проблема Фауста. Романтическая и классическая Вальпургиева ночь (духовнонаучные комментарии к «Фаусту» Гете).

²² Марк Владимирович Шмерлинг (1895(1899?)—1982) — поэт, переводчик, педагог. Репрессирован. По сведениям Канановой, был на 8 лет ее младше. Первая жена — княжна Туркестанова Наталья Васильевна (1901—1991). В 1920-е годы уехал в ссылку за своей будущей второй женой, Т. Н. Ментовой, в г. Кустанай. Вернувшись, жил в Москве. Известно, что М. В. Шмерлинг работал над переводами трудов Р. Штейнера, в частности, над Драмами-мистериями. Оставался верен антропософии до конца жизни. О нем см.: Жемчужникова М. Н. Указ. соч. С. 35 и след.

достала тогда несколько книг, в том числе Штейнера. Вдруг теперь, увидев меня, он ни с того ни с сего закричал (он глухой) на весь зал: «Как я Вам благодарен! Вы так внимательны! Я это чувствую до глубины души!» Читатели подняли головы в изумлении. Я не знала куда деться. [Это был пожилой господин, он в первый раз пришел со своим сыном, который и объяснил мне, что тот хочет читать].

22 июня 21 г.

Вчера я провела вечер в антроп<ософской> компании, в гостях у Марьи Григорьевны Рейн²³. Вернулась домой только к трем часам ночи. Мы пили чай в саду, любуясь радугой²⁴. Вера Оскар<аровна> читала вслух стихи своего мужа [Юлиана Анисимова²⁵]. Потом Нилендер²⁶ начал говорить какую-то

²³ Мария Григорьевна Рейн (1884—1952), ур. Ярцева — художница, во время Первой мировой войны была сестрой милосердия в московском госпитале. Училась в университете Шанявского. Ее отец — художник-пейзажист Григорий Федорович Ярцев (1858—1918). Ее второй муж — Борис Александрович Рейн, врач (ум. 1919) (см.: Архив РАН. Ф. 543. Оп. 6. Ед. хр. 158). В 1920-е гг. служила в Румянцевском музее в художественном отделе, куда ей помог устроиться А. С. Петровский (она была знакома с ним с 1919 г.). В 1930-е гг. зарабатывала переводами с русского на иностранные языки и считалась хорошим специалистом в этой области. В 1940-х — начале 1950-х гг. работала в библиотеке Института геодезии и картографии. Много лет была влюблена в А. С. Петровского (без взаимности). По ее утверждениям, его 4-юродная сестра. Была знакома с А. П. Чеховым. В последние годы жизни потеряла голос и практически не могла говорить. Скончалась после тяжелой болезни.

²⁴ М. Г. Рейн имела комнату в маленьком деревянном домике № 5 в Малом Толмачевском переулке у Малого Каменного моста. А. С. Петровский поселился и несколько лет жил у нее после возвращения из лагеря в 1933 г.

²⁵ Юлиан Павлович Анисимов (1889—1940) — поэт, художник, переводчик, искусствовед, служил в Третьяковской галерее. Антропософ. Известны его стихотворения «Святой Серафим» с посвящением А. А. Сидорову (1913), а также «Память» с посвящением Т. Г. Трапезникову (1918). Некролог, написанный Н. Г. Машковцевым, см.: Искусство. 1940. № 4.

²⁶ Владимир Оттонович Нилендер (22.11(4.12).1883—3.06.1965) — филолог-классик, переводчик, преподаватель. Родился в Смоленске дворянской семье. Учился в Морском кадетском корпусе. До 1916 г. учился на классическом отделении историко-филологического факультета Московского университета. Друг Андрея Белого. Сотрудник издательства «Мусагет».

длинную историю о своей работе над исследованием гностицизма. Петровский²⁷ несколько раз его шутливо перебил. Тот расстроился, надулся и плаксивым голосом объявил, что не будет больше об этом говорить. Его стали уговаривать, он упирался, повторяя: «Я не могу быть гарантирован, что меня опять не перебьют». Петровский на это кротко заметил: «Ни-

Входил в круг А. Р. Минцловой. На осень 1910 г. был намечен доклад Нилендера об орфических гимнах в «Мусагете». В издательстве Сабашниковых готовил издание греческих лириков, редактор издания «Персидские лирики» (М., 1915) и последнего издания стихотворений Владимира Соловьева. Служил в Румянцевском музее с 1919 г. помощником заведующего Отдела классической филологии, затем «заведующим группой Спец. читального зала». Эмиссар Музейного отдела Наркомпроса, занимался спасением частных, в том числе, усадебных библиотек. Уволен из Ленинской библиотеки в 1931 г. Участвовал в театральных проектах В. Э. Мейерхольда, МХАТ. Опубликовал «Фрагменты» Гераклита Эфесского (1910), перевод трагедии Эсхила «Прометей» (1925) и другие переводы античных классиков. Член Союза писателей. Занимался вопросами поэтического ритма и писал диссертацию на эту тему. Антропософ. О нем см.: Андрей Белый. Начало века (глава «Тройка друзей»). / Подготовка текста и комментарии А. В. Лаврова. М.: Художественная литература, 1990. С. 389; Полтавская Л. В., Новиков Л. А. Нилендер Владимир Оттонович // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. Т. 4. М., 1999. С. 332—333.

Его вторая жена — Надежда Алексеевна, ур. Шиманович, в первом браке Леонтьева (1898 — после 1965) — эвритмистка, историк танца, преподаватель ритмо-пластической гимнастики, хореограф. Член «Ордена Света». Репрессирована. О ней см.: Никитина В. Р. Дом окнами на закат: Воспоминания / лит. запись, вступ. ст., коммент. и указ. А. Л. Никитина. М.: Интерграф Сервис, 1996.

²⁷ Алексей Сергеевич Петровский (1881—1958) — библиограф, коллекционер гравюр. Близкий друг Андрей Белого. Служил в Румянцевском музее с 1912 г.; создатель (совместно с Н. П. Киселевым) системы каталогов библиотеки музея. Антропософ, участник строительства Гетеанума. Один из основателей Российского антропософского общества. О нем см.: «Мой вечный спутник по жизни». Переписка Андрея Белого и А. С. Петровского: Хроника дружбы. Вступ. статья, составление, комментарии, подготовка текста Дж. Малмстада. М.: НЛО, 2007; Письма А. С. Петровского к П. А. Флоренскому / вступительная статья и комментарии Е. В. Ивановой, Л. А. Новикова // Павел Флоренский и символисты. Составление, подготовка текстов и комментариев Е. В. Ивановой. М.: Языки славянской культуры. 2004. С. 573—595; Андрей Белый. Посмертная диагностика гениальности

чего, будь гарантирован»²⁸. Нилендер продолжал свою речь, как вдруг дико закричала кошка. Это была большая, полосатая, с диким взглядом кошка, которая, волнуясь, все разгуливала по саду. Все обернулись к ней, стали звать: «Кис, кис...»

Кошка продолжала дико кричать. Но и Нилендер тоже продолжал невозмутимо, с воодушевлением, говорить о гностиках. Наконец кое-как его отвлекли от этой темы. Уже стемнело, все стали переносить посуду и стулья в комнаты. Затем начался концерт. Пела Вера Оск<аровна> и какая-то барышня.

В былые годы, слушая пенье, я в то же время слушала Люцифера²⁹, нашептывавшего всякие «безумные» мечтанья. Теперь же вижу Люцифера вовне, а не ощущаю его слитным с моим существом. Вижу, как он подходит ко мне и говорит: «Вспомни то, пожелай того, почему бы тебе не помечтать». Я ответила, именно я ответила: «Я мечтаю только о чистоте душевной».

5 июля 21 г.

Вчера в нашем кружке собралось пять человек: Вера Вас<ильевна>³⁰, Марья Григ<орьевна>, я, старуха Леше³¹ и старый дарвинист.

или штрихи к портрету творческой личности. / Публ. М. Л. Спивак // Минувшее. Исторический альманах. СПб., 1998. С. 450—454 и след.

²⁸ Возможно, А. С. Петровский шутил, обыгрывая термин «гарант» (см. ниже прим. 40).

²⁹ Люцифер в антропософии означал демонический соблазн, дух гордыни и «человекобожеского» начала. В цикле «Откровения кармы» (1910 г.) (GA 120) Штейнер говорил: «Нигде в наши чувства Люцифер не вмешивается так, как там, где люди, исходя из своих страстей, вожделений, стремятся к Божественному, не осветив этого Божественного лучами сознания» <http://www.rudolf-steiner.ru/50010252/1508.html>.

³⁰ Вера Васильевна Поспелова, во втором браке Губерт, ур. Помельцова (1891 — после 1960) — музыкальный педагог. Являлась членом ордена тамплиеров. Об этом см.: Розенкрейцеры в Советской России. Документы 1922—1937 гг. Публикация, вступительные статьи, комментарии, указатель А. Л. Никитина. М.: Минувшее. 2004. С. 229—307.

³¹ В списке московской Ломоносовской группы за 1926 г. указана Вера Леше (РГВА. Ф. 1176. Оп. 1. Ед. хр. 24 а. Л. 11 об.).

Этот последний начал развивать свои убеждения. Он, оказывается, философ и пишет книгу, которую торопится закончить до своей смерти. Он жаловался, что трудно усваивает идеи Штейнера, и хотел бы посещать вступительный кружок еще несколько лет. Он поразил нас троих своими мнениями (старуха Леше невозмутимо молчала) о том, что существует только зло, а добро есть замаскированное зло. Он ищет истину и хочет обрести ее только на пути чистого познания, чуждо-го всякой морали и всякого приложения к жизни. При всем его уважении к Штейнеру, он считает его неискренним, потому что у Шт<ейнера> нигде нет сомнения в истинности своих утверждений, а всякий искренний человек, будто, обязательно должен сомневаться в себе самом.

Наружность у этого старика тоже не совсем обычная. Он производит впечатленье старого ученого колдуна. Смуглое, коричневое лицо, без растительности, с высохшими, выточенными чертами.

Довольно долго мы спорили. Старуха Леше не произнесла ни слова. Потом М<арья> Г<ригорьевна> прочла вслух лекцию Шт<ейнера> «Задача духовной науки и отношение к ней ее противников»³². Такого противника, как наш старик, Штейнер не предусматривал!

Домой я шла по пути с Верой Вас<ильевной> и М<арьей> Г<ригорьевной>. Старики разбрелись отдельно, каждый своим путем.

Вера Вас<ильевна>, смеясь, высказала предположение: что было бы, если б Штейнер неожиданно появился среди нас?..

М<арья> Г<ригорьевна> сказала: «Я бы подумала, что это призрак».

— Но при этом предательски взвизгнула бы! — продолжала Вера Вас<ильевна>, — Я бы предложила ему красную розу, если б таковая оказалась в моих руках. Зоя Дмитр<иевна> не знаю, как бы себя держала, должно быть, как-ниб<удь>

³² По всей вероятности, речь идет о статье Штейнера «Was soll die Geisteswissenschaft und wie wird sie von ihren Gegnern behandelt?», напечатанной в сборнике Philosophie und Anthroposophie. Gesammelte Aufsätze. 1904—1918 (GA 35). Перевод названия статьи в том виде, как приводит его Кананова, выполнен неточно.

особенно. Старик был бы парализован. Одна старушка продолжала бы тихо сидеть, за это можно ручаться!

[Вера Васильевна Пospelова была ровесница мне, красивая брюнетка, интересная, остроумная. Ее постигла тяжелая судьба: она порядочно лет пробыла в ссылке, вернулась оттуда уже старухой и через год или два умерла от удара.

Ее сестра, красивая блондинка, Евгения Вас<ильевна>³³, стала третьей женой М. И. Сизова³⁴. Когда он ее бросил, — вышла замуж за своего какого-то старого поклонника³⁵ и живет с ним в богатстве и благополучии.

Вера Вас<ильевна> до ссылки отбила мужа у одной антропософки и жила с ним, пока он ее не бросил.

Ан<астасия> Ал<ексеевна>³⁶ рассказывала, что обе сестры и Мих<аил> Ив<анович> Сизов стали членами какого-то общества «Тамплиеров»³⁷, соблазнившего их методами быстрого развития ясновиденья. Но что-то не слышно было, чтобы они добились чего-ниб<удь>, кроме нашествия гепеушников.

³³ Евгения Васильевна Сизова, ур. Помельцова (1900 — после 1950). Член ордена розенкрейцеров-орионийев. Об этом см.: Розенкрейцеры в Советской России... С. 212—307.

³⁴ Михаил Иванович Сизов (1883—1856) — преподаватель естественной истории, поэт, критик, переводчик. Друг Андрея Белого. Антропософ. Член ордена розенкрейцеров-орионийцев. О нем см.: «Ужин со Штейнером...» Письмо Андрея Белого Михаилу Сизову (1915) // Спивак М. Л. Указ. соч. С. 74—76; Розенкрейцеры в Советской России... С. 212—307.

³⁵ Брунов.

³⁶ Анастасия Александровна Брычёва (1884—1966). Близкая знакомая З. Д. Канановой, много лет занималась вместе с ней антропософией. У нее две дочери — Ирина и Наталья. Ирина была замужем за К. В. Помельцовым (профессором, врачом-рентгенологом).

³⁷ Об этом см.: Орден Российских тамплиеров. Публикация, вступительные статьи, комментарии, указатель А. Л. Никитина. Т. I. М.: Минувшее. 2003. С. 368—387.

К ним принадлежала, кажется, и Марья Ник<олаевна> Жемчужникова³⁸, она тоже оказалась в ссылке. Но Сизов с женой каким-то образом уцелели].

5 декабря 21 г.

Вчера был последний «понедельник» нашего антр<опо-софского> кружка. Присутствовал Трапезников³⁹ в качестве «гаранта»⁴⁰. М<ихаил> П<авлович> сказал о том, что настало время каждому из нас решить, готов он или нет вступить в Антр<опософское> Об<щество>. Все сидели, полные торжественного внимания и сознания своей ответственности. Некоторые, в том числе Вера Васильевна и Надежда Степановна [Клименкова, музыкантша]⁴¹, выступили с пожеланиями обес-

³⁸ Мария Николаевна Жемчужникова (1899—1987) — переводчица, мемуаристка. Антропософка. Репрессирована (см.: Орден Российских тамплиеров... Т. I. С. 57—60). З. Д. Кананова так описала ее внешность: «У Марьи Николаевны интересное лицо: прямая линия лба и носа, разрез глаз как на древних барельефах. Тонкие черты, прозрачный цвет лица. Светлые, гофрированные от природы волосы» (запись 18 декабря 1934 г.).

³⁹ Трифон Георгиевич Трапезников (1882—1926) — сын разорившегося купца, окончил Императорское коммерческое училище ведомства Императрицы Марии (учился вместе с антропософом В. М. Викентьевым). Продолжил образование в Германии, где изучал искусствоведение, защитил диссертацию. Антропософ. Активный член Русского Антропософского общества, участвовал в создании его структуры в 1912 г. Вероятно, член розенкрейцерского кружка (вместе с В. М. Викентьевым и А. В. Сабашниковым). В 1917 г. — председатель РАО. Член музейного отдела Наркомпроса, принимал участие в спасении художественных сокровищ России. Работал в Институте истории материальной культуры им. Н. Я. Марра. См.: Романов Н. Памяти Т. Г. Трапезникова // Жизнь музея. Бюллетень. 1927. № 3 (апрель). С. 1—4.

⁴⁰ «Гарант» — антропософ, имеющий определенное посвящение, получивший право принимать в Общество. Первыми русскими «гарантами» были супруги Григоровы и О. Н. Анненкова. Затем вместо нее был назначен (в 1912 г.) Т. Г. Трапезников. См.: ОР ГМИИ. Ф. 36. Оп. I. Ед. хр. 393; Ф. 43. Оп. V. Ед. хр. 454.

⁴¹ Надежда Степановна Клименкова (1894—1973) — пианистка. Окончила Московскую консерваторию. В 1920-е — 1930-е гг. преподавала в музыкальном техникуме им. В. В. Стасова. Давала сольные концерты фортепианной музыки. Концертмейстер Большого театра. Мемуаристка. Антропософка, дружила с К. Н. Васильевой. Арестована по «делу» антропософов в 1931 г. Ей удалось избежать высылки. В начале 1960-х гг. ходила в библиотеку им. Ленина и читала там книги о Штейнере на немецком языке, хоть

печить себе отступление, на случай, если они почему-либо охладят к антропософии. [Я тогда спросила Марию Григ<орьевну>, вступает ли она в члены Ант<ропософского> Об<щества>. К моему изумлению она ответила так: «А почему же нет, если люди, которым я доверяю, там. И к тому же я всегда могу уйти». Только позже я поняла, в чем тут дело...⁴²]

15 декабря 21 г.

Сегодня в 6 часов вечера я посетила Трапезникова. Он задал мне несколько вопросов, нечто вроде экзамена, затем дал подписать лист с заявлением, что я согласна с идеями Ант<ропософского> Об<щества> и хочу вступить в Общество. Когда я прощалась, он сказал: «Ну вот, в понедельник приходите в Ант<ропософское> Об<щество>, будете приняты».

20 декабря 21 г.

ей и казалось, что за ней следят представители КГБ (запись З. Д. Канановой в дневнике от 1 сентября 1961 г.).

Ее отец Степан Иванович Клименков — врач, около 20 лет тяжело болел и был прикован к постели, при этом находился в полном сознании (ум. в ноябре 1934 г.). Над его кроватью, как пишет З. Д. Кананова, висел портрет Штейнера. О нем всегда беспокоился и спрашивал Н. С. Клименкову Т. Г. Трапезников. Мать, урожденная фон Фрейман, служила в театре.

У подруги тетки Н. С. Клименковой проходили философско-религиозные собрания. Она познакомила ее с Васильевыми, которые приняли ее в посвятельный кружок. К. Н. Васильева очень ценила исполнительскую манеру Н. С. Клименковой. В недатированной записке она обращалась к ней: «А Ваша музыка — как много она всегда мне давала. Ваши «рафаэлевские тона» бесконечно близки. Без слов как-то знаю их устремленность. Ведь музыка — это основа мира. А мир в основе своей — свет. Сияющий свет Вашей музыки непрестанно звучит, как только вспоминаю Вас. Помните, как один великий поэт слушал музыку солнца. И для Бориса Николаевича свет и звук и — мысль — переходили друг в друга. Через него привыкла и я соединенно воспринимать их. И вот — в Вашей музыке всегда долваю мысль. Не холодную, не абстрактную. Но живую, певучую, светлую <...>» (НИОР РГБ. Ф. 699. Картон 3. Ед. хр. 11. Л. 11 об.).

⁴² Речь идет об отношении М. Г. Рейн к А. С. Петровскому, в судьбе которого она принимала живейшее участие.

Вчера был наш последний «понедельник», самый важный. М<ихаил> П<авлович> читал «Лекцию для русских» Штейнера⁴³.

Оказались принятыми 12 человек, и еще трое приняты условно, т. е. им дается еще три месяца на размышление, это Над<ежда> Степ<ановна> <Клименкова>, Ан<астасия> Ал<ексеевна> Брычѐва и Машковцев⁴⁴.

⁴³ Лекцию для русских Р. Штейнер читал дважды. Первый раз — во время цикла в Гельсингфорсе 29 апреля 1912 г. В начале 1912 г., во время подготовки к открытию Русского Антропософского Общества, русские «штейнерьянцы» вели споры о пути России. Возможно, эта лекция была ответом на их вопросы. Лекция была застенографирована, затем, вероятно, выверена Штейнером и распространялась в списках. Лекцию прослушали Б. П. Григоров, М. И. Сизов, А. С. Петровский, В. М. Викентьев, М. И. Сизова, Эллис, М. В. Сабашникова, О. П. Костычева и другие. Б. П. Григоров писал жене 28 марта 1912 г.: «Теперь самое главное, по нашей общей просьбе завтра днем Д<окто>р прочтет лекцию специально для русских, мы просили с разрешения Д<окто>ра стенографа присутствовать и стенографировать, так что и ты получишь возможность слушать ее. Тема неизвестна, но конечно она будет особенно близкая нам» (ОР ГМИИ. Ф. 43. Оп. V. Ед. хр. 97). На следующий день он продолжал: «Сегодня мы слушали Д-ра два раза: в половине третьего дня он в номере г-жи Рейер прочел только для нас, русских, интимную лекцию, о которой мы его просили. Лекция произвела на нас громадное впечатление, не столько содержанием даже, а тем, как она была сказана, с глубоким чувством, без того пафоса, который бывает на публичных лекциях, по временам совсем тихим, медленным, проникновенным голосом в маленькой комнате для 15-ти приблизительно человек. Она стенографирована, но стенограмма будет нам выслана только недели через три из Берлина. Начал он с характеристики Блаватской и ее деятельности, затем перешел к различию между Западом и Востоком, о трудном положении России, лежащей между ними, даже говорил о миссии России, состоящей в том, чтобы «geben dem Geiste eine Seele», о русской народной душе (Volksseele), которую мы, русские, часто не понимаем, и пожелал, чтобы мы к нашей любви и воодушевлению выработали энергию и выносливость» (ОР ГМИИ. Ф. 43. Оп. V. Ед. хр. 98). Второй раз — 5 июня 1913 г., также в Гельсингфорсе, — Штейнер прочел специально для русских слушателей (примерно 30 человек) лекцию о русской народной душе, об идее свободы на Западе и Востоке. В архиве М. Н. Жемчужниковой сохранились воспоминания К. Н. Васильевой-Бугаевой об этих событиях (К. Н. Бугаева. «О том, как образ Рудольфа Штейнера отразился в одной душе»), текст которых приведен в: Волошина М. (Сабашникова М. В.) Зеленая змея. История одной жизни. Пер. с нем.

Перед уходом я подошла к Трапезникову и начала благодарить его за то, что он меня принял, и сказала, что я постараюсь оправдать его доверие. Он протянул мне руку и долго пожимал мою, и лицо его осветилось радостью и доверием. В этот вечер все были в приподнятом настроении, полным торжественности и братского единения. Никто не вносил контраста. Над<ежда> Степ<ановна> от лица всех благодарила М<ихаила> П<авловича> и Кл<авдию> Ник<олаевну> за их заботы о нас в течение полутора года. Трапезников не принял ее в члены, потому что в разговоре с ним она говорила: «Я человек увлекающийся и не могу ручаться, что завтра не увлекусь чем-нибудь другим и брошу антропософию. И заниматься ею у меня нет времени».

Она все же вынесла очень хорошее впечатление от разговора с Трапезн<иковым>, хотя и сказала, что он ей дал щелчок по самолюбию.

25 декабря 21 г.⁴⁵

Нужно ли записывать вчерашний вечер? Хотя он был не на высоте тех духовных переживаний, которых я ожидала от него, но все же он имел значение.

Группа Григорова⁴⁶ организовала этот вечер. [«Старшие» антропософы были расколоты на две группы, отдельно зани-

М. Н. Жемчужниковой. М., 1993).

⁴⁴ Николай Георгиевич (Юрьевич, Егорович?) Машковцев (1887—1962) — искусствовед, член Вятского художественного кружка, сотрудник Третьяковской галереи, член-корреспондент Академии художеств СССР. Антропософ. М. В. Сабашникова несколько раз в письмах 1912 г. к А. С. Петровскому просила его «заняться» Н. Г. Машковцевым.

⁴⁵ Как видно из текста «Фрагментов», московские антропософы всегда праздновали Сочельник и Рождество по григорианскому календарю.

⁴⁶ Борис Павлович Григоров (1883—1945) — присяжный поверенный, экономист, преподаватель. Теософ, затем последователь Штейнера, антропософ. Его жена — Надежда Афанасьевна, ур. Бурьшкина (1885—1964) — врач, теософка, затем антропософка, организовала литературный кружок в 1920-х гг. В 1910 г. супруги прослушали цикл лекций Штейнера в Берне, после чего организовали в Москве кружок для чтения циклов. Один из основателей РАО. Репрессирован по «делу» антропософов в 1931 г. О группе Григорова см. прим. 54.

мавшиися и ведущие «кружки», и мало ладившие между собой].

Марк пришел за мной, и как только мы вышли на улицу, он спросил:

— Ну, как Вы себя чувствуете в этом новом состоянии?

— Это как раз тот самый вопрос, который я вам только что хотела задать.

— Но я спросил первый.

— Хорошо, я скажу. Я чувствую себя совершенно изменившейся.

— В каком смысле?

— В смысле отречения от себя.

— В самом деле? И я испытываю то же самое!

Когда мы шли, разговаривая об этом, колокола звонили как-то особенно, с каким-то новым значением, и мы оба это заметили. Церковь в этот день не праздновала сочельник, но это была суббота.

Когда мы пришли, в комнате было сумрачно, и все сидели молчаливо. Только какие-то мало кому знакомые личности возились у стола, приспособляя к елочным веткам, воткнутым в вазу, восковые свечи. Когда все собрались, Борис Павл<ович> [Григоров] прочел календарную медитацию на эту неделю⁴⁷:

Ich fühle wie entzaubert

Das Geisteskind im Seelenschoss...⁴⁸

⁴⁷ Медитация из «Календаря души» (Seelenkalender). См. письмо Б. П. Григорова к жене из Гельсингфорса от 29 апреля 1912 г.: «Он (Штейнер — Д. Л.) показал нам только что вышедший и присланный сюда ему в одном экземпляре теософский календарь, в котором летоисчисление ведется с момента смерти Христа на Голгофе (момента рождения „Ich“ («Я» — Д. Л.) для людей), так что вместо 1912 г. напечатано 1879 г. Затем, год начинается не 1го января, а с первого дня Пасхи, над месяцами особые символы знаков Зодиака, а на каждую неделю особое стихотворение, служащее для медитации и вызывающее особое чувство соответственно данной неделе». (ОР ГМИИ. Ф. 43. Оп. V. Ед. хр. 98).

⁴⁸ Полный текст медитации таков (текст приводится по записной книжке З. Д. Канановой): XXXVIII Weihe-Nacht-Stimmung. 22—28 Dez.

Ich fühle wie entzaubert

Das Geisteskind in Seelenschoss

Потом следовала вся программа: чтение и игра на рояле и фисгармонии.

Группа «Пятницы»⁴⁹ держалась как-то слишком молчаливо и холодно, не внося никакой инициативы, никакого оживления. Группа Григорова («Вторник») одна только и была оживлена, но их настроение разбивалось о сдержанную замкнутость «Пятницы». Новые члены сидели тихо и скромно. По окончании программы, Борис Павл<ович> пригласил всех к себе на чай. (Желавшие принять участие вносили деньги за несколько дней до того). Его сестра⁵⁰ сказала несколько слов о том, что в этот день хорошо было бы забыть все личные несогласия и объединиться в любви, как братья и сестры по

Es hat in Herzens Heiligkeit
Gezeugt das heilige Weltenwort
Der Hoffnung Himmelsfrucht,
Die jubelend wächst in Weltenfernen
Aus meines Wesens Gottes Grund.

* * *

Рождественское настроение. 22—28 декабря.
Я чувствую, расколдовано
Дитя духа в лоне души.
Оно в сердечной светлости
Рождает святое мировое слово,
Небесный плод надежды,
Ликуя растущей в даях миров
Из существа моего божественной основы.

⁴⁹ Группа «Пятницы» — это группа антропософов имени Владимира Соловьева, лидерами которой являлись К. Н. Васильева, Андрей Белый, М. П. Столяров, Т. Г. Трапезников. В 1923 г. Андрей Белый приветствовал посещение Зайцевым «пятниц». В 1930 г. П. Н. Зайцев писал: «Пятницы стали нашим днем для нас» (Зайцев П. Н. Указ. соч. С. 28, 367).

⁵⁰ Софья Павловна Григорова (1896—1972), в браке Захарова. В 1919—1929 гг. служила в Историческом музее, в 1925—26 гг. подготовила и прочла там доклады о масонстве и розенкрейцерстве. См.: Лотарева Д. Д. Масонские предметы, изобразительные материалы и рукописи в фондах ГИМ // Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры. / Труды Государственного исторического музея. Вып. 182. М., 2010. С. 494.

духу. Никто из членов «Пятницы» ей не ответил ни слова. И когда все перешли через улицу в дом Григоровых⁵¹, вдруг оказалось, что вся «Пятница» исчезла. Новые члены очутились затерянными среди малознакомой для них группы «Вторника». Из группы «Пятницы» остался один юноша с меланхолическими глазами. Он сказал, что те все пошли к Вере Оск<аровне> праздновать сочельник, как это у них бывает каждый год.

26 декабря 21 г.

Вчера, в первый день Рождества, группа «Пятницы» устраивала вечер. Комната была ярко освещена, и стояла настоящая елка, сияющая множеством огней. Несколько дам были в белых, воздушных платьях, это те, которые должны были делать эвритмию⁵². Царило общее радостное оживление. На наши вопросы, по поводу вчерашнего исчезновения, некоторые из членов «Пятницы» заявили, что это у них уже давно было условлено, и что это вполне естественно.

Вечер начался игрой Веры Оск<аровны> на фисгармонии. Потом Трапезников прочел календ<арную> мед<итацию>, после чего разложил исписанные листки перед собой и прочел их. Он начал словами: «Дорогие друзья! Сегодня мои слова относятся главным образом к тем из наших друзей, которые теперь впервые вступают в нашу среду. Для нас их вступление

⁵¹ Судя по адресам на конвертах, Григоровы с 1916 г. проживали по адресу: Садовая-Кудринская, 7, кв. 2. Квартира, отведенная под собрания, находилась в доме по адресу: Садовая-Кудринская, 6, кв. 2. В 1915 г. собрания Общества проходили также по адресу: Новинский бульвар, 103, кв. 41 (современный адрес: Новинский бульвар, 13, здание перестроено. Видимо, это была часть конторы предприятия, принадлежавшего семье Бурышкиных, из которой происходила Н. А. Григорова — супруга Б. П. Григорова).

⁵² Эвритмия — особое искусство движения, когда жестами нужно изображать гласные и согласные звуки, а также слова и фразы. Зародилось под влиянием Штейнера (см. его сочинение «Эвритмия. Откровение говорящей души. 1918—1924», ГА 277). Об этом см.: Киселева Т. Эвритмическая работа с Рудольфом Штайнером. / Пер. Т. Ушаковой. Киев: «НАИРИ». 2010.

должно иметь такое же значение, как рождение в семье новых членов семьи».

Потом прочел лекцию Шт<ейнера> о Рождестве⁵³. После лекции была эвритмия, потом пенье, закуска, опять пение, игра на рояле. В заключение многие читали свои стихи, и Мих<аил> Пав<лович> сказал несколько слов о празднике Рождества и о литании этого дня: «Я желаю абсолютной любви».

Так закончился этот вечер. Марк пошел провожать меня. Я, между прочим, сказала:

— Не странно ли, что вот Мих<аила> Павл<овича> я знаю уже полтора года, а Триф<она> Георг<иевича> всего третий раз вижу, и все-таки он мне ближе, чем М<ихаил> П<авлович>. Следует ли доверять таким внезапным чувствам? Что если такое доверие будет обмануто, и Т<рифон> Г<еоргиевич> окажется сухим человеком, совсем не чувствующим того, о чем говорит? [Теперь я думаю, что мои впечаленья от М<ихаила> П<авловича> и Тр<ифона> Г<еоргиевича> объяснялись тем, что в Триф<оне> Георг<иевиче> больше чувствовался оккультист, а М<ихаил> П<авлович> был больше похож на русского интеллигента, заинтересовавшегося оккультизмом].

Марк возмутился:

— Едва ли он такой! А если бы и было так, то зачем вам так бояться расточать свое доверие?

— Затем, что очень неприятно бывает чувство, когда доверие обмануто. Пример тому вчерашнее исчезновение «Пятницы».

Мы заспорили о поведении «Пятницы», потом, не помню, как, разговор перешел на другое. Марк сказал:

— Я нашел для вас удачное сравнение. Вы похожи на лань. Она смотрит пугливыми глазами на чье-нибудь приближение и отскакивает в сторону, не давая себя погладить, и в то же время безудержно смела. С легкостью носится среди опасных скал и взбегает на вершины гор. Разве этот образ не похож на вас? <...>

⁵³ В каталоге сочинений Штейнера упоминается цикл лекций «Истины Мистерий и импульс Рождества. Древние мифы и их значение» (16 лекций, Дорнах, 1917/18, GA 180).

27 декабря 21 г.

Сегодня в Музее я разговаривала с Кл<авдией> Ник<олаевной> по поводу взаимных отношений двух групп и загадочного исчезновения «Пятницы» в сочельник. Из ее слов выяснилось, что между двумя группами сложные отношения, и между ними было условлено заранее, что они не будут вместе заканчивать сочельник⁵⁴. А что касается объединения «Пятни-

⁵⁴ О взаимоотношениях групп им. Владимира Соловьева («Вторник») и им. Михаила Ломоносова («Пятницы») см.: Жемчужникова М. Н. Указ. соч. С. 45—49; Спивак М. Л. Указ. соч. С. 212—220; письмо А. С. Петровского к Андрею Белому, написанное летом 1921 г. и прим. 8 к нему, а также письмо от 7 сентября 1921 г. («Мой вечный спутник по жизни»... С. 261, 264, 266). Кроме того, некоторый свет на события проливают письма Надежды Афанасьевны Григоровой брату ее мужа, Сергею Павловичу Григорову. 5 сентября 1921 г. она писала: «Жизнь у нас идет понемножку. Были мы на пятнице. <Чиб.> пришел от нее в ужас, сказал, что надо им <прекратить> курить ладан, а мне даже не советовал ходить ввиду вредности. Говорит, что ими овладевает ларва и они все неузнаваемы. Так, он не узнал Кл<авдию> Ник<олаевну>, которая, по его словам, «тряслась», агитируя перед ним в пользу пятницы. В воскр<есенье> был <Чебыш.(?)>. Он почти наверное останется, на этой неделе должен уехать. Рассказывал очень много интересного. Днем был <1 нрзб>, также недоволен пятницей — мало активности. Они ведь договорились (конечно, начал Миша) о новом ритуале, новом Еванг<елии> и новой полит<ической> партии!! Посмотрели бы Вы на лицо <Чиб.> при этом» (ОР ГМИИ. Ф. 43. Оп. VI. Ед. хр. 40/1).

В письме от 20 сентября 1921 г. говорилось: «Вечер, т.е. ночь 3 ч. 10 м. Сейчас мы вернулись с общ<его> собр<ания>. Я улеглась и пишу Вам после долгих разговоров. В общем, кончилось все хорошо. Но было много возмутительного. Во-первых, начали в 8 ч. несмотря на то, что вторники <начинают> в 8 1/2, и не спросив нас. Затем Столяр<ов> и Белый говорили неприлично. Первый о том, что все прошлое надо совершенно забыть и строить О<бществ>о сначала (все в Борин огород). Второй — что только сегодня он чувствует свободу, связь с Дорнахом, что старое надо забыть и т. д. Боря замечательно удачно изложил, прямо на месте уложил Стол<ярова>, прочтя одну медитацию, которую тот исковеркал и на которой базировался. После этого тон сбавили, и стало лучше. Завтра к Алексею Васил<ьевичу> <Сабашникову> на форштанд. По правде сказать, не хочется. Когда приедете — все подробно расскажем» (ОР ГМИИ. Ф. 43. Оп. VI. Ед. хр. 40/3). Миша — М. И. Сизов. Форштанд (Vorstand) — руководящий орган Антропософского общества наряду с Советом. В него входили летом 1921 г. А. С. Петровский, М. П. Столяров, К. Н. Васильева, М. В. Сабашникова (они же упомянуты в письме Белого Асе Тургенева от 11 ноября

цы» в замкнутый кружок, то это они объясняют оккультными достижениями, которые осуществляются только от соединения определенных лиц, вместе долго работавших. [Какие у них «оккультные достижения»?!] [Думаю, что это у них была такая фантазия от самоменья. В жизни никаких «достижений» у них не выявилось].

10 февраля 22 г.

Вчера, на уроке эвритмии, Марк сказал мне:

— Вы, должно быть, много работали над собой в последнее время. Вы очень изменились. У вас физиономия стала другая и поведение другое.

— Какое это еще поведение?! В чем?

— Но ведь вы же сами отлично знаете, что вы изменились.

— Да, но вы-то как могли это заметить?

— А что вы думаете, я не ясновидящий? Все мы достаточно ясновидящие.

Эти слова доставили мне радость. Ведь это так ново, так непривычно для меня, чувствовать, что ко мне кто-то относится как к живому человеку. И не судит обо мне по какой-то старой мерке, не смотрит на меня сквозь какой-то отживший образ.

Когда мы возвращались с эвритмии, я шла с Муратовой и Марком. Муратова сказала, что ей непонятно в эвритмии переживание буквы «А». Марк начал объяснять, как он понимает это переживание:

— Представьте себе Адама, когда он упал из духовного мира на землю. Он простер так руки, как бы отстраняя нечто, и воскликнул: «А!»

Это восклицание вырвалось у Марка до того смешно, с каким-то наивным растерянным недоумением. Я давно так не смеялась. Муратова остановилась и прислонилась к стене от хохота.

1921 г. — Воздушные пути. V. 1967. С. 309 (http://vtoraya-literatura.com/publ_198.html). В Совет входили А. С. Петровский, А. В. Сабашников. Председателем являлся Т. Г. Трапезников.

23 февраля 22 г.

Интересно бывает наблюдать во время эвритмии. У Клавдии> Николаевны> чувствуется в жестах благородство и воля. У Веры Оскаровны> сильно заметно влияние Люцифера. Ирина Викторовна⁵⁵ напоминает древнюю жрицу времен Египта. В движениях под музыку Парсифаля⁵⁶ мы с ней в паре, и ощущаем друг друга как-то особенно согласованно.

Про меня Марк сказал, что я похожа на женщину из сказок Гофмана.

А Марк во время эвритмии невероятно комичен. [Некоторые, такие как Марья Григорьевна>, почему-то держали пальцы рук сжатыми тесно, вместо того, чтобы держать их свободно].

⁵⁵ Ирина Викторовна Воробьева (19.11(1.12).1893—11.10.1960) — приятельница З. Д. Канановой. Дочь врача, приват-доцента Московского университета В. В. Воробьева, убитого в 1905 г. приставом Ермолаевым во время оказания помощи раненым рабочим во время боев на Пресне. В 1912—1918 гг. училась на Московских высших женских курсах Герье (историко-философский факультет, литературное отделение). С 1926 г. работала в Институте Маркса, с 1934 г. — в библиотеке им. Ленина. В 1916 г., после смерти родной матери, стала «приемной дочерью» Евгении Дмитриевны Краснушкиной. Жила с ней в одной квартире в Малом Левшинском переулке (см. ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. IV. Ед. хр. 214. Личное дело Е. Н. Краснушкиной). От художника Ганорского имела сына Алексея Георгиевича Воробьева (1910—1942), который перед Великой Отечественной войной работал экскурсоводом античного отдела ГМИИ, ушел добровольцем на фронт и погиб на Калининском фронте (см. ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. IV. Ед. хр. 78. Личное дело А. Г. Воробьева). У него остались жена (Мика?) и сын Глеб.

Какое-то время состояла в Теософском обществе, ей покровительствовала С. В. Герье. Затем антропософка.

⁵⁶ Опера композитора и философа Вильгельма Вагнера (1813—1883) «Парсифаль» (1882), написанная по мотивам средневекового эпоса Вольфрама фон Эшенбаха о чаше Грааля, почиталась антропософами, поскольку в ней отчетливо проявлялись мистические мотивы. Кроме того, Вагнер придерживался теории теургического претворения действительности как мистериального синтеза искусств. Легенда о Парсифале также играла большую роль в мировоззрении штейнерианцев. Парсифаль — легендарный рыцарь-христианин. В опере Парсифаль побеждает колдуна Клингзора и становится хранителем Грааля.

9 марта 22 г.

Вчера было выступление антропософов против Бердяева, в ответ на его лекцию: «Христианство и теософия», бывшей на прошлой неделе⁵⁷. [В том году еще разрешали читать лекции на филос<офские> и религиозные темы, но скоро все прикрыли⁵⁸].

Кроме антропософов еще выступали другие оппоненты: г-жа Герье⁵⁹, глава Теософического Общества⁶⁰, затем один толстовец⁶¹, удивительно смешной и не умный. Один молодой человек, с усмешечкой говоривший о том, что антропософы почтительно уступают слово своему «Доктору»⁶². Ему показалось смешным, что антропософы в своих выступлениях цитировали места из книг Штейнера. И еще выступил один странный тип, будто сбежавший из сумасшедшего дома. Заложив руки за спину и балансируя, он со смехом стал ругать христи-

⁵⁷ Николай Александрович Бердяев (1874—1948) — известный философ. Много писал об антропософии, полемизируя с ее последователями. Вероятно, речь идет о лекции и диспуте, которые прошли в рамках работы Вольной академии духовной культуры, организованной Бердяевым (работала в 1919—1922 гг.).

⁵⁸ Осенью 1922 г. из СССР были высланы многие русские деятели культуры, науки, а также философы, включая Бердяева. См.: Макаров В. Г., Христофоров В. С. Пассажиры «философского парохода» (судьбы интеллигенции, репрессированной летом — осенью 1922 г.) // Вопросы философии. 2003. № 7. С. 113—137.

⁵⁹ Софья Владимировна Герье (1878—1956) — младшая дочь известного профессора В. И. Герье, учредившего в Москве в 1872 г. Высшие женские курсы, на которых преподавали профессора Московского университета. Председатель Московского отделения Русского теософского общества с 1908 г. После отъезда А. А. Каменской за границу в 1921 г. — председатель Российского Теософского общества.

⁶⁰ О теософском движении в России см.: Carlson Maria. «No Religion Higher than Truth»: A History of the Theosophical Movement in Russia, 1875—1922. Princeton: Princeton University Press, 1993.

⁶¹ Толстовцы — последователи философско-нравственной системы Л. Н. Толстого. Проповедовали «всеобщую любовь», опрощение, непротивление злу насилием, религиозное и нравственное самосовершенствование как средство преобразования общества. Проживали в земледельческих общинах, отказывались от уплаты налогов и несения военной службы.

⁶² Т. е. Р. Штейнеру.

анство. Публика ответила ему еще более громким смехом и криками: «Долой, долой его!» И его с позором изгнали с кафедры. Толстовец тоже потерпел поражение. Слишком он был смешон в своей рубахе и со своим подражанием Толстому. Он походил на карикатуру Толстого. Он взывал к «разуму», уверяя, что ученье об искуплении — «вздор», и что слова Христа такие простые, понятные разуму каждого человека, научающие любить всех людей, а все остальное, связанное с христианством, просто ненужный вздор. И все это он говорил таким елейным, приторно слащавым голосом.

Бердяев удачно ответил ему: «Вы говорите о любви, а сами полны такой ненависти к тому, что было духовной жизнью для людей в течение двух тысяч лет. Этим вы сами себе противоречите».

Еще выступил Сергей Соловьев⁶³, родственник Владимира Соловьева⁶⁴. В нем чувствуется мрачный, беспокойный дух.

Из антропософов Григоров говорил первый и около часу (говорил по обыкновению нудно). Для остальных ораторов время ограничило.

⁶³ Сергей Михайлович Соловьев (1885—1942) — писатель, поэт, публицист. В 1916 г. рукоположен в священники. Репрессирован. Друг Андрея Белого. О нем см.: Спивак М. Л. Указ соч., по указателю; Лавров А. В. Дарьяльский и Сергей Соловьев. О биографическом подтексте в «Серебряном голубе» Андрея Белого // Лавров А. В. Андрей Белый. Разыскания и этюды. М.: НЛО, 2007. С. 105—129.

⁶⁴ Владимир Сергеевич Соловьев (1853—1900) — сын знаменитого историка С. М. Соловьева. Философ, поэт, богослов, публицист, литературный критик; почетный академик Императорской Академии наук по Разряду изящной словесности (1900). Мистик. Разработал доктрину «всеединства» и религиозно-поэтическое учение о Софии. Оказал огромное влияние на многих представителей русского символизма. Его именем было названо в 1913 г. Русское антропософское общество. Первоначально (в 1911—13 гг.) Р. Штейнер относился к нему с величайшим интересом, однако к 1915 г. позиция Штейнера изменилась, и это зафиксировано в письме Андрея Белого к Михаилу Сизову. Штейнер сказал: «Вл. Соловьев все еще результат прошлого, а не росток будущего: я понимаю его как философа только; как философ он — представитель босячества; через босячество следует переступить русскому...» (Цит. по: Спивак М. Л. Указ. соч. С. 86). См. также прим. 142.

После слов Бориса Павл<овича> Бердяева точно взорвало. Ему показалось оскорбительным то, что тот говорил. Бердяев яростно восклицал: «Как! Я 20 лет занимаюсь этими вопросами, и много изучал Штейнера, а мне говорят, почему это я не отношусь к его книгам как к священному писанию. Почему это к его книгам нужно относиться как-то особенно, не так, как к другим книгам? Мне, видите ли, бросают упрек, почему я не отношусь к книгам Штейнера, как к священному писанию!» Тут многие из публики ему зааплодировали. [К книгам Шт<ейнера> нужно относиться особенно, или никак не относиться. Или признать д<окто>ра Шт<ейнера> посвященным, обладающим высшими оккультными способностями, или не признавать совсем. Но трактовать его слова наравне со словами других, той же меркой мерить — абсурд].

16 июля 22 г.

Сидеть одной в тишине и повторять какие-нибудь слова из Нового Завета, и вглядываться в тот свет, который они рожают в душе... Вот в чем самое дивное счастье жизни.

10 октября 22 г.

<...> [Хочу сюда записать одно воспоминание о встрече с Кл<авдией> Ник<олаевной>, которое тогда не записала, потому что не хотела придавать важности этому впечатлению, но оно, помимо моей воли, запечатлелось в моем сознании. Это было осенью 1922 года.

Я пришла к Кл<авдии> Ник<олаевне> и беседовала с ней откровенно о самых важных для меня фактах, о моем духовном пути, об отношении ко Христу... Она слушала меня внимательно и, как мне казалось, с большим интересом и участием, тронувшим меня до слез, и сказала: «Я тоже так это переживала... У нас с вами много общего. Мы могли бы быть друзьями, но я давно член Общества, этого у меня нельзя отнять».

Я не просила ее дружбы, она была из «старших» антропологов, хотя старше меня всего на 5 лет. Но впечатление от этих ее слов осталось противоречивое, жуткое... Выходит так, что дружба со мной могла б ее принизить, что-то у ней отнять?..]

[Много позже выяснилось, что она вовсе не так переживала Христа, а была просто «курсисткой»].

2 декабря 22 г.

В последнее время я сблизилась с Над<еждой> Степ<ановной>. Ее что-то влечет ко мне. Она хочет прийти ко мне, чтобы поговорить «обо всяком вопросе, который приходит в голову, не удерживая себя». Она сказала мне, что чувствует себя одинокой среди антропософов, и мало кто ей нравится, с кем бы она хотела говорить.

С Марком мы отдалились друг от друга. У него свой новый кружок: Елена Герм<ановна>⁶⁵ и Марья Ник<олаевна> Жемчужникова. Он оброс бородой и утратил свою юношескую свежесть.

14 декабря 22 г.

⁶⁵ Елена Германовна Ортман (ум. 1955) — антропософка. О ней писала в своих воспоминаниях М. Н. Жечужникова: «Кружок же, где встреча в антропософии происходила, так сказать, „на равных“, состоял, кроме меня, из четырех человек: Марк Владимирович Шмерлинг, Александр Владимирович Уйттенховен, Елена Германовна Ортман и Сергей Матвеевич Кезельман. Мы собирались у Елены Германовны, она жила вдвоем с матерью и из прежней обширной квартиры у них сохранились две комнаты. Здесь была печка, которая хорошо грела и не дымила — большое благо в те годы. Здесь мы читали циклы и вели нескончаемые обсуждения прочитанного. Всем участникам было свойственно чувство духовной свободы, и создавалась атмосфера, в которой каждый мог высказывать все, что ему было интересно или лично дорого, не натываясь ни на какие препоны. Беседы велись очень оживленно. Елена Германовна, напротив, вносила в наши собеседования более лирическую нотку — соответственно женственности всего ее облика, — внешнего и внутреннего. Сергей Матвеевич большей частью ничего не говорил. Но он очень любил и ценил всяческую „игру ума“ и тихо любовался нашей увлеченностью. А еще больше — самой Еленой Германовной. Между ними начиналось тогда сближение, которое впоследствии принесло Елене много горя, стало для нее причиной настоящей трагедии». (См.: Жемчужникова М. Н. Указ соч. С. 35 и след.).

Вчера была в Худож^{<естественном>} театре⁶⁶ на пьесе Шекспира «Двенадцатая ночь»⁶⁷, и была вдвоем с Розановой (симпатией Поля). Что касается представленья, то актеры были не на высоте своей задачи. Они не столько думали о художественном воплощении данных Шекспиром личностей, сколько о том, какое они производят впечатление на публику, и впадали в балаганный шарж, уродуя Шекспира и прибавляя отсебятины, чтобы подчеркнуть и размазать комизм, где он есть, а где его нет, так искусственно создать его. Например, у Шекспира такое место:

Оливия: — Не лечь ли тебе в постель, Мальволио?

Мальволио: — В постель? Да, душа моя, я приду к тебе.

Актер, игравший Мальволио (известный теперь Чехов⁶⁸, член антропософич^{<еского>} кружка), сыграл это следующим образом: он рывкнул: «Уже в постель!» И бросился плашмя на пол. И затем, будто изображая сумасшедшего, стал беспрестанно повторять, с отвратительными ужимками: «Да, я приду к тебе в постель!» И наконец, схватил ее за ноги, а она пронзительно закричала.

А сцену в саду, где он читает поддельное письмо Оливии, он почему-то разыгрывает в ночной рубашке, поверх которой накинут красный кафтан, а на голове — белый ночной колпак. И беспрестанно производит какие-то неприличные ужимки, как в самом грубом фарсе.

⁶⁶ Первая студия МХТ, образованная молодыми актерами Художественного театра в 1913 г.

⁶⁷ Пьеса Шекспира «Двенадцатая ночь» была поставлена в Первой студии МХТ в 1920 г.

⁶⁸ Михаил Александрович Чехов (1891—1955) — актер, режиссер. Антропософ. Встречался со Штейнером в Берлине в 1924 г. Эмигрировал. Андрей Белый писал в «Ракурсе к дневнику»: «Февраль 1925 года. Очень поддерживает дружба с Чеховым, у которого бываю; с ним провожу прекрасные вечера» (цит. по: Сотникова Н. Кучинский календарь Андрея Белого. Б. м., 2010. С. 24). См. также: Лекции Рудольфа Штайнера о драматическом искусстве в изложении Михаила Чехова // Мнемозина. Документы и факты из истории отечественного театра XX в. Вып. 2. М.: Эдиториал УРСС, 2000.

По Шекспиру, тип Мальволио — это тип дворецкого, который держится гордо и с достоинством, но сквозь это показное достоинство выступает сам собой комизм. Это комизм человека, возомнившего о себе и давшего волю честолюбивым и тщеславным мечтам, комизм, выбивающийся из человека непроизвольно, а вовсе не комизм балаганного шута, старающегося каждым своим движением и словом тешить толпу. И в зале была именно толпа. Самая типичная, грубая толпа, беспрерывно гоготавшая глупо и противно. Во время смены картин, когда на минуту в зале наступала темнота, казалось, будто кругом извивается огромный, тяжелый спрут, кашляющий, сморкающийся, губящий, шипящий.

<...>

24 декабря 22 г.

Только что вернулась из Ант<ропософского> Об<щества>, где праздновали сочельник. Были новые члены, сияющие, восторженные (как мы год тому назад). У них приятные лица. В общем, вечер сошел менее оживленным и блестящим, чем в прошлом году.

Я сказала Н<адежде> С<тепановне> (мы с ней, как обычно, сидели рядом):

— Замечаете, как восторженно сияют новые члены?

Она усмехнулась:

— Подождите, скоро они перестанут сиять, когда их щелкнет как следует здешняя атмосфера и отношение старших членов Общества!

Трифон Георг<иевич> опять говорил, как и тогда, о том, что новые члены вступают «в нашу антропософскую семью», и что мы должны принять их как «родных и близких по духу братьев и сестер».

Только в прошлом году эти слова трогали меня до слез, а теперь... я слушала их почти равнодушно. Не потому, что сомневаюсь в их искренности, о нет! Но только почему же не заметно осуществления этих слов в жизни? Недавно, после одной из «пятниц», я шла домой вдвоем с Тр<ифоном> Георг-

г<иевичем>. Мы разговаривали, и он так равнодушно меня слушал и говорил со мной как-то свысока, как «наставник» с учеником, был сух и сдержан. И когда мы дошли до его дома, он со мной простился, не выразив никакого желания проводить меня, и я одна плелась остаток пути по глухим и темным переулкам. Конечно, это пустяк! Но пустяки значительны! От антропософов не дождешься какого-ниб<удь> неожиданного яркого проявления инициативы, хотя бы в форме маленькой рыцарской услуги и участия к человеку «близкому и родному по духу», «члену нашей антропософской семьи».

Домой я шла одна. Ни одной звезды не было на небе, пустыня кругом, и я шла так, будто у меня не было дома.

4 января 23 г.

Я точно в петле, точно загнана в тупик, и нет выхода. На антропософов больше не надеюсь. Когда вижу в Музее Ал<ек-

сея> Серг<еевича>, Лидию Викт<оровну>⁶⁹ или Мих<аила> Павл<овича>, —

<Далее вырвано два листа текста>

14 января 23 г.

Была у меня сегодня Воронежская (артистка, с которой я познакомилась в Чит<альном> зале), и мы разговаривали о разных оккультных вопросах <...>

1 февраля 23 г.

Воронежская приходила сегодня. Она поступила в кружок М<ихаила> П<авловича>. Мы говорили о том, как распознать облик человека сквозь внешнее лицо. Она сказала: «Вот, глядя на вас, несмотря на то, что у вас темные волосы и глаза, и толстый нос, я вижу вас как нечто воздушное, прозрачное, светлое, с крылышками».

⁶⁹ Лидия Викторовна Култашева (20.09(1.10)1880—28.12.1948) — литератор. Родилась в Нарве в семье военного, героя Шипки. Окончила литературно-философское отделение Университета Шанявского в 1912 г. Под псевдонимом К. Бестужев опубликовала историко-популярные книги «Императрица Елизавета» (М., 1912), «Наполеон и две императрицы» (М., 1912), «Крепостной театр» (М., 1913), «Жены декабристов» (М., 1913), а также романы «За старую веру» (М., 1913; 1990), «Граф Калиостро» (М., 1913; Алма-Ата, 1991). Член РСДРП, состояла в окружной организации г. Серпухова в 1905—1907 г. Арестована по процессу Серпуховской группы, осуждена, находилась в заключении в Бутырской тюрьме в 1907—1909 гг. (Архив РГБ. Описание 161, дело 355).

Служила в Румянцевском музее с 1919 г., работала в одном отделе с А. С. Петровским, затем — в отделе каталогизации, с 1931 г. — в отделе редких книг. В 1929 г. опубликовала статью о типографии Кряжева, Готье и Мея (Сборник / Публичная библиотека СССР им. Ленина. Вып. 2. М., 1929. С. 181—189). Составляла каталоги иностранных книг XVI—XX вв. и палеотипов. Уволилась из Ленинской библиотеки в августе 1941 г. Похоронена в могле отца на Новодевичьем кладбище.

Антропософка, член группы «Ломоносов», вела кружок в 1925 г. По показаниям Петровского на следствии в 1931 г., входила в кружок «старших» антропософов (см. Спивак М. А. Указ. соч. С. 384). По «делу» антропософов арестована не была. О ней см.: Лупало И. Подпольная типография 1905 г. // Вечерняя Москва, 16 февраля 1955 г.

Она член «Ордена Звезды на Востоке»⁷⁰. Когда М<ихаил> П<авлович> сказал ей, что это несовместимо с антропософией, она возразила: «Почему же? Они ждут Учителя, не говоря, кто он. Что ж! Я нашла этого Учителя, это Штейнер!»

26 марта 23 г.

Вчера был у нас Райнов⁷¹, рассказывал о своей книге, которую он пишет [или собирался писать] о моем отце. Потом вдруг сказал, указывая на меня: «Для меня совершенно загадочно: как в семье Овсяннико-Куликовского могло появиться вот такое существо!»

Поль заспорил с ним, всячески стараясь как-ниб<удь> притянуть за волосы наследственность, но это ему плохо удавалось. Между прочим, сказал про меня: «У ней на всем лежит печать необычайного». Райнов ответил: «Вот с этим я согласен».

16 апреля 23 г.

⁷⁰ В январе 1910 г. глава Теософского общества Анни Безант объявила мальчика-индуса Джидду Кришнамурти (1895 или 1897—1986) «Учителем человечества». Для пропаганды этих идей она организовала Орден Пришествия Учителя, или Орден Звезды на Востоке (Орден Восточной Звезды), члены которого в Европе объявили мальчика Христом, вновь явившимся на землю. Кришнамурти являлся главой этого Ордена. Именно с этим был связан разрыв Штейнера с Теософским обществом.

⁷¹ Тимофей Иванович Райнов (1888—1958) — философ, социолог, литературовед, историк науки, последователь А. А. Потебни. В 1914 г. опубликовал статью «„Психология творчества“ Д. Н. Овсяннико-Куликовского» (Вопросы теории и психологии творчества. Т. V. Харьков, 1914). В дневнике Канановой (запись от 24 января 1960 г.) сообщается следующее: «Вдова Райнова передала нам экземпляр напечатанной на машинке его книги о моем отце, которую он писал в 20-х годах. Называется „Жизнь и творчество Д. Н. Овсяннико-Куликовского“. Страниц 456 больших листов. Три части. Ч. 1 — „Из жизни“, ч. 2 — „Идеи“, ч. 3. „Психология личности и творчества“. Я не смогла все одолеть. Такой абстрактный сумбур! <...>». (Экземпляр книги хранится в личном фонде Райнова: НИОР РГБ. Ф. 441. Карт. 3. Ед. хр. 1). По воспоминаниям Канановой, Райнов был ее несостоявшимся женихом.

Вчера была в гостях у Марьи Григорьевны. С тех пор, как я была у ней 2 года тому назад, я ни у кого не была в гостях (не считая Лили⁷², но это не значит — в гостях). На этот раз у Марьи Григорьевны собрались, кроме меня, только Алексей Сергеевич и Лидия Викторовна [Култашева, пожилая антропософка и сослуживица].

Было очень приятно, но разговор вертелся довольно беспорядочный. Говорили, между прочим, о Наталии Мартыновой⁷³, из Музея, которая была в прошлом году в кружке Михаила Павловича и казалась очень увлеченной антропософией, а потом отошла, увлеклась церковным православием и стала ожесточенно ругать антропософов. Алексей Сергеевич сказал: «Я не понимаю одного: как это может человек что-нибудь понять, а потом вдруг перестает это понимать». [Можно понять что-нибудь рассудочно, а потом другие астральные течения могут сбить и затуманить это понимание].

Про меня сказал: «Когда вы ко мне пришли в 1918 году, и я вас увидел в первый раз, я вас принял за барышню-эстетку».

Мне стало смешно: ну, вот, один принял за эстетку, а другой (Григоров) за курсистку, и оба поспешили наклеить на меня ярлык. Это вовсе не антропософский прием. А я-то воображала тогда, что во мне узнают родственную душу! [В августе 1918 г. я зашла в Антропософское Общество, чтобы узнать у кого-нибудь из них, как относится Штейнер к Ордену «Звезды на Востоке». Меня принял Алексей Сергеевич, бе-

⁷² Елена Дмитриевна Овсяннико-Куликовская, в браке Кабанова, — родная сестра З. Д. Канановой.

⁷³ Наталья Григорьевна Мартынова, урожденная Георгиевская, во втором браке с 1925 г. Понятовская (1893—?) — дочь Григория Петровича Георгиевского, хранителя Отделения рукописей Румянцевского музея (прослужил в библиотеке 40 лет). Окончила Высшие женские курсы. Работала в библиотеке с 1919 г. В 1919—1921 гг. — сотрудница Библиографического отдела, которым заведовал Н. П. Киселев. Затем до 1925 г. была помощником заведующего Отделом редких книг. С 1926 г. перешла на работу вместе с отделом в Музей книги, где заведовала кабинетом редких книг. Уволилась в 1931 г. «по семейным делам» (Архив РГБ. Опись 39, дело 303).

седовал со мной, и предложил поступить в кружок Григорова. Но беседа с Григоровым меня оттолкнула, и я сбежала. Григоров мне сказал, прежде чем я успела рот раскрыть: «Вы, вероятно, курсистка, и привыкли мыслить по определенным линиям, у нас эти линии не годятся» и т. д. Принять меня за тип курсистки показалось мне чем-то чудовищным и абсурдным, и я подумала: как это такой предвзятый человек может поучать идеям Шт<ейнера>, который осуждает предвзятость! Встретилась я опять с антропософами уже когда поступила в Музей].

<...>

Любовь антропософов друг к другу действительно где-то «там, на высотах...» На таких высотах, что ее и не видно отсюда, не разглядеть простым глазом. Иногда думаешь, что ее вовсе нет среди нас.

<...>

17 мая 23 г.

Антр<опсофское> Об-во закрыто большевиками⁷⁴.

2 сентября 23 г.

Сегодня заходил вечером Алексей Серг<еевич> на несколько минут, он торопился, т. к. завтра уезжает в санаторию Цекубу⁷⁵. Поля не было дома, и мы говорили о Штейнере. Чем-то захватывающе великим повеяло, когда Ал<ексей> Серг<еевич> рассказывал о нем, о его удивительном благородстве и непоколебимой вере в Провидение, какие он проявил во время пожара его здания в Дорнахе⁷⁶. Здание начало

⁷⁴ См. об этом в воспоминаниях М. Н. Жемчужниковой (Указ. соч. С. 51—52). После закрытия находившиеся в России антропософы, по указанию Штейнера, полученному через Т. Г. Трапезникова, перешли на нелегальную работу, организовав сеть мелких кружков. См.: Спивак М. Л. Указ. соч. С. 383.

⁷⁵ Центральная комиссия по улучшению быта ученых при СНК РСФСР.

⁷⁶ Здание антропософского храма-дворца (Вау, с ноября 1918 г. называлось Гетеанумом) было спроектировано Р. Штейнером и заложено 13 сентября 1913 г. в деревушке Дорнах в Швейцарии. В его строительстве принимали участие многие антропософы из России, в т. ч. Андрей Белый, Ася

гореть за два часа до окончания лекции, которую Штейнер читал⁷⁷. И А<лексей> С<ергеевич> убежден, что Шт<ейнер>, читая лекцию, уже знал, что каждую минуту купол может обрушиться и всех похоронить. И тут он проявил высшее благородство в том, что не применял для практических целей почерпнутые духовным путем знания, и проявил великую веру в том, что совершенно доверял высшей воле, спокойно продолжая читать лекцию, зная, что здание уже горит.

Я выразила сомнение: неужели он, читая лекцию, уже это знал. Но А<лексей> С<ергеевич> ответил: «Хотя у меня нет за это никаких данных, но я в этом совершенно убежден».

19 октября 23 г.

Занимаюсь ревностно хиромантией.

18 ноября 23 г.

Я сделала открытие в области хиромантии: каждая рука, особенно когда ее срисуеть, имеет в своих линиях особое выражение, подобно тому, как имеет свое выражение каждое лицо. Открытие за открытием возникает в моем уме в области хиромантии. Поль относится скептически к моим успехам, и говорит, что невозможно допустить, чтобы эта наука уже не была разработана учеными психологами, если б здесь было что-нибудь истинное. Не может быть, чтобы я первая это открыла. Но почему же нет?

Вспомнила опять тот сон, когда Христос говорил мне о тайнах вселенной и указывал на линии на моей руке. Может

Тургенева, А. С. Петровский, Т. Г. Трапезников, М. И. Сизов, Т. А. Бергенгрин и другие. Недостроенное здание сгорело в ночь на 1 января 1923 г. О Гетеануме Штейнер написал две работы: «Путь к новому строительному стилю. „И здание становится человеком“» (8 лекций, Берлин—Дорнах, 1911, 1914, GA 286; опубл. на рус. яз.: М.: Новалис, 2008); «Мысль здания Гетеанума» (лекции 1920—1921 гг., GA 289—290).

⁷⁷ 24 декабря 1922 — 6 января 1923 г. Штейнер прочел в Дорнахе (до пожара — в Гетеануме, после — в подсобных помещениях) цикл «Момент возникновения естествознания в мировой истории и его дальнейшее развитие» (12 лекций, GA 326).

быть тогда, во сне, я узнала важные тайны, и теперь лишь вспоминаю их.

21 ноября 23 г.

Мне снился скучнейший сон о встрече с Шурой⁷⁸, будто он приехал и явился в Музей, чтобы меня увидеть. Мы долго бродили по музейским залам и о чем-то говорили. Я проснулась с ощущением скуки. Придя в Музей, вдруг испытала радость о том, что мне скучна земная, так называемая любовь, то, за чем гоняются столь многие. Какая радость почувствовать себя свободной, готовой для полета к звездам... Ad astra...

22 ноября 23 г.

Когда луч солнца падает из окна на то место, где я выдаю книги в Музее, и обливает мою голову, руки, зеленого скарабея на груди, золото браслета, и бриллианты на кольце блестят, переливаясь, глаза наполняются светом, сотканным из встречи света солнца со светом души, — я чувствую себя тогда, будто тело мое не из физической плотной субстанции, но соткано из прозрачных течений эфирных.

29 ноября 23 г.

Сегодня мой кружок рано закончился, т.к. все куда-то спешили: Марья Григ<орьевна> спешила в философский кружок; Над<ежда> Степ<ановна> — на музыкальную репетицию; а Анаст<асия> Ал<ексеевна> — на любовное свидание. Говорили и обсуждали люциферическую любовь. О том, как Люцифер стремится надеть маску на чувственную любовь, старается изменную земную любовь представить в поэтическом облике, и тем ввести в обман. Надежда Степановна рассказала, как недавно она недели три находилась в ужасном душевном состоянии, когда угнетенные чувства сбились как бы в комок (из-за уехавшего немца?)⁷⁹. И когда ей пришлось прослушать игру

⁷⁸ Александр Гаммерштедт. С ним у Зои Дмитриевны был роман в 1911 г.

⁷⁹ Речь идет о неудачном романе Н. С. Клименковой.

Эгона Петри⁸⁰, она вдруг ощутила это состояние души рассеявшимся; ей казалось, что от рояля изошло дуновение духа, и душа ее как будто подошла к границе воспоминания о духовном мире.

1 декабря 23 г.

Вчера некоторые антропософы выступили с проектом организовать вместо бывшего до сих пор «Совета» большую руководящую группу, в которую входил бы всякий, кто захочет руководить каким-нибудь кружком. Этот проект внесла М. Н. Жемчужникова⁸¹, и ее поддержали Марк и Вера Оскаровна. Эти трое как раз отличаются стремлением что-то организовывать, устраивать внешне. Марья Николаевна, когда говорит, у ней такой тон, как если бы она выступала на политическом собрании. Начала она вчера говорить очень бойко, но едва остановилась, как поднялась Надежда Степановна, выступила вперед и сказала, что антропософы вовсе не равны между собой, и что совершенно лишнее их уравнивать, пусть те, которые более продвинуты, руководят другими и стоят впереди, и что наше доверие к ним непоколебимо. [Правда, что более продвинутые должны стоять впереди, но дело в том, что «продвинутых»-то и не было, то есть высокоразвитых духовно, а были только умеющие хорошо говорить].

⁸⁰ Эгон Петри (Egon Petri, 1881—1962) — выдающийся пианист, исполнитель классической музыки, виртуоз, педагог. Непревзойденный исполнитель произведений Ференца Листа. Ученик Ф. Бузони. В 1923 г. стал первым зарубежным пианистом, гастролировавшим в Советском Союзе. Гастролировал также в 1936 г. Судя по дневнику Канановой, московские антропософы очень его ценили. Так, А. С. Петровский, во время его гастролей в 1936 г., посетил все концерты Петри.

⁸¹ Возможно, предложение Жемчужниковой было связано с новым — «катакомбным» — периодом существования Русского антропософского общества (после запрещения его деятельности властями). По рекомендации Штейнера было решено отказаться от публичных акций, а работу вести в небольших кружках проверенных лиц. Ср. показания В. М. Моисеева: «Общее руководство работой русских антропософов принадлежало Штейнеру при его жизни и Совету — после его смерти. Это руководство осуществлялось через наш центр в лице Петровского, А. Белого, Григорова, Васильевой К. Н.» (Спивак М. Указ. соч. С. 368, 383).

Марья Ник<олаевна> пыталась было ее перебить, но ее удержали.

Н<адежда> С<тепановна> договорила свое и ушла, т. к. спешила по своим музыкальным делам. Вместе с ней ушла М<арья> Г<ригорьевна>. После их ухода настала тишина. Враждебный лагерь был сбит с позиции и не знал, как быть. Наконец, Марк заговорил умильным тоном, начав с возгласа: «Друзья!» Этот возглас у него выходит как-то смешно. Говорил он о том, как его тронули слова Н<адежды> С<тепановны>, но что она напрасно думает, будто они не доверяют «Совету». А просто они хотели внести такой проект для большего сближения между антр<опософами>, чтобы мы все больше любили друг друга (что-то в этом роде). «Мы все, как люди, равны между собой» и т. д. Запахло какой-то демократией. Вообще Марк как-то выдохся за последний год. Раньше он был яркий, оригинальный, а теперь выдохся. И попал под влияние Веры Оск<аровны>.

После него выступила Ольга Ник<олаевна> Анненкова⁸², и очень удачно сказала о том, что проект М<арьи> Н<иколаевны> возможен только в теории, а на практике он не годится. Потому что не всякий может руководить кружком. «Если я не сумею ничего дать, а возьмусь руководить кружком, то от меня все сбегут, и я останусь одна», — закончила она, улыбаясь. (Тут я вспомнила несчастную Любовь Исаковну⁸³, из кружка которой мы четверо в прошлом году сбежали. Да и все остальные. Дольше всех оставалась М<арья> Г<ригорьевна>, но и она

⁸² Ольга Николаевна Анненкова (1885—1949) — племянница художника М. Врубеля, двоюродная сестра антропософа Б. Лемана. Переводчица. Ученица Р. Штейнера, участница строительства Гетеанума в Дорнахе, одна из основательниц Русского антропософского общества. До 1912 г. «гарант» для русских теософов. Много лет являлась компаньонкой Екатерины Алексеевны Бальмонт. Похоронена рядом с ней на Даниловском кладбище в Москве.

⁸³ Любовь Исаковна Трапезникова (1885—1964), ур. Красильщик — преподаватель музыки. Антропософка. С 1913 г. супруга Т. Г. Трапезникова. Вместе с ним проживала в Мюнхене в 1912 г. и переводила текст книги Р. Штейнера «Die Geheimwissenschaft im Umriss» («Очерк тайноведения», издана в Москве в 1916 г.) — см. письмо О. П. Костычевой к Н. А. Григоровой от 23 октября / 5 ноября 1912 г. из Мюнхена (ОР ГМИИ. Ф. 43. Оп. V. Ед. хр. 77). Ближайшая подруга К. Н. Васильевой.

наконец ретировалась. И тогда организовался наш кружок, без руководителя). [Наш кружок был без руководителя и образовался по инициативе Н<адежды> С<тепановны> из людей, которых она сама выбрала: т. е. меня, Марьи Григ<орьевны> и Анаст<асии> Ал<ексеевны>, и четвертая она сама].

Один голос раздался в защиту Марии Николаевны. Это оказалась Е. К. Спасская⁸⁴ (из вступивших в члены прошлым Рождеством). Она сказала, что «Совет», или вообще «старшие», имеют тенденцию отходить и замыкаться в себе, а остальные остаются одинокими. Несколько человек еще высказались о том, что они не понимают, для чего все эти споры, все это нам не нужно, и не интересно обсуждать внешнее устройство, наша задача разрабатывать духовные вопросы, а «Совет» пусть остается, каким был, потому что никто ни в чем его не может упрекнуть.

И вдруг поднялась Любовь Исаковна, и сказала всего одну фразу, но, увы, какую! «Давайте решим вопрос голосованием!» В ответ слышался только негодующий ропот от обеих сторон. И она села, пристыженная. Как это возможно, чтобы человек, бывший столько лет (кажется больше 10-ти, 12-ти лет) антропософом, вдруг предложил такую вещь? За истину не всегда бывает большинство голосов, а мы ищем только истину и стремимся решить все изнутри, а не извне. [Любовь Ис<аковна> Трапезникова, разведенная жена Тр<ифона> Георг<иевича>, или просто отставная жена, ей тогда было лет за 40. Еврейка с красивым, хоть и несколько грубоватым лицом].

Татаринов⁸⁵, с артистическим пафосом, заговорил:

⁸⁴ Возможно, речь идет о Елене Спасской, которая в 1926 г. числилась в Ломоносовской группе — см. РГВА. Ф. 1176. Оп. 1. Ед. хр. 24 а. Л. 11 об.).

⁸⁵ Владимир Николаевич Татаринов (1881?—1966) — актер, режиссер, антропософ. Во второй половине 1920-х гг. являлся главой «руководящего кружка» (другим таким кружком ведала К. Н. Васильева), в подчинении которого находились иные кружки, как антропософские, так и философские, христианские, музыкальные. Сам Татаринов вел кружок театрального искусства. Репрессирован по «делу» антропософов в 1931 г. (См.: Спивак М. Указ соч. С. 383 и др.). Муж М. А. Скрыбиной-Татариновой (1901—1976), брат Н. Н. Татариновой.

— Скажите прямо, в чем вы обвиняете «Совет», поставьте точки над «i». Вы непонятно почему умалчиваете о главном.

М<арья> Н<иколаевна> опять заговорила взволнованным «партийным» тоном, повторяя, что «Совет» никто не обвиняет ни в чем, и т. д. Когда все уже исчерпались и начали повторяться, выступил Мих<аил> Павл<ович> и произнес блестящую речь, одним взмахом перенеся всех ступенью выше. Он говорил о том, что становясь антр<опософом>, каждый из нас должен был отречься от своих старых привычек и желаний, и как бы подняться в сферу неподвижных звезд, где высота и некоторый холодок, который необходим, который так и нужен. И закончил сравнением нашего «Совета» с этими неподвижными звездами. При этих словах Кл<авдия> Ник<олаевна> засмеялась и объявила, что принимается решение, высказанное Мих<аилом> Павл<овичем>, о том, что «Совет» остается, как был, а, кроме того, организуется еще «Руководящая группа».

Когда она уже закончила и хотела приступить к медитации, вдруг Вера Оскаровна попросила разрешения сказать еще свое мнение, и сказала несколько слов елейным тоном, о том, что мы должны любить друг друга и работать над тем, чтобы культивировать в себе любовное отношение друг к другу. На этом кончилось. [Я никогда не выступала на антр<опософских> собраниях по застенчивости и по неумению говорить. Но о затронутом вопросе думала тогда, как и теперь, так: нельзя просто так, по заказу, «любить», но можно развивать интерес, участие друг к другу, и для этого нужно было бы встречаться то с тем, то с другим из членов Ант<ропософского> Об<щества>, чтобы знакомиться друг с другом, обогащаться тем, что почерпнешь от общения с другим человеком].

Сегодня в Музее, говоря с Лидией Викт<оровной> о вчерашнем собрании, я выразила удивление, что именно Вера Оск<аровна> говорит о любви друг к другу, в то время как против нее слышится столько жалоб на то, что она своей холодностью, неискренностью и пристрастием отталкивает от себя «молодых» членов. Лидия Викт<оровна> ответила на это, что

Вера Оск<аровна> последнее время всегда говорит о любви, а своих несовершенств в этой области не замечает.

25 декабря 23 г.

Вчера, перед тем, как идти к Чехову праздновать сочельник, ко мне зашли Ан<астасия> Ал<ексеевна> и Н<адежда> С<тепановна>. Мы занялись составлением поздравительного «адреса» Трапезникову, который давно уже болен и не показывается⁸⁶. Составив общими силами трогательное послание, усадили Поля переписывать его на большой лист, а сами принялись закусывать. Потом подписались под «адресами», причем Н<адежда> С<тепановна> прибавила около каждой фамилии прозвище, ею самой придуманное:

А. Брычѐва (Трепещущая Душа), З. Кананова (Великая Фантазерка), Н. Клименкова (L'enfant terrible). За отсутствием Марьи Гри<горьевны> подписался Поль: (За) — М. Рейн — (П. Кананов).

Было очень смешно и как-то уютно. Вся эта сцена с составлением адреса, с закуской, с подписями и беспечной болтовней. Внизу послания рядом с подписями было нарисовано красным карандашом сердце, пронзенное четырьмя стрелами. Задумано Надеждой Степ<ановной>, исполнено мною. Поль высказал предположение, что Трапезников подумает, будто здесь подразумевается его сердце, пронзенное нами четырьмя. Тогда Н<адежда> С<тепановна> написала в середине сердца: «Это наше сердце».

У Чехова все уже были в сборе. Елка на столе мерцала свечами. На ней атели бумажные розы и отливали золотом вырезанные из картона знаки зодиака и планет. Портреты Штейнера на всех стенах были украшены ветками елки. Мы пришли поздно, и потому заняли оставшиеся места, в разных концах комнаты, по воле случая. Мне нашлось местечко на письменном столе, и я оттуда обозревала всех остальных.

Ан<астасия> Ал<ексеевна> оказалась сидящей рядом с Евг<енией> Вас<ильевной> Сизовой (про которую она недав-

⁸⁶ Т. Г. Трапезников уехал в Берлин во второй половине 1923 г. на лечение.

но говорила, что чувствует, будто та к ней враждебно относится). Как нарочно, Н<адежда> С<тепановна> оказалась рядом с О. П. <Березонцевой?> (которая недавно просилась в наш кружок, и Н<адежда> С<тепановна> не захотела ее принять). Около меня на стуле примостился Марк (с кот<орым> мы два года назад в этот же день, в сочельник, шли вдвоем в Ант<ропософское> Об<щество>, шли по снежным темным улицам, при звоне колоколов, и наши души были в таком единении и таком подъеме! Это был наш первый вечер по вступлении в Ант<ропософское> Об<щество>). А теперь мы сидим рядом как чужие, как будто никогда ничего не было. Смотрю и удивляюсь.

27 декабря 23 г.

Уметь писать дневник — это значит уметь переживать жизнь, а не просто барахтаться в ней. Уметь осмысливать встречаемое, пытаться что-то понять в нем. Отыскивать нити, ведущие в глубь лабиринта.

1 января 24 г.

Очень удачная была на этот раз встреча Нового года, у Над<ежды> Степ<ановны>. Каждый принес с собой угощение, и это придало уют и простоту. Кл<авдия> Ник<олаевна> прочла лекцию Шт<ейнера> «Кругооборот года»⁸⁷. Несколько

⁸⁷ Годовой кругооборот как процесс дыхания Земли и четыре великих праздника (9 лекций, Дорнах, Вена, 1923, GA 223, 229). Т. н. кругооборот года являлся для Андрея Белого очень важным сюжетом, о чем свидетельствует написанное 8 января 1927 г. письмо «Правда ритмов времени» (адресат неизвестен, письмо ходило в копиях, одна из которых сохранилась в архиве М. А. Скрябиной). В письме он писал: «Для меня все более и более умение найти антропософски в жизни стоит в связи с умением ступать по времени, то есть знать, как осень, зима, весна, лето варьируют тональность поступка. Времена года, 12 месяцев — это данное вам непрестанное упражнение к развитию слуха и тональностям годового круга; это гаммы, без которых мелодии моих поступков в их социальной оркестровке будут фатально фальшивыми, хотя бы домыслы мои о поступках и были бы абстрактно правильны» <http://bdn-steiner.ru/modules.php?name=Books&go=page&pid=202>. Схема Андрея Белого «Кругооборот года» (Государственный музей А. С. Пушкина, 1920-е гг.) опубликована: Андрей Белый. Александр Блок. Москва. М., 2005. С. 342.

человек сыграли на рояле и пропели. Потом очень интересно говорил Бор<ис> Ник<олаевич> (Андрей Белый)⁸⁸. Показывал составленные и разрисованные им схемы⁸⁹. И высказывал мысли о том, как человек должен развивать в себе космическую жизнь. Мысли, навеянные ему словами Шт<ейнера>:

In deinem Denken leben Weltgedanken.
In deinem Fühlen weben Weltenkräfte,
In deinem Willen wirken Weltenwesen⁹⁰.

И в заключение высказал интересную мысль, что духовное общение между двумя лицами можно обозначить прямой ли-

⁸⁸ Андрей Белый вернулся в Россию из Германии 23 октября 1923 г. во многом благодаря усилиям К. Н. Васильевой.

⁸⁹ Любовь Андрея Белого к составлению различного рода схем и рисунков хорошо известна. Он создавал их для описания разнообразных процессов, в том числе, собственной жизни (см. Андрей Белый. Линия жизни. / Сост. Спивак М. А., Делекторская И. Б., Наседкина Е. В. М., 2005). Известны, например, рисунки, составленные к лекциям, прочитанным на закрытых антропософских собраниях в 1917–21 гг. (см. Андрей Белый. Александр Блок. Москва... С. 262–263). Многочисленные схемы сохранились в эпистолярном наследии Белого.

Что касается самой лекции, то в списке, составленном Белым, упомяната лекция «О мировых мыслях, чувствах, воле» (январь 1924 г. Москва. Друзьям) — см. Андрей Белый. Себе на память // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 9. М., 1992. С. 482. Из этих лекций впоследствии выросла «История становления самосознающей души».

⁹⁰ Начальные строки медитации Р. Штейнера (Мюнхен, август 1911). Полностью опубликована: Rudolf Steiner. Mantrische Sprüche. Seelenübungen II. 1903–1925 (GA 268). Dornach, 1999. Также см.: письмо Андрея Белого Р. В. Иванову-Разумнику (2 ноября — 1 декабря 1919 г.) // Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. Публ., вступит статья и комментарии А. В. Лаврова и Дж. Малмстада. СПб.: Atheneum-Феникс, 1998. С. 189–190. В этом письме приводится текст медитации, а также подробнейший ее разбор в контексте аллитерационной теории, составлена схематическая структура этого текста. В комментариях к письму приведен перевод медитации, выполненный Ивановым-Разумником: «В твоей мысли живут мировые мысли. В твоём чувстве ткнут мировые силы. В твоей воле действуют мировые существа». (Там же — с. 196). Также указано, что Белый разбирал этот текст Штейнера еще дважды: в статье «Круговое движение (сорок две арабески)» // Труды и дни. 1912. № 4/5. С. 72 и в письме к Э. Меттнеру от 22 сентября 1913 года.

нией, как обозначающей излияние духовной субстанции от одного к другому. Отношение между тремя лицами можно выразить в треугольнике: душевная субстанция движется, образуя треугольник. А если четыре человека развивают между собой духовное общение, то получается крест в квадрате, и по середине образуется точка скрещивающихся течений, некое новое существо. А если пять человек, то точка скрещивающихся линий выходит из середины и стоит над ними наверху, причем увлеченные ею линии изменяются и складываются в пентаграмму. Получается уже некоторое другое духовное образование. Смысл слов Христа: «Если двое или трое собраны во Имя Мое, то я посреди них», — в том, что совместное духовное переживание нескольких лиц во имя Христа создает некое новое «я», пронизанное силою Христа. Так он закончил, и тогда поднялась Кл<авдия> Ник<олаевна> и сказала: «Поздравляю всех с Новым Годом»⁹¹.

Андрей Белый очень интересный человек, и наружностью недурен. Но в нем нет мужественной силы. Слишком много чего-то женственного, смешного и внушающего чувство нежной жалости. Когда он говорит с пафосом (голос у него красивый, бархатно-звучный и выразительный), его манера говорить смешна и одинакова. То вдруг вытаращит целиком свои маленькие глаза. Потом несколько секунд очень серьезно и молча смотрит в пространство, — в такой момент его лицо красиво и значительно, но этот момент только переход к его

⁹¹ В главке «Мистерия» в романе «Записки Чудака» (Берлин, 1922. С. 169 —174) Белый говорит о том, что во время лекций Штейнера «свершалась мистерия очищения души <...> в это время я понял <...> Мистерию... — Ритм Коллектива она, где участницы души, оставив тела, вьются ветрами хороводов любви, где единство себя ощущающей личности, как и множество разделенных сознаний, утрачено: но это все есть духовный процесс <...> лепестки <...> роз завивают спираль пентаграммы; спираль роста листьев так сложена, что через пять лепестков, лепесток занимает на оси спирали первоначальное свое положение, отображая спираль, развиваемую такой-то планетыю; по образу и подобию этой планеты располагается ритм человеческих отношений пяти; пять есть цельность; самосознание мое в п я т и душах, соединенных со мною, иное; я емь не один: я — в пяти; пять есть цельность... — Человеческие отношения: одни развиваются по закону сложения роз, а другие — по ритму цветения лилий (закон гексаграммы)»

обычному смешному выражению: губы растягиваются, поднимаясь углами кверху в сладкой улыбочке, и голова плавно начинает двигаться из стороны в сторону, а маленькие глазки — сиять и улыбаться, устремляясь на сидящих перед ним. И говорит при этом медленно, отчеканивая слова и останавливаясь после каждого слова. Но все это у него от пафоса, от увлеченности течением мысли. Он отдается вдохновению и не думает о своей наружности.

После был перерыв. Столы с закусками раздвинули. Поздравляли друг друга с Новым годом. Вера Оск<аровна> меня поцеловала (!). Между прочим, одна барышня, из недавно вступивших, сказала мне: «Знаете, Зоя Дмит<риевна>, еще год или два тому назад, когда я еще и не думала вступать в Общество и про вас ничего не знала, но видя вас в Рум<янцевском> музее, почему-то решила, что вы непременно принадлежите к какому-ниб<удь> подобному Обществу».

После закуски опять продолжалась музыка. Один из нововступивших, С. Д. Спасский⁹², прочел свои стихи, удивительно красиво прочел, с таким чувством в голосе, полном антроп<ософского> огня. Сам он очень молодой и очень красивый. У него маленькая жена⁹³, тоже вступившая в члены, и оба они кажутся слишком как-то сахарно-красивыми. Его брат

⁹² Сергей Дмитриевич Спасский (1898—1956) — поэт и прозаик, антропософ. Мемуарист. Репрессирован. Друг Андрея Белого, считал его своим учителем в антропософии. Начинал как футурист. Работал редактором в «Издательстве писателей в Ленинграде». Арестован в 1951 г. Умер вскоре после освобождения.

⁹³ Софья Гитмановна Спасская (1901—1962), ур. Каплун. Официально брак с С. Д. Спасским был заключен в 1925 г. Расстались во второй половине 1930-х гг., развод оформлен в 1950 г. Была замужем за Зеленковым. Скульптор. Член-соревнователь и заведующая кружками Вольфилы. Антропософка, ученица Андрея Белого. Репрессирована. О ней см.: Милютин Т. П. Люди моей жизни / предисл. С. Г. Исакова. — Тарту: Крипта, 1997. С. 196—202.

О С. Д. и С. Г. Спасских см.: Андрей Белый. Линия жизни. С. 158—159; Спивак М. Л. Указ соч. По указателю; Письма Андрея Белого к С. Д. и С. Г. Спасским / Вступит. ст. и прим. Н. Алексеева // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 642—662.

Евг<ений> Дм<итриевич> Спасский⁹⁴, тоже с маленькой женой⁹⁵, вступил год назад в Ант<ропософское> Об<щество>. Эта парочка другого типа, похожа на обезьянок, но тоже интересные. [Через некоторое время обе пары развелись и вступили в новые браки].

В заключение Мих<аил> Пав<лович> что-то говорил, но я уже не знаю что, т. к. начинала засыпать, было уже 3 часа ночи.

Когда шли домой, улицы были освещены, также и многие окна домов. Я так устала, что по дороге домой рухнула в снег. Алексей Серг<еевич> поспешил поднять меня.

5 января 24 г.

Сегодня ощутила необычайно ясно смысл слов: «И Слово стало плотью, и обитало с нами, полное благодати и истины».

Как реальный образ предстало в сознании: оттого, что один Человек жил с нами, среди нас, и этот человек был Богом. Внесшим свет в нашу темную жизнь и смысл в наши переживания повседневных вещей, — оттого мы можем жить теперь, и наши души могут видеть смысл, радость и красоту жизни. Если принять Христа как смысл жизни, то все, и большое и малое, и едва заметное, что встречается каждый день, все может быть пережито как «Путь, Истина и жизнь». Все может быть наполнено светом Христа.

7 января 24 г.

Вчера вечером к нам пришел Алексей Сергеевич, и мы долго беседовали втроем. Удалось срисовать его руки⁹⁶.

⁹⁴ Евгений Дмитриевич Спасский (1900—1985) — художник, иллюстратор, декоратор, реставратор икон, режиссер, поэт. Футурист, затем супрематист. Увлекался конструктивизмом. Друг Давида Бурлюка и В. Хлебникова. Попытки выработать собственный стиль привели его к антропософии. Мемуарист. Работы художника находятся в Третьяковской галерее, художественных музеях Иркутска, Соликамска, Шуи, Рузы, Самары, в частных собраниях в России, США, Канаде, Австралии, Швейцарии и других странах. Вторая жена (с 1929 г.) — К. Л. Декапрелевич.

⁹⁵ Возможно, вышеупомянутая Е. К. Спасская.

11 января 24 г.

Сегодня, когда я проходила по Музейскому саду, он был как «зимняя сказка»⁹⁷. Совсем белые, неподвижные деревья, со стилизованным изяществом, низко наклоняли над землей свои ветки, как белые руки. И солнце четко очерченным кругом плыло так близко на бледно-туманном розовом фоне неба. Сугробы снега кругом, как волны сказочного белого океана...

Передала Ал<ексею> Серг<еевичу> молча записку о его руках. И теперь стесняюсь на него смотреть.

23 января 24 г.

Вспоминаю тот вечер 6-го января, когда у нас был А<лексей> С<ергеевич> (я тогда не записала что было, потому что не знала, как этот вечер будет значителен). Когда я собралась срисовывать его руки, он сказал добродушно и шутливо:

— А ну-ка, найдите, где у меня тут несчастная любовь? И вообще, была ли у меня любовь?

Я взглянула на его руки и ответила:

— Если и была, то только неудачная.

Он воскликнул:

— Ого! Почему вы так думаете?

— Так отмечено. У вас были увлечения лет в 20 и в 23 года!

Он небрежно заметил:

— У кого их не было в 20 и 23 года!

— У меня не было.

Он заинтересовался и недоверчиво спросил:

— Разве не было? А это что? — и указал на Поля.

— Это не настоящее, это очень тоненькой линией отмечено, почти и не заметной.

За чаем он заговорил о своих планах поездки за границу.

Я сказала шутя:

— Алек<сей> Серг<еевич>, возьмите меня с собой.

Он, улыбаясь, ответил:

⁹⁶ Т. е. сделать рисунок линий на руке для разбора с точки зрения хиромантии.

⁹⁷ Возможно, это название пьесы У. Шекспира.

— Хорошо, а только как же он один останется? — и кивнул при этом в сторону Поля.
— Он женится на другой.

25 января 24 г.

Вчера наш кружок собрался у Ан<астасии> Ал<ексеевны>. Мы едва разыскали ее дом, пробираясь через толпы, стремящиеся к трупу Ленина⁹⁸.

Комната Ан<астасии> Ал<ексеевны> вся уставлена большими зеркалами. Сияющий иконостас в углу. На этом фоне прекрасная дама. Этот фон особенно оттенял нежную одухотворенность ее лица. [Она одного возраста с М<арьей> Г<ригорьевной>, и хотя тогда уже была почти совсем седая, но все же красавица, женственно-кокетливая. В противоположность М<арье> Г<ригорьевне>, которая была красива только в молодости, а потом как-то потускнела и перестала заботиться о своей внешности к 40 годам. Над<ежда> Степ<ановна> была года на 2-3 меня моложе, некрасивая, не женственная, но довольно интересная лицом и следящая за своей внешностью].

Мы читали главу из «Порог духовного мира»⁹⁹, потом я прочла свои мысли о любви. Выслушав безмолвно, они, как только я кончила, обрушились на меня с возмущением. М<арья> Г<ригорьевна>, покраснев от негодования, сказала:

— Какая же это христианская любовь, если вы совершенно отрываетесь от жизни! Какая-нибудь женщина, отдающая всю свою душу на заботы о своем ребенке, или о муже, да может быть она гораздо ближе к христианской любви, чем человек, презревший это и где-то над землей строящий себе чей-то прекрасный образ.

Я: — Бывает так, что и разбойник оказывается ближе к Царству Небесному, чем какой-нибудь старец, подвижающийся в пустыне. Но разве отсюда следует, что вообще путь

⁹⁸ В. И. Ленин умер 21 января 1924 г., похороны во временном мавзолее состоялись 27 января. 23—26 января происходило прощание, люди съезжались со всей страны. Гроб был установлен в Колонном зале Дома союзов.

⁹⁹ Книга Р. Штейнера «Порог духовного мира: Афористические рассматривания» была написана в 1913 г. (GA 17).

разбойника скорее приведет к Богу, чем путь подвижника? Это только единичные случаи.

Н<адежда> С<тепановна> (с пафосом): — Что может быть выше материнства! Дети — ведь это ангелы! И ведь святые старцы благословляли брак и материнство, а вы считаете это чем-то низшим!

Я: — Благословлять-то они благословляли! А все же для самих себя избрали высшее.

Ан<астасия> Ал<ексеевна>: — Я на стороне Зои Дм<итриевны>. Я думаю, что аскетизм ближе Христу, чем чувственная и семейная любовь.

Так что и она не уловила смысла моих мыслей, поняв это только как защиту аскетизма. Им всем духовная любовь кажется лишенной жизни и яркости. Потому что они ее еще не испытали. [М<арья> Г<ригорьевна> — вдова от второго мужа, с первым — разведенная, детей нет. Надя тогда была «старая дева», вышла замуж позднее, детей нет. Ан<астасия> Ал<ексеевна> имеет мужа и двух дочерей, также бывали у ней любовники].

27 января 24 г.

Вчера провела вечер с А<лексеем> С<ергеевичем>. Он был очень мил, не окружая себя таким холодом, как Трифон Георг<иевич> или Мих<аил> Павл<ович>. У А<лексея> С<ергеевича> такая добрая улыбка, и он гораздо смиреннее и человечнее тех. И говорил он хорошо, искренно, от души. Но все же, разговаривая с ним, я ясно сознавала, что моя последняя мечта оказалась несуществующим сном. А<лексей> С<ергеевич> говорил, что «любовь начинается только по ту сторону креста». И в какой мере умираешь для себя, в той же мере оживает в тебе любовь. Одна есть реальность в этом мире призраков, и это смерть, она же есть и любовь. (Все это по поводу моих мыслей о любви, которые я читала в кружке, и ему также прочла, интересуясь его мнением).

Он сказал, что всю жизнь свою посвятил умиранию. Он поставил себе задачу внутренне умереть. Эти слова его были прекрасны, и сказаны так искренно, но сквозь них я увидела

его самого так далеко от меня... что сердце мое упало, и я себя ощутила как призрак. Идеал его тот же, что и мой, но в душе его он живет иначе, чем в моей, и это ставит между нами непреодолимую преграду. В нем этот идеал живет так, что кладет на душу печать монашеского аскетизма (он в молодости хотел стать монахом)¹⁰⁰. Но в моей душе этот идеал живет как свет и радость, и к нему я приближаюсь через всякую вещь в жизни, не боясь личных желаний, не отстраняя их, не преодолевая соблазны восторгом перед более прекрасным и великим.

Впрочем, в заключение он сказал с улыбкой:

— В мыслях, в сознании своем нужно четко очертить то, к чему стремишься. Но в жизни, конечно, приходится иначе поступать. Не говорите вашему кружку, что я еще более вас далек от внешней жизни.

31 января 24 г.

Это не отношение между двумя людьми, но абстракция.

Сегодня был у меня мой кружок. Над<ежда> Степ<ановна> говорила, между прочим, о старших антр<опософах>, что они о нас думают гораздо больше, чем нам это кажется, и разговор с ними многому научает, но очень уж они где-то там на высоте, на снежных вершинах, и оттого таким холодом от них веет. «Иногда хочется спуститься пониже, чтобы стало теплее». Это метко сказано. Поднимаясь на высоту, ничего не значит, если оттуда повеет холодом, зато знаешь, что там настоящее, истинное, верное. Но все же холод снеговых вершин не самое высокое. [Неверно. Они были вовсе не на высоте, а просто играли роль учителя].

7 февраля 24 г.

Сегодня из моего кружка пришла только М<арья> Г<ригорьевна>. Мы читали, потом пили чай и беседовали. Сам собой

¹⁰⁰ А. С. Петровский в 1903—1906 гг. учился в Московской духовной академии.

разговор съехал на А<лексея> С<ергеевича>. Она сказала: — Я А<лексея> С<ергеевича> давно знаю, он мне очень близок, и может быть, у меня к нему совсем особенное отношение, но я вовсе не считаю его таким уж очень добрым. Он отлично может быть иногда и жестоким, и несправедливым, и вообще имеет много человеческих недостатков. Несколько раз я в нем наблюдала такую черту характера: если он замечает с чьей-нибудь стороны большое внимание к его личности, то он резко отталкивает от себя этого человека. И чем ему приятней это внимание к себе, тем резче он оттолкнет от себя этого человека.

Я ответила: — Но ведь это значило бы, что он легко воображает о себе лишнее.

М. Г.: — Глядя на вас, не трудно заметить, что вы ему оказываете это внимание.

Я: — Позвольте, как так! Внешне я с ним теперь сдержанней, чем раньше.

М. Г. (смеясь): — Это ничего не значит! А все-таки внутреннее выявляет себя через внешность, помимо всяких внешних действий.

Я: — Ну, это уж вы так проницательны!

М. Г.: — А вы думаете — он менее проницателен, чем я? О. Еще гораздо более!

[Я никому из них не говорила о том, что влюблена в него].

Я думаю сделать вот что, приняв к сведению слова Марьи Григ<орьевны>, — представляю, как будто я совсем к нему равнодушна. Это будет испытание. Испытание чего, собственно?

13 февраля 24 г.

Мих<аил> Павл<ович> начал читать курс лекций об искусстве поэзии. Сегодня была первая лекция. [В квартире артиста Чехова¹⁰¹]. Он так отчетливо и ясно разворачивал свою мысль.

¹⁰¹ По воспоминаниям М. Н. Жемчужниковой, М. А. Чехов жил тогда на Арбатской площади, на углу Никитского бульвара. Фасад дома, выходящий на площадь, был закруглен. За ним находилась «круглая комната», служившая местом занятий руководимой Чеховым театральной студии. В ней же происходили и некоторые антропософские встречи (Жемчужни-

Не то, что Андрей Белый, в лекциях которого ничего не понимаешь, и только время от времени в уме проплывают бесформенные пятна, в которых вглядываясь, нечто различаешь, но это «нечто» мало общего имеет с мыслями оратора.

А<лексей> С<ергеевич> сидел в стороне на диване. Иногда у него бывает удивленное лицо, такое светлое, просветленное, полное затаенной духовной нежности, доброты, радости. Мы не обменялись ни словом.

Когда я вошла, Н<адежда> С<тепановна> стояла в глубине комнаты, лицом к дверям, а возле нее сидел, повернувшись боком, А<лексей> С<ергеевич> и с кем-то разговаривал, сидящим рядом. Увидев меня, Н<адежда> С<тепановна> просияла. Это сияние заметил А<лексей> С<ергеевич> и повернулся, чтобы взглянуть, кем оно вызвано. Я смотрела поверх его головы, на Н<адежду> С<тепановну>, и ей улыбалась, приветствуя ее. На А<лексея> С<ергеевича> не смотрела, но все же видела, что он при виде меня, резким движением обернулся снова к своему собеседнику. Это движение было чуточку более резким, чем оно могло бы быть, если б выражало равнодушие.

22 февраля 24 г.

Сегодня было продолжение лекции Мих<аила> Павл<овича>. Придя к Чехову, увидела А<лексея> С<ергеевича>, беседующего с какими-то юношами. Он чуть заметно вздрогнул при виде меня. Я поздоровалась и передала ему цикл, который принесла, т. к. циклы у него хранятся. Потом села в сторонке и набрасывала в записную книжку импровизацию в следующих стихах:

Тебе сгореть предложено, душа!
Что ж, не боюсь огня.
Знаю, он жжет не спеша...
Он так любит меня.
И пусть так было, так будет больно!
Сердце крестом осеня,
Не закричу, не закричу: «Довольно!»
Он так любит меня.

кова М. Н. Указ. соч. С. 50).

И безумно так, безумно верю:
Здесь, на фоне огня
Тайные откроются двери...
Я узнаю: он любит меня.

Написав это, обернулась, и увидела, что А<лексей> С<ергеевич> стоит у камина, и возле лежит горстка циклов. Встала и направилась к нему со словами:

— Что это в желтой обертке?

Он: — Это цикл.

Я: — Какой? Можно посмотреть?

Он передал мне цикл. Я взглянула: — Новый! Можно взять?

Он: — Да, только скоро верните.

Я: — Я скоро верну, скоро!

Вот все слова, произнесенные нами, слова внешние. Но сквозь них сияли внутренние слова. Как говорил Михаил Павлович в сегодняшней лекции: «Слушая внешние слова, мы должны учиться слушать внутренние слова». Сквозь наши слова, его и мои, изливалась бездонность нежности. Какое светлое было его лицо, когда он смотрел на меня, произнося эти незначащие слова. Такая радость, такая нежность, глубоко затаянная, сияла сквозь его лицо. И он смотрел, не отводя глаз от моего лица. Или это мне приснилось? Но он смотрел так, как если б любил меня.

8 марта 24 г.

Вчера вечером у Чехова Мих<аил> Павл<ович> читал о Бранде¹⁰². А<лексей> С<ергеевич> вместе с Чеховым сидел на камине, созерцая всех с высоты. Мне досталось местечко на диване, перед камином, рядом с Андр<еем> Белым. Он почему-то во время лекции несколько раз поворачивал голову и внимательно смотрел на меня. Мих<аил> Павл<ович> говорил с пафосом, очень сильно и хорошо. Вот несколько мыслей, которые я записала из его лекций: «Все простится, чего

¹⁰² Драма Генрика Ибсена «Бранд» (1866). На русский язык переведена в 1897 г. А. Ивановой. Была поставлена на сцене Московского художественного театра в декабре 1906 г. (перевод А. и П. Ганзен, режиссер В. И. Немирович-Данченко, в главной роли — В. И. Качалов).

ты не мог. Чего ты не хотел — то не простится. Мы должны всегда хотеть. Все или ничего. Когда мы свои падения оправдываем антропософией, мы предатели. Внутренний аскетизм — это душа антропософии. Непрерывность морального сознания, эссенция внутренней святости „я“ — это мораль антропософии. „О человек, познай меня!“ — говорит Ариман¹⁰³, указывая на абстрактную звезду. И прибавляет: „О, человек, ощути себя стоящим на земле!“ Нигде в физической материальной природе нет импульса Христа. Земля будет отброшена, когда созиждется Юпитер. Новая Земля (Юпитер) спускается сверху. Чтобы быть верным той земле, нужно умереть для этой. Похоронный марш прежней жизни — это жизнь Михаила¹⁰⁴. И в конце стоит правда, как звезда. Над тем, что человек переживает как трагедию, сияют звезды». И закончил словами Бранда:

«Верь до конца себе, сердце мое:
Все проиграв — побеждаешь,
Все потеряв — обретаешь,
То лишь, что умерло, — вечно твое».

Когда он кончил, Надя села за рояль и заиграла похоронный марш. И так удивительно играла. И моментами сквозь трагичность аккордов звучали ноты торжества.

Когда звуки смолкли и все задвигались, поднялись, заговорили, А<лексей> С<ергеевич> спрыгнул с камина и очутился около меня. Он протянул мне руку, как будто здороваясь. (Мы

¹⁰³ Ариман — по Штейнеру, дух лжи, враг Христа.

¹⁰⁴ В конце ноября 1919 г. в Дорнахе Штейнер прочел цикл «Миссия архангела Михаила» (GA 194). В картине духовного мира, составленной Р. Штейнером, большая роль отводится архангелу (духовной власти) Михаилу, который, по мысли Штейнера, правит космическим разумом. Он утверждал, что современная эпоха — это «переживание мистерии Михаила». Михаил «божественно духовное приводит в соотношение с небесными светилами». «Понять Михаила значит ныне найти путь к Логосу, который как Христос живет на земле среди людей» // Штейнер Р. Антропософские руководящие положения. Путь познания Антропософии. Мистерия Михаила. (Пер. В. А. Богословского) / Ред. Усачев Д. А. М.: Антропософия. 1996. Об осмыслении «мистерии Михаила» в творчестве и жизни Андрея Белого см.: Спивак М. Л. Указ. соч. С. 220—229.

не здоровались в этот день). Я решила смириться и сделать сверхъестественное усилие к тому, чтобы душа преобразилась, страхнула с себя свое ничтожество. Чтобы алые розы расцвели на черном кресте¹⁰⁵.

9 марта 24 г. Воскресенье, перед постом.

Сегодня, во время нашего с М<арьей> Г<ригорьевной> дежурства в Музее [М<арья> Г<ригорьевна> временно работала в Чит<альном> зале, вместе со мной, но обычное ее место было в научном отделе, где А<лексей> С<ергеевич>], вдруг вошла Анна Вас<ильевна> и сообщила ужасную новость: А<лексей> С<ергеевич> арестован в эту ночь. Потом М<арья> Г<ригорьевна> сказала: «В этот день мне исполнилось 40 лет. Так что случившееся я могу рассматривать как сделанный мне подарок в день рождения»¹⁰⁶.

28 марта 24 г.

Вот две мысли из цикла «У врат Теософии»¹⁰⁷, которые нечто уясняют мне в жизни, в последнее время: «Наступает состояние, в котором ученик вскрывает во сне сущность действительности, и тогда он может проверить сны на действительности». И другая мысль: «Оккультист должен уметь всегда открывать как бы некую потайную дверь. Он должен идти в этом направлении так далеко, чтобы он мог верить всему, происходящему в мире; так прокладывает он себе путь к новым познаниям».

30 марта 24 г.

Сегодня, во время моего дежурства в Музее, я испытала удивительную силу веры (в освобождение А<лексея> С<ергеевича>). Всесильная вера переполняла мою душу. Как будто все

¹⁰⁵ Возможно, аллюзия на розенкрейцерский символ. Черный крест с алыми розами печатался на афишах лекций Р. Штейнера — см. Андрей Белый. Линия жизни... С. 216.

¹⁰⁶ Андрей Белый сообщил о нахождении Петровского в заключении в письме Иванову-Разумнику от 17 июля 1924 г., называя этот процесс «болезнью» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка... С. 294).

¹⁰⁷ Steiner R. Vor dem Thore der Theosophie (GA 95). Dornach, 1979.

ясно, все именно то, что нужно... Но внешне ничего нет. Ничего. Ничего.

2 апреля 24 г.

Сегодня в Музее беседовала с Зиной Солодковой. Она была очень расстроена одним личным делом и не знала, как выпутаться и уяснить себе спутавшийся клубок обстоятельств. Благодаря моему участию и совету, она приободрилась и приняла нужное решение. Евг<ения> Дм<итриевна> между тем, будучи в плохом настроении [Евгения Дмитриевна Дмитриева, работающая вместе со мной в Читальном зале, по выдаче книг, тип старой «передовой» интеллигенции, бывшая курсистка, 62-х лет], прикрикнула на Зину, чтобы она работала вместо того, чтобы разговаривать, а ко мне обратилась с возмущением: «Неужели Вы ей говорите о Штейнере?! Это под Вашим влиянием она читает его книгу?» Я ответила: «Я с ней никогда не говорила о Штейнере, и сама только вчера заметила, что она его читает. Я нахожу, что она очень самобытная и незаурядная». Евг<ения> Дм<итриевна> вскричала: «Да, вот она, Ваша протезе! Она не расстается с зеркалом и пудрой!»

— Ну, это пустяки! Ведь я тоже не расстанусь с зеркалом и пудрой. Что же это доказывает? Ровно ничего.

Если девица 18-ти лет и притом несколько сумасшедшего характера, тем не менее, по собственной инициативе отыскивает книги по психологии, по выработке характера и по теософии, и с увлечением погружается в них, идя против влияния своей семьи (ее отец только что вступил в партию и усиленно навязывает ей «Азбуку коммунизма»), — то это показывает большие задатки, скрытые в душе. [Она говорила мне со смехом про «Азбуку коммунизма» и с восторгом о книге Штейнера «Теософия»: «Вот здесь все, все есть»].

Говорить об антропософии я с ней не намереваюсь, т. к. считаю, что живое участие к человеку, и вообще осуществление антр<опософии> на деле, гораздо более имеет значение, чем проповедь о ней. И считаю также, что каждый, приходящий к истине, должен приходить к ней, идя своим путем, развиваясь через свои способности, через свои заблуждения даже,

но никак не через что-нибудь навязанное ему извне. К тому же Зина еще слишком неустановившаяся, и не знает ясно, чего ищет.

17 апреля 24 г.

М<арья> Г<ригорьевна> говорила, что нужно отличать «личное» от антропософии. Я возражала, что для меня антропософия и есть «личное». Личное — это то, что наиболее близко душе.

Потом говорили о том, что наши души больше знают, чем мы, и как бывает, когда это сокровенное знание открывается нам. М<арья> Г<ригорьевна> сказала: «У меня был этот внутренний голос всегда, но я обычно затуманивала его своей рассудочностью и недостаточно верила ему, и потому совершала ошибки».

10 мая 24 г.

Возвращаясь с концерта (где Н<адежда> С<тепановна> аккомпанировала одному певцу безголосому) вместе с М<арьей> Г<ригорьевной>, она сказала про А<лексея> С<ергеевича>, что с ним бывает очень трудно иногда. Не вдаваясь в подробности, упомянула, что начала с ним «сближаться» еще до антропософии, и их сближение шло очень быстро, «и может быть от этой слишком большой скорости вдруг сошло на нет». Сказав это, прибавила: «Он очень строг к себе и к другому, когда сближается с кем-ниб<удь>, и потому бывает очень резок и неумолим. Иногда это так и нужно, и еще больше его за это любишь, но иногда приходится очень трудно». Я слушала молча.

Прийдя домой, села на раскрытое окно своей комнаты и смотрела на звезды, такие далекие и близкие и спокойные.

12 июня 24 г.

Недавно встретив за обедом [в столовой] Любовь Исаковну, разговорилась с ней об ея экзамене по политграмоте, который она блестяще выдержала на днях. Она сказала:

— К счастью, меня не спросили на этом экзамене, есть ли Бог. Но если б спросили, я бы знала, что отвечать.

Я: — Что же бы вы ответили?

Л. И.: — О, у меня есть на это хороший ответ! Я бы сказала так: в мире есть много такого, что еще не познано, не исследовано. Одни называют это непознанное «Разумом», другие — «Энергией» или еще как-нибудь, третьи — «Богом» или «Христом». Вот и все. Что же они могли бы на это возразить? И в то же время, этим я ничего не говорю против своей совести.

Я: — Да, это разумный ответ. Но правда не всегда на стороне того, что разумно. На вопрос «Есть ли Бог?» верующий всегда должен отвечать: «Бог есть». И сказать это так, чтобы дрогнули сердца услышавших это слово.

Л. И.: — Но тогда какой же был бы смысл держать экзамен по политграмоте?!

Я: — Для исповедания своей веры.

Сегодня целый день Поль, вместе с М<арьей> Г<ригорьевной>, провел в «Наркомюсте»¹⁰⁸, в хлопотах об А<лексее> С<ергеевиче>. У Поля там есть знакомый, которого он решил использовать в смысле этого дела. Я тоже пошла туда с утра, посидела там, среди всех этих несчастных, хлопочущих о своих близких. Я ничего не могу для него делать, кроме писанья стихов. Если его вышлют, преподнести ему на прощанье какие-ниб<удь> из своих стихотворений? Не все ли равно, что он обо мне подумает, если он меня не любит?..

О да, я знаю: это ведь безумье —
Стихи преподносить Вам на прощанье!
Но чуждо мне холодное раздумье
И равнодушное любезное вниманье.
Подумать можете, с усмешкой удивленной
Вы обо мне: «О, как она смешна!
Стихами странными смущен я...
Ответить нечем ей... Кто мне она!»
Пусть так. Но все же знайте это:

¹⁰⁸ Народный комиссариат юстиции.

От мыслей тех не утрашуся я.
И на стихи не жду от Вас ответа, —
В них Вам дарит себя душа моя.
Мне разум шепчет: «Ах, к чему, к чему
Тебе пред ним так унижаться!»
Но сердце отвечает: «Я хочу ему
Доставить радость... хоть бы посмеяться».

21 июня 24 г.

Сегодня присидела в «Наркомюсте» с 9 ч. утра до 1 часу дня, записалась в очередь, подала заявление, потом пришел Польш и сменил меня.

Толпа, подающая свои заявления, тянущаяся на помост к секретарю, цепляющаяся руками за стулья, производила впечатление потерпевших кораблекрушение, цепляющихся за обломки, плавающие среди волн. Но, в общем, сидеть там не дурно. Я читала Метерлинка («Мудрость и судьба»)¹⁰⁹, размышляла, наблюдала, и время прошло незаметно.

Думала о том, что мое настоящее (внешняя судьба) представляет груды развалин. Ант<ропософское> Об<щество> закрыто, члены попрятались по своим щелям. На службе мое положение шатко [Против меня велась кампания, замышлявшая мое увольнение. Из антр<опософов> в Музее оставались только А<лексей> С<ергеевич>, Лидия Викт<оровна> и М<арья> Г<ригорьевна>, а Веру Оск<аровну> и Кл<авдию> Ник<олаевну> уволили со многими другими сотрудниками в 1922 г.].

А<лексей> С<ергеевич> вероятно будет выслан. Словом, развалины! Прошлое нельзя изменить, но его можно лучше понимать, и тогда оно оживает. Так же и настоящее. Я не могу его изменить, но могу все лучше понимать его. Куда я с этим пониманьем приду?

¹⁰⁹ Метерлинк Морис (Maurice Maeterlinck, 1862—1949) — бельгийский франкоязычный драматург, поэт. Один из создателей символической драмы. Показывал «трагическое в повседневности». Философское эссе «Мудрость и судьба» («La Sagesse et la Destinée») было написано в 1898 г., издано в Петрограде в 1915 г.

8 июля 24 г.

После службы зашла в «Наркомюст» навести справку, и просидев там в толпе 3 часа, узнала, что дело отложено еще на месяц.

24 августа 24 г.

Сегодня я обедала с Подем в Кубу¹¹⁰, и вдруг к нему подошел какой-то господин, пожилой, какой-то «Ивановский», похожий на бульдога, и объявил, что его приняли в Рум<янцевский> Музей на должность А<лексея> С<ергеевича>. Когда я это услышала, моя душа помертвела.

25 августа 24 г.

Краски все стущаются: М<арья> Г<ригорьевна> была сегодня в Красном Кресте¹¹¹ у своей знакомой, Пешковой¹¹², через которую она хлопочет, и вынесла такое впечатление, будто та ее подготавливает к неприятной новости.

Определенно ей было сказано, что через неделю, или две, дело кончится, но неопределенными намеками было дано понять, что едва ли можно ожидать благоприятного конца.

Да? Но все же звездная сеть, простертая над нами с начертанными на ней знаками наших судеб, — это сильнее хитро-сплетений человеческих. И я буду верить до последнего мгновения, и дольше последнего мгновенья.

26 августа 24 г.

Холода настали в последние дни, совсем будто поздней осенью. 26-е число для меня несчастное число. Сегодня у меня неприятное настроение. Пусть бы скорей прошел этот день.

Вечером. Так и есть. 26-е число не дает промаха. Только что зашла ко мне М<арья> Г<ригорьевна> и сообщила, что кто-то неизвестный звонил по телефону в Музей и сказал, чтобы собрали для А<лексея> С<ергеевича> поскорее теплые ве-

¹¹⁰ Цекубу. См. прим. 75.

¹¹¹ Московский комитет помощи политическим ссыльным и заключенным — Политический Красный Крест.

¹¹² Екатерина Павловна Пешкова (1876—1965), ур. Волжина. Председатель вышеуказанного Комитета.

щи и передали Пешковой. М<арья> Г<ригорьевна> помчалась скорей к Пешковой, но та ей ответила, что еще ничего не известно, справилась по телефону в ГПУ¹¹³, и там ей сказали, что постановление еще не состоялось. Но М<арья> Г<ригорьевна> решила на всякий случай приготовить все нужные вещи. Я дала ей кое-что из Полиных вещей.

27 августа 24 г. Канун «Успенья».

Была сегодня вечером в нашей церкви «Успенья». Молилась о том, что пусть лучше он меня не любит, и пусть я его никогда не увижу, но только б его не отсылали к Белому морю. И чувствовала так: будто Христос смотрит на меня, улыбаясь, с такой любовью, что глаза мои стали полны слезами, и говорит: «Успокойся! Ваши сердца и ваши жизни в моих руках. Все нити судьбы и истины и жизни в моих руках. Не бойся же, и предоставь мне все, совершенно». И хор в это мгновение пропел особенно проникновенно: «Тебе, господи!» Когда вернулась домой, Поль обдумывал новый план освобождения А<лексея> С<ергеевича>.

28 августа 24 г.

Сегодня выяснилось, что просили прислать в тюрьму не пальто, а всего только одеяло. Кто-то перепутал это одно слово, и все перепугались, вообразив, что если уж просит теплое пальто, значит, его отсылают к Белому морю!

Читальный зал эти последние два дня имел вид вокзала. Заканчивали разбор газет, связывали их в гигантские тюки, и служители нагружали ими корзины и уносили куда-то. Рабочие мыли окна, чистили верхний ярус, сметая оттуда щетками и тряпками пыль прямо на наши головы. Но я чувствовала, сквозь эту пыль и сквозь осенний холод, врывающийся в окна, — удивительную веру. Свет струился в душу, и раньше

¹¹³ Главное политическое управление при Народном комиссариате внутренних дел РСФСР было создано в феврале 1922 г. (ранее — Всероссийская чрезвычайная комиссия), с 1923 г. называлось Объединенное главное политическое управление при Совете народных комиссаров СССР. Отвечало за борьбу с контрреволюцией и с чуждыми советской власти элементами.

еще, чем я узнала про путаницу слов. Если в судьбе теперь сгустились мрачные тона, то не потому ли, что близок рассвет?

29 августа 24 г.

Вчера, в 10-м часу вечера, пришли к нам М<арья> Г<ригорьевна>, и мы втроем, с Полем, стали обсуждать его новый план для освобождения А<лексея> С<ергеевича>. Поль написал заявление от имени служащих Музея и предложил подать новому заместителю директора. [Директором тогда был А. К. Виноградов¹¹⁴, подлаживающийся к коммунистам, и который донес на А<лексея> С<ергеевича> за какую-то неосторожную фразу. Виноградов как раз пытался вступить в партию, но его не приняли и назначили ему заместителя — коммуниста Тарасова. Скоро они передрались, их убрали и назначили директором В. И. Невского¹¹⁵. Виноградов позже стал писать исторические романы, жизнь кончил самоубийством]. <...>

3 сентября 24 г.

Вечером. Зашла М<арья> Г<ригорьевна>. Опять малоутешительные новости. Пешкова сказала ей, что его так просто не выпустят.

¹¹⁴ Анатолий Корнелиевич Виноградов (1888—1946) — писатель, библиограф. В 1912 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета. Учитель М. И. И. А. И. Цветаевых. Сотрудничал с издательством «Мусагет». С 1909 г. — сотрудник, в 1921—1924 гг. директор Румянцевского музея.

¹¹⁵ Владимир Иванович Невский (настоящее имя Феодосий Иванович Кривобоков/Кривобок, 1876—1937). Революционер, большевик, участник Октябрьского переворота. Примыкал к «рабочей оппозиции», за что впоследствии был фактически отстранен от государственной деятельности. С 1921 г. работал в Петроградском бюро «Истпарта». В 1922 г. по решению оргбюро ЦК ВКП(б) был направлен в Москву, где был назначен директором Третьяковской галереи, а затем в 1925 г. — директором библиотеки им. В. И. Ленина. Автор более пятисот работ по истории народнического, рабочего и социал-демократического движения, партии большевиков. Арестован в 1935 г., во время разгрома Сталиным школы партийных историков. Расстрелян в 1937 г.

13 сентября 24 г.

М<арья> Г<ригорьевна> получила ордер на свидание с А<лексеем> С<ергеевичем> в тюрьме. Следствие кончено, остается ждать приговора.

15 сентября 24 г.

М<арья> Г<ригорьевна> рассказывала, что видела А<лексея> С<ергеевича>; он имел очень приличный вид (мы представляли его себе грязным, обросшим бородой, жалким, больным); он был гладко выбрит, как всегда, хорошо одет, и в спокойном настроении. Он не имел никакого представления о своем деле и знал меньше нас¹¹⁶.

20 сентября 24 г.

Вечером у Поля собрались гости: Райновы¹¹⁷, Юшкевич¹¹⁸, Бобринский¹¹⁹ и мама. Юшкевич начал было подсмеиваться над хиромантией и вызывающе сказал, протягивая ладонь: «Ну, вот скажите мне что-нибудь!» Я взглянула и сразу сказала три главных события его жизни, с точным указанием времени их. Он сел пристыженный, и мог только ответить: «Вы могли бы загребать миллионы!»

26 сентября 24 г.

¹¹⁶ 8 декабря 1924 г. Белый сообщал Иванову-Разумнику о попытках вызволения Петровского: «Мы сделали все, что могли: было несколько бесед с Менжинским, ручались за А. С. Ничего не помогает. Говорит, что он изъят, как контрреволюционер <...>» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка... С. 303. В комментариях к письму (с. 306) приведены показания Петровского из его следственного дела, в которых он обрисовывает ситуацию в РАО).

¹¹⁷ См. прим. 71.

¹¹⁸ Возможно, Павел Соломонович Юшкевич (1873—1945) — философ. В 1920-е гг. — сотрудник Института Маркса и Энгельса. Там же в 1920-х гг. служил П. Х. Кананов.

¹¹⁹ Возможно, кто-то из семьи графов Бобринских — владельцев имения Богучарово под Тулой. Летом 1923 г. Канановы гостили у них, как раз в то время, когда из имения делали музей, а Бобринских выселяли оттуда. П. Х. Кананов пытался повлиять на ситуацию и договориться с местными властями, что ему не удалось.

Различные опасности окружали меня и нападали со всех сторон как чудовищные гады. И вдруг начали отступать, рассеиваться.

Хлопоты об А<лексее> С<ергеевиче> приняли благоприятный оборот, благодаря новому влиятельному лицу, вдруг вынырнувшему из неизвестности. На него со всех сторон воздействуют разные дамы. [Не М<арья> Г<ригорьевна>, какие-то другие. И на службе враждебные влияния от меня отступили].

1 октября 24 г.

Кл<авдия> Ник<олаевна> говорила, что по словам д<окто>ра Штейнера 1924 год — это год больших испытаний и больших откровений для тех из антропософов, которые себя к этому подготовили, которые созрели для этого.

И еще вот что: то, что посылается Кармой, идущей из прошлых воплощений, можно узнать по тому, как оно является нам. Оно является как нечто непреодолимое, непонятно откуда взявшееся, и такое, что мы ничего не можем с ним поделать, а только принять его, каким оно есть.

28 ноября 24 г., ночью.

В десятом часу вечера, возвращаясь из кино, зашла в сад около Храма Христа Спасителя. Смотрела оттуда, остановясь у каменной стены, на улицу. Свет высоких фонарей, трамваи, идущие своим путем. Ярко освещенный гастрономический магазин на углу. Прохожие. В темном саду две-три парочки, сжавшиеся на скамейках. И чувство странного спокойствия, овевавшее меня. Как будто я только что приехала в незнакомый город, я — странник в мире. Смотрю кругом, и все полно значенья, окутанного покрывалом. Судьба из темноты протягивает руку и очерчивает вокруг меня таинственные круги. «Делай свое дело, судьба, — я буду делать мое», — говорю я ей, и кладу руку в белой шерстяной перчатке на каменные перила, как бы запечатлевая этим жестом это мгновение в чьей-то памяти, не моей.

23 декабря 24 г.

В Музее М<арья> Г<ригорьевна> шепнула мне, проходя мимо: «В Красном Кресте мне сообщили, что постановление состоялось в благоприятном смысле. Его выпускают. Но я еще боюсь этому верить». [Вот неверящая, вот робкая духовно].

24 декабря 24 г., Сочельник.

В эту ночь мне снилось, будто слушаю музыку. И так, это вот этот день — день так долго жданный (так! — *Д. Л.*). Когда пришли утром в Музей, Павел Ник<олаевич> Батюшков¹²⁰, старичок-теософ, шепнул мне: «Вы знаете, Алекс<ей> Серг<еевич> вернулся!» [Батюшков жил в той же квартире]. В этот момент петля, стягивавшая мою шею все эти девять с половиной месяцев, разорвалась, упала. Мою душу всю залила благодарность Богу. Потом спустилась вниз и увидела А<лексея> С<ергеевича> в Румянцевском зале, окруженного толпой. Увидела, собственно, только его спину. Испугалась вдруг и не подошла к нему. А вместо этого взобралась на свой «обсервационный пункт», т. е. на галерею над Рум<янцевским> залом, и оттуда смотрела на А<лексея> С<ергеевича>. Он изменился, цвет лица стал желтовато-бледный. Вместо пенсне очки. Его все приветствовали, он улыбался. Мои чувства как бы замерли, я была как во сне. Потом опять спустилась из чит<ального> зала, и увидела его в коридоре, беседующего с кем-то. Не успела скрыться, он заметил меня и, сказав «Здравствуйте!», протянул руку. Я пробормотала «Здравствуйте», пожала его руку, и прошла дальше. Но, идя обратно, остановилась против него, на некотором расстоянии. Он взглянул на меня и произнес:

¹²⁰ Павел Николаевич Батюшков (22.07.(02.08).1864—15(?).12.1932) — теософ. Родился в Харькове в семье статского советника. В 1893 г. окончил естественный факультет Московского университета с дипломом 2-й степени. В 1906 г. опубликовал в известном сборнике «Свободная совесть» статью «О религиозном мистицизме». Служил в Румянцевском музее с 1907 г., с 1910 г. — помощник заведующего читальным залом, с 1926 г. работал в отделе хранения. Вышел на пенсию в 1929 г. (Архив РГБ. Описание 22, дело 58). Скончался от стрептококковой ангины (запись в дневнике Канановой от 15 декабря 1932 г.). О нем см.: Андрей Белый. Начало века... (Главы «Гончарова и Батюшков» и «Рыцарь бедный»). С. 25—31.

— Как Павел Христофорович? [Поль тогда работал в Институте Маркса. Позже опять вернулся в Музей, тогда уже «Лен<инскую> биб<лиотеку>»].

Я: — Он ничего...

А. С.: — Ну а Вы как? — и он нежно на меня посмотрел.

Я: — Я тоже ничего.

А. С.: — Тоже ничего? — повторил слегка разочаровано, слегка насмешливо.

Так выглядела наша встреча после долгой разлуки. [А через девять лет опять наша «встреча после долгой разлуки», и опять стихи, и опять М<арья> Г<ригорьевна>, все такая же пылкая! Судьба! Судьба! Да что же это за странная такая судьба? Откуда она?]

12 января 25 г.

Идя из Музея домой, я почему-то пошла другой дорогой, чем обычно, пошла через Арбат, и неожиданно встретила Марка. Он вынырнул из какого-то переулка, и, увидев меня, поздоровался и пошел рядом, мрачный и молчаливый. Я спросила про его невесту. Она все еще в тюрьме. Арестована за свою деятельность в христианском кружке. Марк смотрит пессимистически на свое будущее. Для вступления в брак он хотел креститься, но священник, к которому он обратился, потребовал от него отречения от антропософии. На это Марк не согласился.

4 февраля 25 г.

Вчера вечером было так: часов в 8 пришел А<лексей> С<ергеевич>.

<...> Мы беседовали, он спрашивал о занятиях нашего кружка. <...>

7 февраля 25 г.

<...> Я вижу по отношению к себе со стороны Кл<авдии> Ник<олаевны> и А<лексея> С<ергеевича> предвзятое недоверие и отсутствие интереса и не желаю навязываться. <...>

Мы читали «Тайноведение» о Сатурне¹²¹. Надя прочла конспект о предыдущем и говорила о бытии Сатурна с таким видом, как будто хотела себя самое уверить в том, что ей нечто уясняется в его бытии. Ан<астасия> Ал<ексеевна> откровенно заметила: «А я ничего не понимаю. Для меня все это какой-то сумбур».

Я прочла выписки из одного цикла, где несколько яснее разбирается этот вопрос, и в заключение сказала: — Как на Сатурне огонь расколосся на свет и дым, так и всякое наше чувство мы можем рассматривать раскальвающимся на свет и дым. Таким образом мы можем почувствовать свою связь с Сатурном, и он для нас уже не отвлеченность.

М<арья> Г<ригорьевна> сочувственно подхватила эту мысль:

— Да, в каждом переживании есть свет и дым!

14 марта 25 г.

Сегодня собирался у меня мой кружок. Но занимались немного, у М<арьи> Г<ригорьевны> и Нади были свои дела, и они рано ушли. <...>

30 марта 25 г.

Сижу за своим столом, окруженная немецкими циклами, словарем, тетрадами, Евангелием, портретами Штейнера. Смотрю на все это и обливаюсь слезами восторга. Моя детская мечта исполняется: узнаю о том, что после смерти. Тайны окружают меня, прикасаются ко мне так близко.

1 апреля 25 г.

Только что зашла ко мне Надя сообщить печальную новость: умер, 30го марта, доктор Штейнер¹²².

¹²¹ О Сатурне и других планетах говорится в главе «Мировое развитие и человек» книги Р. Штейнера «Очерк тайноведения».

¹²² Рудольф Штейнер скончался в Дорнахе после тяжелой болезни. Его близкие утверждали, что он был отравлен 1 января 1924 г., что и послужило в конечном итоге причиной смерти.

2 апреля 25 г.

Лидия Викт<оровна> была сегодня торжественно-спокойна. М<арья> Г<ригорьевна> — бодро весела. А<лексей> С<ергеевич> — серьезен и очень бледен.

4 апреля 25 г.

Произошедшее событие я не чувствую как «печальное», но только как страшно серьезное. Этот факт не исчерпывается тем, что вот такой-то человек умер, и кончено. Для нас этим фактом нечто началось, а не кончилось. Мы были сегодня у Ан<астасии> Ал<ексеевны>. Надя рассказывала подробно, как она узнала об этом событии, и как она странствовала и оповещала о нем. Значительное и нелепое перемешались. Она рассказала, как она ездила с Верой Ник<олаевной> Столяровой [женой Мих<аила> Павл<овича>] за город, известить Клавдию Ник<олаевну> и Бориса Ник<олаевича>, уехавших туда отдыхать¹²³. Когда они прибыли туда, тех не было дома, и они отправились их разыскивать, и увидели их издали, идущих им навстречу. Тут Надя осознала, насколько они, вместе с Верой Ник<олаевной>, неожиданно появившиеся перед теми двумя, должны были показаться им трагически нелепыми. Маленькая, круглая как шар, Вера Ник<олаевна>¹²⁴, и рядом с ней длинная, тощая фигура Нади (как дон Кихот с Санчо Пансой!), и тот факт, что именно они вдвоем, и здесь перед ними, — сразу заставил Кл<авдию> Ник<олаевну> догадаться, что что-то произошло. Она побежала им навстречу с возгласом: «Что случилось? Что случилось?»

Вернувшись в город, они отправились к А<лексею> С<ергеевичу>. И предполагая, что он уже все знает, Вера Ник<олаевна> сразу заговорила, без всяких предосторожностей, не слушая, как Надя ей шепнула: «Осторожней! Может быть, он ничего не знает». Он действительно ничего не знал, и не предчувствовал ничего. Это его так поразило и потрясло, что они почувствовали, что они тут лишние в этот момент, и им осталось только уйти.

¹²³ Андрей Белый и К. Н. Васильева поселились в Кучине в апреле 1925 г.

¹²⁴ Вера Николаевна Столярова — жена М. П. Столярова, антропософка.

Оттуда Надя зашла ко мне, и от меня последовала дальше, как вестник смерти. Мы слушали с глубоким волнением ее рассказ. [С чего, собственно, ты взяла, что Ан<астасия> Ал<ексеевна> и М<арья> Г<ригорьевна> слушали это с «глубоким волнением»?]

Она скоро ушла, а мы, с М<арьей> Г<ригорьевной>, еще остались и пили чай.

<...>

Когда мы простились с Ан<астасией> Ал<ексеевной> и пошли вместе по улице, М<арья> Г<ригорьевна> сказала: «Когда я услышала в Музее от Лидии Викт<оровны> об этом событии, то меня сразу охватило чувство близости нас всех, и таким неважным показалось все, что нас разделяет, в чем мы не согласны между собой. Взять хотя бы нас с вами: как неважно все, что нас разделяет, и как значительно то, что нас связывает».

Я ответила: — Да, это правда.

9 апреля 25 г.

Антропософы (60 человек), старые и новые, знакомые и незнакомые, собрались у Нади. Большой портрет д<окто>ра Штейнера стоял, украшенный красными розами, нарциссами и левкоем. Надя сыграла на рояле хорал Баха, потом Кл<авдия> Ник<олаевна> прочла две главы из Евангелия от Иоанна. Некоторые говорили о своих встречах с Доктором, и о всем том бесконечно важном, что дал им этот человек. И тот факт, что каждый из присутствующих принес сюда самое важное, что было в его жизни, этот факт кармически связал всех присутствующих. Даже какая-то дама, почти никому не известная, приехавшая из провинции, не почувствовалась чужой. Она сказала несколько слов, которые закончила, нелепо и резко прокричав: «Смерти нет!»

Андрей Белый говорил со своим обычным пафосом и выразительностью. Мих<аил> Павл<ович> — несколько раздражающим голосом, проникновенно, хватая за душу. Чехов говорил без актерства, очень просто. Отмечаю только внешнюю сторону, потому что слов их не помню. Во всяком случае, впе-

чатление от их слов было очень сильное. [Мы с Надей плакали]. Запомнила только одну фразу, которую Чехов передал как слышанную им от д<окто>ра Штейнера: «В огне не сгорают только огонь, и только тот не сгорает в огне духовного познания, кто сам через это познание стал как огонь».

Хорошо говорил также Татаринов, передавая свои и Чехова впечатления от их встречи минувшим летом с Доктором¹²⁵. Несколько мелких штрихов, пустяки, но они стали для нас полными значения. Особенно запечатлелся в душе рассказ о том, как Доктор стоял около автомобиля, и вдруг на него сверху полетел чемодан, и пролетел на волос от его лица. Все видевшие перепутались, но Доктор даже не двинулся.

Клавдия Ник<олаевна> говорила первая и последняя. Из ее первых слов я запомнила только: «Мы можем назвать себя его учениками». Из последних слов: «Мы все друг другу родные».

19 апреля 25 г. Св<ятая> Пасха.

Марья Ник<олаевна> Жемчужникова живет в 10ти минутах ходьбы от нас¹²⁶. Подойдя уже к самым воротам ее дома, М<арья> Г<ригорьевна> внезапно заявила: — Я ухожу домой, идите одна. Мне стало вдруг нехорошо. Я себя плохо чувствую.

И она быстро исчезла в темноте. На лестнице я увидела двух молодых девиц из новых членов. Они меня приветствовали и поцеловали трижды. Очень милые девицы, но я их имен не знаю. Марья Ник<олаевна> отворила нам дверь, в белом платье, вся празднично похорошевшая, и расцеловала нас по пасхальному.

Вслед за нами стали быстро приходиться другие. Сначала все только женщины. Каждая из вновь пришедших обходила

¹²⁵ Летом 1924 г. Чехов был в Германии на отдыхе. Он и Татаринов встретились с Р. Штейнером 24 июля. Чехов и Татаринов прослушали курс «Карма антропософского движения» (см.: Спивак М. Указ. соч. С. 529). См. также запись от 15 сентября 1925 г.

¹²⁶ В 1935 г. Жемчужникова проживала по адресу: Полуэктов (с 1955 г. — Сеченовский) пер., 7, кв. 11. Возможно, этот тот самый адрес, куда явились антропософы праздновать Пасху (действительно, расстояние от дома Канановой можно пройти за 10 минут).

всех присутствовавших и с каждой христосовалась. Пришли: Вера Оск<аровна>, Лидия Викт<оровна>, Лидия Васильевна¹²⁷, Любовь Исаковна и несколько молодых девиц из новых.

Вошел Юлиан Павл<ович> Анисимов [муж Веры Оск<аровны>]¹²⁸ и, к моему удивлению, тоже стал обходить каждую по очереди и целовать трижды. Вслед за ним явился Петр Никанорыч <Зайцев>¹²⁹ (добродушный, некрасивый, заикающийся, смешной, но славный). [Этот «славный» впоследствии, как я слышала, отрекся от антр<опософии> и стал марксистом!¹³⁰ Отсюда вывод: не называй никого «славным», прежде чем он ляжет в могилу]. Я следила, как он приступит к приветствию. Он подошел к сидевшей с краю молодой краснощекой девице и, не обнаруживая никакого смущения, похристосовался с ней. И последовал дальше по кругу, медленно и торжественно лобызая каждую, будто совершая некий ритуал.

Надо сознаться, я была удивлена: все будто стоворились поступать именно так. Конечно, это очень хорошо, никто не забыт, не оставлен без внимания, даже почти незнакомые между собой подают друг другу знак, что они не чужие между собой. Это прекрасно. Мое удивление объяснялось тем, что когда в прежние годы я праздновала Пасху с антропософами, то этого явления не наблюдалось, т. е. строгой систематичности и ритуальной торжественности в пасхальных поцелуях.

¹²⁷ Лидия Васильевна Каликина (1888—1955? / не позднее начала февраля 1956) — педагог, методист дошкольного воспитания. Принадлежала к «старшим» антропософам. Осуждена по «делу» антропософов в 1931 г. Ссылку отбывала в Орле вместе с Е. Н. Краснушкиной и О. Н. Анненковой. Погребена на Новодевичьем кладбище.

¹²⁸ См. прим. 25.

¹²⁹ Петр Никанорович Зайцев (1889—1970) — литературный работник, антропософ, друг и помощник Андрея Белого. Мемуарист. О нем см.: Зайцев П. Н. Воспоминания. М.: НЛО, 2008.

¹³⁰ Кананова судит о Зайцеве со своей обычной резкостью. П. Н. Зайцев был дважды репрессирован за принадлежность к Антропософскому обществу (в 1931 и 1935 гг.), провел в заключении много лет. Вполне понятно, что после возвращения на свободу он не хотел поддерживать явные связи с антропософами. Воспоминания Зайцева не содержат как резких выпадов против антропософии, так и каких-либо марксистских высказываний, хотя не лишены определенного конформизма.

Каждый христосовался со своими ближайшими друзьями, иногда и с другими, но как-то поспешно и как бы случайно. Мужчины почти совсем не решались христосоваться с дамами. Это было редкое явление. Поэтому теперь мое удивление было очень понятно. Я следила за каждым входящим, и мое удивление все возрастало. И возрастало беспокойство: сейчас придет А<лексей> С<ергеевич>. Как он поступит?

Когда на часах было без четверти два, и мое волнение достигло своего апогея, пришли наши «главки». Они вместе были в церкви. Клавдия Ник<олаевна> с мужем¹³¹, ее сестра¹³² с мужем¹³³, Андрей Белый и А<лексей> С<ергеевич>. Несмотря на то, что комната в этот момент походила на кишаший муравейник, вошедшие, нисколько не растерявшись, начали подходить к каждому и христосоваться, двигаясь по кругу, начиная с красной девицы, сидевшей ближе всех к дверям. А<лексей> С<ергеевич> шел последний. У него было праздничное, озаренное лицо. Он также приступил к ритуальным поцелуям, как будто это нечто вполне естественное и обычное. Я сидела у письменного стола, на ручке дивана, и оказывалась последней в круге. Чувствовала себя иконой, к которой прикладываются. Окружающее плавало в каком-то тумане. В уме держалась только одна мысль: когда А<лексей> С<ергеевич> дойдет до меня, я первая не сделаю движения христосоваться.

«Процессия» приближалась, похристосовались со мной Клавдия Ник<олаевна>, ее сестра, ее муж, Андрей Белый, и дошла очередь А<лексея> С<ергеевича>. Верная своему намерению, я не сделала первого движения. Только протянула руку. Он взял ее, сказал: «Христос воскрес!» И как сквозь туман я увидела его лицо приблизившееся, почувствовала прикосновение его губ к моим щекам, и под своими губами ощу-

¹³¹ Петр Николаевич Васильев (1885—1976) — врач. Антропософ. После развода с К. Н. Васильевой женился вторично.

¹³² Елена Николаевна Кезельман (1889—1945), ур. Алексеева — антропософка. Арестована по «делу» антропософов. Ссылку отбывала в Лебедяни. Скончалась внезапно, вероятно, от инсульта. Панихида состоялась в Филипповской церкви.

¹³³ Сергей Матвеевич Кезельман (1880—?) — юрист. Антропософ. После развода с Е. Н. Кезельман в начале 1930-х гг. (?) женился второй раз.

тила его бритую щеку. Вдруг он сильно сжал мою руку и порывистым движением приблизил ее к себе. Движением, идущим из подсознания? [Наш поцелуй остался при нас последний, т. к. я была последняя в кроте, и А<лексей> С<ергеевич> шел последний].

Все заняли места. Вера Оск<аровна> начала играть на рояле. А<лексей> С<ергеевич> сел на кресло по другую сторону письменного стола, так что нас отделял друг от друга этот стол. На этом столе перед нами стоял сильно пахучий розовый гиацинт. Марья Ник<олаевна> читала Евангелие и 12-ю главу из Апокалипсиса.

После чтения некоторые говорили. У Кл<авдии> Ник<олаевны> было удивительно вдохновенное лицо и странно-проникновенные глаза. А<лексей> С<ергеевич> мял пальцами кусочек красной церковной свечки. Мне не нравятся его пальцы, они как-то не гармонируют с его лицом. Лицо худое и длинное, а пальцы короткие и пухлые.

В 4м часу ночи перешли в другую комнату пить чай. Несколько человек ушли, осталось 15. (Ушли Елена Ник<олаевна> с мужем и Любовь Исак<овна>). Мне спать не хотелось, усталости не чувствовалось, но когда шла по коридору в столовую, заметила, что шатаюсь и держусь за стену.

Все разместились за большим столом, пили чай с куличом и паской (так! — Д. Л.). Юлиан читал свою новую поэму¹³⁴. Но слова ее почему-то не удерживались в моем сознании, не формировались в нем. Вера Оск<аровна>, подперев голову рукой, слушала с глубоким вниманием. Клавдия Ник<олаевна> — с сосредоточенной напряженностью, сдвинув брови и устремив прямо перед собой свои большие серо-зеленые глаза. У А<лексея> С<ергеевича> выражение лица выдавало равнодушное доброжелательство. Андрей Белый восторженно стал расхваливать, когда Юлиан кончил. В общем, разговор не вязался. Все сидели за столом молчаливо-задумчивые. [По-

¹³⁴ В 1920-х гг. Анисимовым были написаны стихотворения: «В тело души моей...», «Когда я сквозь тело свое вижу...», «Неужели будет время, когда мы, люди...», «Летом с собаками дружба...».

мню отчетливо: против меня сидела Аня Машковцева¹³⁵, из молодых членов, хорошенькая, розовая, с кудерками (так! — Д. Л.). Потом я ее время от времени встречала у кого-нибудь из антр<опософов>, и всякий раз она казалась заметно постаревшей. А теперь она работает в биб<лиоте>ке МГУ, где я, только в отделе каталога (запись 1950-х гг.) <...>]

Долго так сидели. Огарок красной свечки догорал на блюде среди четырех красных яиц, и казалось, что огарка уже нет, и видно было только пламя среди яиц. За окном бледно-сиреневый разливался рассвет. Ночь таяла в нем. Был уже 5-й час, когда мы вышли. Ясное, теплое сиреневое утро, с пеньем птиц, охватило наши души светлым очарованием. Все почувствовали необычайную прелесть, очарование этого утра. Казалось, никогда не было и никогда не будет такого утра. Мы смотрели на небо и друг на друга. Даже малознакомые между собой, смотрели друг на друга как сквозь мечту. Я и А<лексей> С<ергеевич> обменялись взглядом, робким и нежным. Он сказал: — Павел Хр<истофорович>, должно быть, удивляется, отчего вас так долго нет.

На каждом перекрестке улиц компания уменьшалась. Наконец, я осталась одна, и приближаясь к дому, смотрела на небо... [Почему «одна», когда Вера Оск<аровна> и Юлиан жили как раз в доме напротив нас? Вера Оск<аровна> и сейчас там живет, похоронив и второго мужа. (Запись 1960-х гг.)].

24 апреля 25 г.

Вчера к нам пришел А<лексей> С<ергеевич>. Сидели в моей комнате. А<лексей> С<ергеевич> рассказывал о своем детстве, как его преследовала злая мачеха. Ему не нравится его детство, он не находил никакого интереса в притеснениях, в борьбе с этим.

Я сказала, что меня тоже притесняли, но мне было интересно воевать с окружающими.

¹³⁵ Анна Александровна Машковцева — вторая жена Н. Г. Машковцева. Его первая жена — Е. П. Машковцева (происходила из семьи старообрядцев, вышла замуж без согласия матери, и та лишила ее семейного капитала. В 1914 г. Машковцевы ожидали ребенка — см. ОР ГМИИ. Ф. 43. Оп. V. Ед. хр. 55).

Говорили еще об антропософах. Я спросила его мнение о нашем кружке и о других антр<опософах>. Про Ан<астасию> Ал<ексеевну> он сказал: «Она очень хороший человек, но нужна ли ей именно антропософия, это я не знаю». Про Надю сказал: «Она окрепла за последние годы». Про М<арью> Г<ригорьевну>: «Очень милый человек Марья Григорьевна». Сказал с чувством. Про Анну Вас<ильевну>¹³⁶ сказал с гримасой: «А Кован... Я не знаю, зачем ей нужна антропософия. Послужит ли антропософия ей на пользу? Она, кажется, плохо понимает. Ей полезней было бы просто православие, что-нибудь для чувства, а не для ума. А что она много говорит о своем стремлении к антропософии, то ведь говорить можно что угодно, нужно на деле показать». [Я подумала: вот тебе и «большие друзья», как Анна Вас<ильевна> характеризовала в прошлом году свои с ним отношения].

Я спросила, между прочим: «Какие у вас недостатки?»

А. С. (усмехнувшись): — Да то, хотя бы, что из меня ничего не вышло. И в душе постоянный разлад. Вот, например, хочу бросить курить и не могу.

Я: — Вы очень хитрый, Алексей Серг<еевич>.

А. С.: — Уклончивый, да? Что ж делать! Так на мне отразилось неправильное воспитание, и развило во мне хитрость и притворство.

[Я подумала: чего же он все сваливает на «воспитание»? Человек должен сам себя воспитывать].

Говорили еще о том, насколько антропософы вообще двигаются вперед в своем развитии.

Я: — Антропософ должен с каждым днем продвигаться вперед.

А. С.: — Мало ли, что должен! Мы можем подвигаться только в том, что мы сознаем, а сознаем мы только незначительную часть всего, что в нас есть. И то, что в нашем подсознании, и чего мы не знаем, оно может идти не вперед, а назад. [Как это подсознание может идти назад?]

Я: — То, чего мы не знаем, того не знаем, и нечего о нем говорить. Но в нашем подсознании многое, что мы как-то все-

¹³⁶ Анна Васильевна Кован (1888—?) — сотрудница (с 1910 г.) Румянцевского музея, затем Ленинской библиотеки. Симпатизировала А. С. Петровскому, считалась «соперницей» М. Г. Рейн.

таки знаем, оно просачивается в нашу жизнь, и мы можем в него вглядываться, и оно постепенно проясняется.

Не помню, что мы еще говорили. <...>

10 июня 25 г.

Приходила М<арья> Г<ригорьевна> <...> Много читали сегодня из «Как достигнуть» и из «Тайноведения», о древней Луне¹³⁷. <...>

25 июня 25 г.

Вчера, когда я явилась к Кл<авдии> Ник<олаевне>, все уже были в сборе, и Кл<авдия> Ник<олаевна> читала выписки из цикла об ангелах и их влияниях на времена года. Читала о Михаиле, Рафаиле и Урииле¹³⁸. Но едва ли кто слушал ее с должным вниманием. Уриил был очень далек от нас, что и обнаружилось, лишь только чтение кончилось, и заговорил Андрей Белый. Он заговорил о вещах, не имеющих никакого отношения к Уриилу, а именно об отношениях членов Общества друг к другу. И вдруг яростно закричал: «Я бросаю в воздух вопрос: как нам научиться преодолевать свою антипатию друг к другу? Я не могу спокойно здесь сидеть, когда у меня нет доверия к некоторым из здесь находящихся, когда меня одолевает антипатия».

Кто-то воскликнул сзади меня: «Кто эти несчастные?»

Марья Ник<олаевна> <Жемчужникова> сухо произнесла: «Я не понимаю этого вопроса: как нам научиться преодолевать антипатию друг к другу? Каким образом вы хотите этому здесь научиться? Личные антипатии каждый должен сам научиться преодолевать. А в коллектив нельзя выносить личные антипатии».

¹³⁷ См. прим. 121.

¹³⁸ Сопереживание времен года в четырех космических имажинациях. 6 лекций, Дорнах и Штутгарт, 1923 (GA 229). В космогонии Штейнера Уриил — архангел лета. Он действует в свете и вызывает мощное впечатление Троицы. Уриил — ведущий дух первого состояния планетной системы, древнего Сатурна, Рафаил — второго, древнего Солнца, Гавриил — третьего, древней Луны, Михаил — современной Земли.

«В таком случае, я не хочу оставаться в этом коллективе!» — дико заревел Андрей Белый и вылетел из комнаты, хлопнув дверью с такой силой, как если б хотел ее выломать¹³⁹.

Несколько секунд длилась гробовое молчание. Марья Ник<олаевна> поднялась, и сказав искусственно твердым голосом: «До свидания, Клавдия Николаевна», — вышла, мягко затворив дверь. Оставшиеся стали обсуждать этот инцидент. Но суть его оставалась для меня непроницаемой. Я ничего не понимаю в том, что произошло. Кл<авдия> Ник<олаевна> сказала: «Я чувствовала, когда читала, что Уриил далек от всех вас, и старалась спустить его сюда, но напрасно».

Мих<аил> Павл<ович> заговорил в миролюбивом и шутиливом тоне, уверяя, что все это к лучшему.

Многие говорили, и все сводилось к тому, что все пришли сюда с самыми хорошими чувствами ко всем, и совершенно не понимают, почему вообще мог быть поставлен вопрос о преодолении какой-то к кому-то антипатии. Вера Ник<олаевна> Столярова вышла беседовать отдельно с Борис<ом> Ник<олаевичем>, и вернувшись, объявила, что он просит извинения и оправдывается тем, что он вообще очень переутомлен и нервно расстроен в последнее время.

Мне все это очень не понравилось, его извинения, как и крик. Он накричал, как будто он не в Ант<ропософском> Об<ществе>, а среди семейных житейских дрязг, и бежал с поля битвы. А когда сознал свою вину, даже не хватило сил прийти извиниться самому. Если он нашел нужным говорить о своей «антипатии» во всеуслышанье, то должен был бы объяснить, в чем дело, хотя бы не называя имен. Он говорил еще о том, что одни много говорят, а другие упорно молчат, и что это молчанье угнетает. <...>

27 июля 25 г.

<...> Я спросила <Лидию Викторовну>, что происходило еще за это время. Оказалось, что Борис Ник<олаевич> и Марья Ник<олаевна> переговорили между собой отдельно, и этот вопрос больше не обсуждался. <...>

¹³⁹ Возможно, раздражение Белого было вызвано, помимо всего прочего, сложностями в работе над романом «Москва», а также тем, что с ним и К. Н. Васильевой в Кучине на даче Левандовского летом 1925 г. жил П. Н. Васильев.

Беседовали еще о том скандальном собрании. Я высказала свои мысли о том, что вовсе не важно, есть ли у кого к кому антипатия, а важно то, чтобы антропософы умели говорить друг с другом как человек с человеком.

Ирина <Викторовна>¹⁴⁰ возразила на это:

— Ну, а если у меня душу воротит от кого-нибудь, как же я стану с ним разговаривать. <...>

[С этого дня началось для меня более близкое знакомство и дружеские отношения с Евг<енией> Ник<олаевной>¹⁴¹

¹⁴⁰ См. прим. 55.

¹⁴¹ Евгения Николаевна Краснушкина (1880—15.02.1961) — египтолог. Дочь железнодорожного служащего. В 1896—98 гг. состояла под надзором полиции за распространение политической литературы среди рабочих в г. Шуе. Окончила в 1911 г. Высшие женские курсы в Москве, выпускные экзамены выдержала в 1915 г. на историко-филологическом факультете Московского университета. Преподавала в гимназии Соловьевой (затем Львовых). В 1914 г. училась в семинаре Б. А. Тураева в Музее изящных искусств. С 1919 г. служила в Наркомпросе, в 1921—23 гг. секретарь археологического отдела Исторического музея и одновременно делопроизводитель и научный сотрудник Музея-института классического Востока (директором которого был египтолог, антропософ В. М. Викентьев; библиотекой заведовал Вс. И. Авдиев — см. ОР ГМИИ. Ф. 4. Оп. I. Ед. хр. 4. Л. 2). С 1925 г. занималась самостоятельно египтологией, консультируясь с профессором Вс. И. Авдиевым.

В 1925—1931 гг. служила в библиотеке и музее института Маркса и Энгельса при Центральном исполнительном комитете. Вошла в коллектив авторов книги: Руководство по расстановке алфавитного каталога. / Сост.: Кананов П. Х., Коренева Е. В., Косминская М. М., Краснушкина Е. Н. М.: Гос. Книжная палата РСФСР, 1929.

Антропософка. В 1931 г. арестована по «делу» антропософов. После вынесения приговора поселилась в Орле. По возвращении в 1933 г. с 1934 по 1941 г. работала экскурсоводом в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (по словам Канановой, «с увлечением давала пояснения в строго марксистском освещении»). Одновременно трудилась в отделе Древнего Востока, составляла каталог памятников, а также методразработки, представила научные доклады по архитектуре и рельефу Древнего Египта. В 1938 г. отказалась проводить антирелигиозные экскурсии для детей, однако в 1939 г. была вынуждена подчиниться распорядку, но, по ее словам, текст ее экскурсий не меняла.

В 1941 г., не желая эвакуироваться, уволилась и работала медсестрой в поликлинике. См. запись в дневнике Канановой от 26 ноября 1942 г.: «Была Евг. Ник., просветлевшая и похорошевшая. Она в восторге от своей работы: она ходит помогать умирающим, оказывать неотложную медицинскую помощь, и несет им участие и нравственную поддержку. Это дает ей большое удовлетворение».

В 1943 г. по результатам научной деятельности получила звание старшего научного сотрудника по специальности «история древнего мира». В ее характеристике указывалось, что она являлась одним из немногих уче-

и Ириной]. <...> Я заговорила о том собрании и спросила, что собственно значит поведение Бор<иса> Ник<олаевича>.

А. С.: — Я думаю, что когда человек бывает недоволен другими, это происходит от недовольства самим собою. Я его не спрашивал, в чем там было дело. Кажется, до него дошло, что кто-то что-то сказал. А в его привычке разбирать при всех свои личные дела. Я нахожу, что это лучше разбирать между собой, если есть у кого личные недовольства. А когда вам передают, что про вас кто-то что-то сказал, то тут всегда что-нибудь неверно будет передано.

Я: — Но как же так: он давно уж антропософ, и вдруг никакой выдержки.

А. С. — Выдержки у него совсем нет. Он такой человек, у которого верх и низ как-то разорваны. В одном отношении он очень высоко стоит, в другом — совсем низко. И низкое с высоким у него оторваны друг от друга без всякой середины, без всякого перехода. Вообще человек — очень сложное существо, страшно сложное существо. <...>

7 сентября 25 г.

Вчера вечером пришла к М<арье> Г<ригорьевне>, как было условлено. Там уже сидели Надя и Ан<астасия> Ал<ексеевна> и пили чай в ее крошечной комнатке.

<...>

Мы условились собираться по понедельникам, причем через понедельник вести наши обычные занятия, а в промежуточные понедельники явка не обязательна, и занятия неопределенны.

Вечером.

ных специалистов, серьезно знающих древнеегипетский язык и культуру, а также памятники из собрания ГМИИ. В 1944 г. подала заявление о приеме на работу в ГМИИ, однако служить там не стала. Во второй половине 1940-х гг. работала экскурсоводом в Историческом музее. Библиотека Е. Н. Краснушкиной после ее смерти была распродана. О ней см.: Ходжаш С. И. Евгения Николаевна Краснушкина // Памятники и люди. С. 292—294. См. также прим. 55.

Когда я пришла к А<лексею> С<ергеевичу> (всю дорогу меня трясла лихорадка от страха), у него находилось двое мужчин. А<лексей> С<ергеевич> открыл шкаф и предоставил мне выбирать цикл, а сам продолжал разговор с ними. Наконец, они ушли.

<...>

Я заговорила о нашем кружке и прибавила:

— Не правда ли, Над<ежда> Степ<ановна> — тип Сатурна с Луной?

А. С.: — Да, пожалуй, так.

Я: — А Марья Григ<орьевна>? Как по вашему?

А. С.: — Сатурн...

Я: — Правильно. Сатурн с Венерой. А я — Меркурий.

А. С.: А Клавдия Ник<олаевна>?

Я (подумав): — Солнце с Луной.

А. С.: — Да, пожалуй, верно. А я — Луна.

Я: — Луна? Почему?

А. С.: — Так я ощущаю.

Потом заговорили о подсознании. Я спросила:

— Может ли подсознание обманывать?

Он стал объяснять, что может. В этот момент пришла какая-то стриженная дама, из новых, неведомых мне, членов. Я поднялась, надела пальто и хотела уйти. А<лексей> С<ергеевич> сказал с нежной улыбкой: — Подождите еще, Зоя Дмитриевна.

Дама воскликнула: — Я ровно на две минуты!

Я осталась, и пока они разговаривали, открыла одну из лежащих на столе книг и прочла: «Есть любовь к Богу, к ней и к людям. Это один, два и три».

Дама ушла, мы продолжали разговор о подсознании. Я спросила:

— Как поступать, когда сознание говорит одно, а подсознание — другое?

А. С. — Тогда нужно ждать, пока сказанное подсознанием станет ясным. Нужно очень осторожно относиться к своему подсознанию. Принять к сведению то, что оно говорит, но ничего не предпринимать на основании этого. Я обыкновенно

так поступаю: когда сознание обдумывает и решает что-нибудь, а внутреннее чувство говорит другое (тут он приложил руку к сердцу), я откладываю решение и жду. И однажды, проснувшись, нахожу в душе ясное решение, как я должен поступить. Это очень важно — научиться ждать. Ведь всякая мысль имеет свои ритмы, по которым она движется, и нужно ждать, пока она придет к своей зрелости. Тогда она станет ясной, и станет ясно, как нужно действовать. В моей жизни случалось и так, что я действовал, сам не зная хорошо, почему, и только несколько лет спустя понимал, что именно так и нужно действовать.

Я слушала, соображая, насколько эти его слова могут уяснить мне его поведение по отношению ко мне. Я возразила:

— А если требуется быстрое решение?

А. С.: — Ну, когда там оно требуется? Всегда можно подождать. Это самое лучшее.

Да, он флегматик, Луна! Поэтому и считает, что это — самое лучшее.

Мы молчали некоторое время. Я поднялась уходить и сказала: — Вы странный, Алек<сей> Серг<еевич>.

Он засмеялся: — Это тоже подсознание вам говорит?

<...>

15 сентября 25 г.

Вчера наша четверка собралась у меня. Надя читала конспект первой главы книги «Как достигнуть». Зашел разговор о том, что в Германии антропософов разделяют: некоторых принимают в «Hoch Schule»¹⁴², а другие считаются просто

¹⁴² Высшая школа (нем.). Вероятно, речь шла об эзотерической школе, в которой занимались посвященные ученики Штейнера. М. Н. Жемчужникова так писала, например, об О. Н. Анненковой: «В ней при этом был какой-то особый налет, которого не было у других, о которых было тоже известно, что они — участники этих особых эзотерических занятий Штейнера. Это был налет какой-то отделенности от окружающих». Сабашникова в письме к А. С. Петровскому от 6/19 ноября 1911 г. писала: «Сегодня Д<окто>р говорил в самом закрытом собрании о <Владимире> Соловьеве и его эфирном теле, о его громадном значении» (ОР ГМИИ. Ф. 43. Оп. V. Ед. хр. 447). В собрании сочинений Штейнера имеются материалы Эзотерической школы 1904—1923 гг. (GA 264—266/1—3).

членами Ант<ропософского> Об<щества> и не имеют права читать некоторые циклы и знать некоторые медитации. Когда прошлым летом Чехов и Татаринов были в Германии¹⁴³, сам доктор присоединил их к Hoch Schule.

Ан<астасия> Ал<ексеевна> выразила удивление по этому поводу, отчего этих, недавно вступивших членов, вдруг сразу приняли туда.

Я: — Если сам Штейнер их принял, то в этом нет ничего удивительного. Он с первого взгляда на человека может увидеть, насколько тот искренно и твердо стоит в Антропософии. А духовные достижения приобретаются постепенно. Не думаю, чтобы требовалось уже быть совершенством, чтобы вступить туда.

М. Г.: — Что касается меня, то я себя сознаю совсем не пригодной для вступления в Hoch Schule.

Надя (с мрачным пафосом): — Туда могут вступить только те, которые совершенно отказались от себя, пожертвовали всем. Вот как Клавдия Ник<олаевна>! У нее совсем нет своей жизни. Она всю себя посвятила Антропософии.

Я (хотела сказать, но не сказала, потому что не было возможности вставить слово в непрерывный поток ее речей): — Кл<авдия> Ник<олаевна> более чем кто бы то ни было живет своей жизнью. Она свободна от службы, от житейских забот, оберегаема, уважаема, восхваляема, любима многими людьми. И все свое время посвящает любимой работе во всех ее видах: читает, занимается медитациями, эвритмией, выслушивает исповеди и дает советы и имеет возможность проводить время в беседах и совместных занятиях с близкими и любимыми людьми. И никакой трагизм, никакие громкие слова тут неуместны. [К тому же она переживала в то время роман с Андреем Белым и собиралась бросить мужа. Что касается Hoch Schule, то наши «главки» послали в Германию имена тех, кого рекомендуют принять туда, и это были имена их самих и их ближайших родственников и друзей!]

<...>

¹⁴³ См. прим. 68.

20 сентября 25 г.

Сегодня 12-летие русского Ант<ропософского> Об<щест>-ва. По этому случаю ко мне пришли М<арья> Г<ригорьевна> и Надя. Читали «Лекцию для русских»¹⁴⁴, которую сегодня читали и другие кружки. Беседовали об антропософах и о человеческих отношениях вообще. О том, что если у кого бывает к кому настоящее чувство, то от него всегда что-нибудь останется, а если было не настоящее, то от него ничего не останется.

<...>

29 сентября 25 г.

<...>

Вчера несколько человек из наших были у Нади в гостях. Все это люди очень милые, но они ничем не обнаружили в этот вечер, что они антропософы. Был не разговор, а переливание из пустого в порожнее. Я находилась в сонном оцепенении и упорно молчала.

21 октября 25 г.

Когда мы шли сегодня обедать с Ольгой Ник<олаевной> <Слетовой>¹⁴⁵ и говорили о платонической любви, она сказала: «Женщина с такими глазами, как ваши, не способна к платонической любви». [Может, и не совсем к «платонической», но и не к «безумной». Мой стиль — «amitiée amoureuse»].

16 декабря 25 г.

Были у меня Евг<ения> Ник<олаевна> и Ирина. Рассказывали фантастические истории из своей жизни. И, кроме того, сказали про старших антропософов, и в частности, про Кл<авдию> Ник<олаевну>, будто у них есть обыкновение приблизить к себе кого-нибудь из членов, а потом, из-за какого-нибудь пустяка, отшвыривать от себя.

<...>

¹⁴⁴ См. прим. 43.

¹⁴⁵ Ольга Николаевна Слетова — сотрудница Ленинской библиотеки.

18 декабря 25 г.

М<арья> Г<ригорьевна> сегодня сказала в кружке: — В жизни я человек чувства, а к антропософии подхожу через мысль.

Я сказала на это: — А я наоборот: в антропософии я — человек чувства, а в жизни — человек мысли.

Надя засмеялась на это: — Теперь понятна вся картина.

Ан<астасия> Ал<ексеевна>: — Я не понимаю, как к антропософии можно подходить через чувство.

<...>

27 декабря 25 г.

Сегодня наш кружок посетил кружок Чернявского¹⁴⁶. Там была Кл<авдия> Ник<олаевна>. Чернявский — это старичок, бывший прокурор. И в его кружке 6 девиц [Через несколько лет, не помню точно, когда, Чернявский был убит на улице каким-то сумасшедшим, стрелявшим из окна]. Кл<авдия> Ник<олаевна>, как вошла, устремила к Ан<астасии> Ал<ексеевне> и ко мне с восторженным видом и со словами: «Я ужасно рада вас видеть! Страшно давно не видались!» И поцеловала нас. Если она действительно так расположена к нам, почему она ни разу за все эти годы, как она нас знает, не пригласила нас к себе запросто в гости (ведь приглашает она М<арью> Г<ригорьевну> и Надю и некоторых других).

9 января 26 г.

¹⁴⁶ Николай Павлович Чернявский (1872—1931) — в дореволюционное время товарищ прокурора; в 1920-е гг. вел дела Андрея Белого. О нем см.: Спивак М. Л. Указ. соч., по указателю; Зайцев П. Н. Указ. соч., по указателю. М. Н. Жемчужникова вспоминала, что кружок вела Лидия Васильевна Каликина: «У нее был своеобразный состав кружка: 5—6 очень молодых 20-ти летних девушек разных профессий и среди них — два человека весьма солидного возраста: моя мама Нина Петровна Жемчужникова, ей было тогда за 50 лет, домохозяйка без специальности, и приблизительно того же возраста Николай Павлович Чернявский, юрист. Несмотря на это, кружок был очень дружный, сплоченный и между собой и вокруг своей руководительницы».

Сегодня соберется мой кружок, и может быть, придет Кл<авдия> Ник<олаевна>. Может быть, она пригласит меня к себе зайти побеседовать? Но я не пойду. Мне трудно с ней разговаривать. Она говорит со мной так же, как шесть лет тому назад, когда я вступила в подготовительный кружок: «Есть ли у вас какие-нибудь вопросы?» Смотрит на меня с недоверием, насторожившись, приготовившись давать поученья. Мне сейчас не это нужно. Мне нужны не поученья, а живая душа, доброе отношење, интерес ко мне. Мне нужно ощутить, что я кому-нибудь дорога.

Ночью. Все были сегодня, но без Кл<авдии> Ник<олаевны>.

<...>

16 января 26 г.

Сегодня в нашем кружке была Кл<авдия> Ник<олаевна> [Все были, кроме Ан<астасии> Ал<ексеевны>]. Уходя, она заметила: «Надеюсь, Зоя Дм<итриевна>, что в следующий раз вы что-нибудь будете говорить».

Надя ответила вместо меня: «Она, может быть, хочет с вами наедине поговорить?» Я молчала. Кл<авдия> Ник<олаевна> нерешительно произнесла: «Если хотите, Зоя Дмитр<иевна>, если у вас есть какие-ниб<удь> вопросы... Только сейчас я ничего не могу вам сказать... Зайдите как-нибудь в больницу...» (В какую больницу?! Там, где служит ее муж, чтобы через него условиться, когда прийти? Как глупо!)

Я пробормотала «спасибо», смотря вниз.

<...>

В этот вечер Марья Лаз<аревна>¹⁴⁷, Надя и М<арья> Г<ригорьевна> многое говорили, каждая о себе. Я занимала наблюдательную позицию. Не могла же я их перебивать, видя, как они горят желанием высказаться [Мне хотелось говорить не о себе, а на антропософские темы].

¹⁴⁷ Мария Лазаревна Гехтман — музыкантша. Антропософка, из-за неуживчивого характера не могла работать в кружках. Одно время входила в кружок Канановой, куда ее приняли по рекомендации Н. С. Клименковой.

М<арья> Г<ригорьевна>, как только Кл<авдия> Ник<олаевна> пришла, начала говорить о себе, очень волнуясь, захлебываясь, почти со слезами. Говорила о том, как ей трудно бывает владеть своими чувствами, что чувства у ней «непосредственные». Повторяла: «Что же мне делать, когда чувства у меня непосредственные, непосредственные?!» И слишком держала себя перед Кл<авдией> Ник<олаевной> как маленькая девочка. Кл<авдия> Ник<олаевна> была, как всегда, одухотворенная, внутренне сильная, со своим подкупающим выраженьем интереса ко всему, что ей говорят. И в то же время недоступная, чужая, без всякого интереса (по крайней мере, по отношению ко мне). Она на меня, за все время, как сидела, взглянула только один раз, и от этого взгляда повеяло холодной струйкой.

<...>

4 марта 26 г.

<...> Евг<ения> Ник<олаевна> еще говорила: «Я думаю бросить свой кружок [она была в кружке, где Кл<авдия> Ник<олаевна> со своими «приближенными»]. Мне как-то неприятно там бывать. Кл<авдия> Ник<олаевна> и другие все время обмениваются впечатлениями о том, где они вместе собирались недавно, то у одного, то у другого, а я сижу как дура. Постоянно это подчеркивание, что я им чужая, а они «свои». Недавно они устраивали концерт у Любовь Исаковны. А также у Чехова Борис Ник<олаевич> читал что-то¹⁴⁸. Они это скрывали от меня. Петр Ник<олаевич> [муж Кл<авдии> Ник<олаевны>], узнав, что я узнала об этом случайно от его сестры, смутился и воскликнул: «Ах, зачем она об этом болтает! Не нужно было никому говорить. Там были только свои». Вот это разделение на «своих» и «чужих» мне совсем не нравится! Кл<авдия> Ник<олаевна> когда-нибудь сорвется с той высоты, на которой она себя так напряженно держит. Ее слишком обегают и носятся с ней»¹⁴⁹.

¹⁴⁸ Андрей Белый указывал, что в марте он читал «Историю становления самосознающей души» (Себе на память... С. 483). См. также: Бугаева К. Н. Указ. соч. С. 415.

Действительно, отчего это Кл<авдия> Ник<олаевна> всегда только со «своими»? Разве ее муж и сестра такие уж интересные люди?..

[Любопытно вот что: прошло ровно 30 лет, сейчас март 1956 г. — а антагонизм между ними все тот же. Кл<авдия> Ник<олаевна> и Евг<ения> Ник<олаевна> стали дряхлыми старухами, Ирина стала еще мрачнее. Все то же! Только муж Кл<авдии> Ник<олаевны> уже давно не муж ее, а сестры нет на свете].

19 марта 26 г.

Со службы зашла навестить Веру Оскаровну [она живет как раз напротив нас в Мертвом переулке], т. к. узнала, от Лидии Викт<оровны>, что она больна и о ней некому позаботиться. Она лежала на диване, закрытая пледом. В комнатах было запустенье. Мы беседовали, между прочим, о правдивости в человеческих отношениях. У ней очень изворотливый люциферический ум. Когда, по поводу какого-ниб<удь> жизненно-го факта, начинаешь вдаваться в размышления о том, где тут настоящая правда, и что с какой-ниб<удь> точки зрения правда вовсе не в правде, а в неправде, — то такой путь очень опасен и к добру не приводит.

Вера Оск<аровна> привела пример, когда обыкновенный мужчина изменяет по-обыкновенному, и сказала:

— Это ведь такие пустяки! Такие вещи совершаются как бы случайно, и это в природе мужчин. Если это не нарушает его отношений к жене, то об этом ему лучше промолчать перед ней. Голый факт — это еще не есть правда. Разве мы знаем, где тут правда! А жена может это принять трагически, благодаря своему чувству собственности и непониманию при-

¹⁴⁹ Ср. показания В. М. Моисеева во время расследования дела антропологов 1931 г.: «Все лица, ездившие за границу, по возвращении оттуда делились своими впечатлениями о работе Германского общества, но только в узком кругу нашей организации. Мне известен только один случай, когда информация была поставлена среди большинства нашей организации, это было после приезда Белого из Германии» — см. Спивак М. Л. Указ. соч. С. 400—401.

роды мужчин. И ея жизнь будет разбита из-за того, что она не сумела взглянуть на пустяки как на пустяки.

Я ответила с изумленьем: — Вы находите, что это пустяки?! Если так, то значит, бывают пустяки, которые меньше прощаются, чем большие преступления. Мне легче было бы простить измену по увлечению, чем вот такую только физическую.

Она удивилась: — Но ведь только физическая измена решительно ничего не меняет в отношениях мужа и жены, а душевная измена может навсегда разлучить их. <...>

Ничего не меняет? А потеря уваженья к человеку, совершившему такую грязную вещь! [Ведь только физическая измена бывает с грязными женщинами или с какой-нибудь кухаркой. Ведь если бы жена изменила мужу с дворником, например, то разве это были бы «пустяки»? А ведь и женщины бывают очень чувственной природы].

28 марта 26 г.

Кл<авдия> Ник<олаевна> уехала за границу месяца на два, изучать эвритмию¹⁵⁰. Третьего дня, когда у меня были М<арья> Г<ригорьевна> и Марья Лаз<аревна>, кто-то из них сказал:

¹⁵⁰ К. Н. Васильева занималась эвритмией в Берлине у ближайшего ученика Штейнера Вильгельма Зеллинга. Она уехала 21 марта и вернулась 15 июня 1926 г. См. Спивак М. Л. Указ. соч. С. 399, 529. К. Н. Васильева ездила в Берлин, чтобы помочь переправить оттуда в Россию тяжело больного Т. Г. Трапезникова — см. Бугаева К. Н. Указ. соч. С. 12. 8 апреля 1926 г. Васильева писала Н. С. Клименковой из Берлина: «Послезавтра думаю отправиться на путь свиданья с Тр<ифоном> Г<еоргиевичем>». Далее она извещала Клименкову в письме от 30 мая 1926 г.: «Спешу скорее ответить Вам. А подробно расскажу все, когда увидимся. Не верьте Вы никаким разговорам. Болезнь у Тр<ифона> Г<еоргиевича>, конечно, серьезная и тяжелая. <...> Я только что сама была у него, и пробыла с ним почти целую неделю. Все это время он чувствовал себя настолько хорошо, что мы с ним подолгу разговаривали и даже гуляли минут по 40—50. <...> Обстановка прекрасная. Уход самый лучший. Но мы с Марг<аритой> Вас<ильевной> <Сабашниковой> все же думаем, что ему лучше всего было бы все же вернуться домой. И если Вы будете писать, то позовите его тоже. При свидании я расскажу Вам, почему я так думаю <...>» (НИОР РГБ. Ф. 699. Картон 3. Ед. хр. 11. Лл. 5 об., 7).

— Борис Ник<олаевич> очень расстроен тем, что Кл<авдия> Ник<олаевна> уезжает.

И другая подхватила:

— Да, ему это очень тяжело, он останется без духовной поддержки.

Я сказала на это: — С ним остаются другие его друзья, и разве ему так уж нужна духовная поддержка Кл<авдии> Ник<олаевны>! Ведь он давно уж антропософ.

Они переглянулись, улыбаясь, как взрослые над словами ребенка.

М. Г. ответила: — Вы правы. На это ничего нельзя возразить.

Что они, собственно, думали? Влюблены те друг в друга, что ли?

[Одна я, почему-то, не знала, что они уже давно близки, и что Кл<авдия> Ник<олаевна> больше жена Андрея Белого, чем Петра Ник<олаевича>].

<...>

23 апреля 26 г.

Вчера мы были у Ан<астасии> Ал<ексеевны>. Докончили чтение книги «Как достигнуть».

<...>

26 мая 26 г.

Эти дни, среди цветущих яблонь, я читаю Бхагават-Гиту¹⁵¹ [во время «отдыха» в Муз<ейском> саду].

¹⁵¹ «Бхагават-Гита» — мистическая глава индийского эпоса «Махабхарата». Текст очень значимый для теософов и антропософов. Первый перевод этого произведения в России вышел в 1788 г. в типографии масона Николая Новикова («Багуад-гиета или Беседы Кришны с Арджуном» / пер. с англ.). Впоследствии произведение неоднократно переводилось и издавалось на русском языке, в т. ч.: Вопросы теософии. Вып. 1. 1907, пер. М. А. Эртеля. В конце декабря 1912 г. Штейнер в Кельне прочел для членов Общества курс лекций «Бхагаватгита и послания апостола Павла». Тем самым он хотел показать, что столкновение между ним и Теософским обществом не означает столкновения между восточной и западной духовностью. 28 мая — 5 июня 1913 г. в Гельсингфорсе Штейнер прочел цикл «Духовные основы Бхагаватгиты» (9 лекций, ГА 146).

Вечером была у Нади. Там было человек 13 из наших. Мих<авил> Павл<ович> читал свое произведение, написанное в стиле староверческого сказанья, на тему о том, что Иисус родился в России в эпоху Петра. Некоторые факты из Евангелия были изображены применительно к месту и времени, а другие придуманы. С художественной стороны хорошо написано, хотя подражательным стилем.

Когда он кончил чтение, все высказывали свое мнение, разбирали со всех сторон и восхищались. Но одну сторону забыли, и я сказала:

— Зачем взята эта тема? Зачем взят Евангельский Иисус? Когда я слушала, меня резало это... И еще несколько фраз прибавила, поясняя свое впечатление. Думала, что я одна со своим мнением, как вдруг, сзади меня раздался возглас Марьи Лаз<аревны>, и полился страстный и негодующий поток ее слов:

— Я хотела сказать то же самое, что и Зоя! Меня резало! Меня мучил вопрос: к чему это? Для чего написано это? Мне совершенно не понравилось!

И так далее. Все взволновались. Михин¹⁵² очень слащаво заговорил противоположное, о том, как его потрясло, как умилило, как тронуло то, что Иисус изображен в России, и описан таким простым, «мужицким» стилем.

Мих<авил> Павл<ович> выслушал все благодушно, и в заключение сказал:

— Для чего я написал это? Я не ставил себе этого вопроса. Просто у меня возникла в уме такая фраза: «Иосиф был Саратовский, а Мария была Пензенской». И эта фраза меня так заинтересовала и увлекла, что все остальное, штрих за штрихом, стало прибавляться к этому само собой.

¹⁵² Возможно, Георгий Александрович Михин (1892—?) — сотрудник редакции Учпедгиза. Брат антропософки Екатерины Александровны Шанько (1879—?). Антропософ, не входил ни в какой кружок. Проживал на Арбате, д. 40. Репрессирован, несколько раз арестован, вернулся в Москву в 1954 г.

У Андрея Белого и К. Н. Васильевой был также знакомый Михаил Павлович Михин, который помог им в организации поездки на Кавказ в 1927 г.

А<лексей> С<ергеевич> заметил:

— В сущности, каждый мог бы написать свое евангелие.
Например, евангелие от Веры Оскаровны.

Все засмеялись, сели пить чай.

<...>

28 сентября 26 г.

Вчера мы были у Нади, наш кружок и Ир<ина> Викт<о-
ровна> и Евг<ения> Ник<олаевна>. Обсуждали их вступление в
наш кружок. Чувствовалось такое хорошее, дружеское отно-
шение между всеми нами.

<...>

16 ноября 26 г.

С нашим кружком дело обстоит так: Евг<ения> Ник<ола-
евна> была один раз, потом заболела, потом сослалась вообще
на нездоровье и усталость и отказалась от нашего кружка.
Ирина, после первых трех раз, говорила мне, что находит, буд-
то у нас недостаточно благоговейное отношение к работе, что
Марья Лаз<аревна> держит себя бестактно и т. д. Все это вер-
но. Но на 4м заседании, во время сосредоточенных бесед о глу-
боких вопросах, Ирина Викт<оровна> вдруг вскричала:
«Господи, я поймала блоху! Вот, вот она!» И бросилась топить
ее в умывальнике.

25 декабря 26 г. Рождество Христово.

Сочельник праздновали у Кл<авдии> Ник<олаевны>.
Я явилась вместе с Ан<астасией> Ал<ексеевной>. Дверь нам
отворил А<лексей> С<ергеевич>. Нас встретили приветливо
и этим ограничились. Горела елка в углу. Демонстрировали
эвритмию под музыку. Сначала одна Кл<авдия> Ник<олаевна>,
потом группа молодежи. Эти последние очень старались, но у
них получались довольно аляповатые движенья и жесты. Уче-
нически добросовестно, но не проработанно. Демонстрировать
их искусство по случаю большого праздника вышло как-то неум-
местно. Они соединили: упражненья с палочками и рядом
с этим — эвритмию на слова Евангелия от Луки о рождении

Иисуса¹⁵³. Это не гармонизировало. Кл<авдия> Ник<олаевна> напоминала жрицу древних времен, исполняющую ритуальный жертвенный танец. Движения ее рук, в малейших нюансах, были выражением духовного мира, которым она живет. Лицо ее, одухотворенное, но слишком неподвижно-суровое, не просветленное. Она блондинка, с лицом славянского типа [и зеленоватыми глазами], а производила впечатление смуглой индуски. Что-то мрачное, тяжелое, слишком волевое и недостаточно доброе было в ее лице. Глаза горящие, но не озаренные.

В заключение Борис Ник<олаевич> демонстрировал коллекцию засушенных листков земляники, всех оттенков увядания. И восторженно говорил о них¹⁵⁴. [Все столпились вокруг стола, где они лежали <...>].

Расходиться стали в 11м часу. «Старшие» как видно ждали, пока мы уйдем, чтобы провести праздник по-настоящему. По-настоящему — значит в действительно дружеском общении, без натянутости и отчужденности, без молчанья и незамечанья.

¹⁵³ Евангелие от Луки 1:26—33 «В шестой же месяц [шестой месяц после зачатия Иоанна] послан был Ангел Гавриил от Бога в город Галилейский, называемый Назарет, к Деве, обрученной мужу, именем Иосифу, из дома Давидова; имя же Деве: Мария. Ангел, войдя к Ней, сказал: радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами. Она же, увидев его, смутилась от слов его и размышляла, что бы это было за приветствие. И сказал Ей Ангел: не бойся, Мария, ибо Ты обрела благодать у Бога; и вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя: Иисус. Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего [то есть Сыном Бога], и даст Ему Господь Бог престол Давида, отца Его; и будет царствовать над домом Иакова во веки, и Царству Его не будет конца».

¹⁵⁴ Об отношении Андрея Белого к природе см. главу «Природа» в: Бугаева К. Н. Указ соч. С. 105—138. Во время жизни в Кучине Белый «восхищался листочками». Он писал Иванову-Разумнику 24—29 сентября 1926 г.: «Осень прошла в радостях о сухих листьях: „сухие листья“ зимой мне открылись в теме „История становления самосознающей души“ человеческой, вернее, „история становления моей самосознающей души“; и это — невнятицы кучинских листьев» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 366). В письме от 31 декабря 1926 г. Белый писал: «Хорошо встретили с Клавдией Николаевной новый год: с земляничными листиками, со свечечками» (там же. С. 445). Фотография гербария земляничных листьев, собранного Белым, см.: Андрей Белый. Александр Блок. Москва... С. 300. Отметим также, что Гете, труды которого особенно почитались антропософами, в 1790 г. написал труд «Метаморфозы растений».

Я заметила кем-то принесенный, завернутый в бумагу, торт, неосторожно забытый в передней. Когда Ан<астасия> Ал<ексеевна> собралась уходить, я сказала: «Подождите, может еще что-нибудь будет». Она иронически усмехнулась: «Вы все ждете чего-то еще? Нет, ничего больше не будет».

Прощаясь, Кл<авдия> Ник<олаевна> сказала мне:

— Как это вышло, что наши жизненные пути разошлись?

— Да, так вышло...

<...>

27 декабря 26 г.

Провела вчерашний вечер у Марьи Ник<олаевны> Жемч<ужниковой>. Борис Ник<олаевич> читал свои воспоминания о Докторе¹⁵⁵. Публика была из тех, кого давно не было видно.

<...>

1 января 27 г.

Встречала Новый год у Евг<ении> Ник<олаевны> и Ирины. Там была Лидия Викт<оровна>. Горела большая елка на столе. Когда сели в соседней комнате ужинать, огни на елке стали догорать, и медленно гасла свеча за свечой, по мере того, как стрелка часов подвигалась к 12ти. Как будто старый год уходил в этом угасании свечей... Было без 3х минут 12ть, когда погасла последняя свеча. Лидия Викт<оровна> прочла главу о любви из Посланий Павла¹⁵⁶. В 12ть часов, в моменте

¹⁵⁵ Подтверждается сведениями из списка лекций, составленного Белым.

¹⁵⁶ «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро. Если же делаешь зло, бойся. Повиноваться же надобно не только из страха наказания, но и по совести. Итак отдавайте всякому должное. Не оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви; ибо любящий другого исполнил закон. Любовь не делает ближнему зла; итак любовь есть исполнение закона» (Рим. 13, 1, 3—5, 7—8, 10); «И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, то нет мне в том никакой пользы. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сора-

сосредоточенной тишины, я будто услышала нежный серебряный звон множества колокольчиков.

4 января 27 г.

Вчера вечером пришли ко мне все наши, с Кл<авдией> Ник<олаевной> и с М<арьей> Г<ригорьевной>, приехавшей из Ташкента¹⁵⁷ на несколько недель. Разговор развертывался интересно и живо. К концу Ирина высказала свое мнение о недостатках нашего кружка: что мы с недостаточной благоговейностью, сосредоточенностью и строгостью читаем медитации. Надя возразила, что мы серьезны и благоговейны, насколько это для нас возможно. А если и бывают срывы, то мы сами это больно чувствуем и стараемся исправить, но более серьезны и благоговейны, чем мы есть, мы не можем быть. А всякие «цирлих-манирлих» в нашем кружке неприемлемы.

Я высказала мнение, что одно дело погружаться в медитации наедине с собой, а другое дело — в коллективе. Наедине с собой можно гораздо лучше сосредоточиться. А в коллективе не требуешь особой сосредоточенности ни от себя, ни от других. Здесь центр тяжести не в силе сосредоточенья, а в совместном переживании медитации. Так что совместная медитация является для нас как бы символом того, что мы живем одной духовной жизнью.

При этих словах Ан<астасия> Ал<ексеевна> и М<арья> Г<ригорьевна> живо обернулись ко мне, и каждая сказала, что это именно то, что она хотела сказать. Марья Лаз<аревна> высказала мнение, что она предпочитает, чтобы читались несколько медитаций подряд, потому что так лично ей удобней. Кл<авдия> Ник<олаевна> говорила еще о том, что разговор это есть нечто гораздо большее, чем речь одного человека. В разговоре между двумя есть еще третье существо — то, что создается из душевного общенья двух лиц в разговоре.

дуются истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает» (1 Кор. 13, 3—8).

¹⁵⁷ М. Г. Рейн уезжала в Ташкент на несколько месяцев, надеясь устроиться там на работу и, в конце концов, уехать из Москвы навсегда. План этот осуществлен не был.

В заключение пили чай. Кл<авдия> Ник<олаевна> была очень мила и внимательна. Было радостно увидеть М<арью> Г<ригорьевну>. Мы так хорошо встретились. Она казалась оживленной и внутренне несколько успокоенной.

Днем вчера, когда никого не было, зашла ко мне Надя и рассказала, как она встречала Новый год у Мих<аила> Павл<овича>. Там были А<лексей> С<ергеевич> и М<арья> Г<ригорьевна>. Очень хорошо, в дружеской компании, они встретили Новый год. Но когда уходили, Мих<аил> Павл<ович> неожиданно вручил Наде письмо, сказав: «Прочтите дома». Прийдя домой, она прочла, и, о ужас! Письмо было переполнено оскорблениями и нравоученьями. Она провела первый день Нового года в слезах, недоумевая, как же так возможно: так хорошо, мирно встретить вместе Новый год, между тем как это письмо уже лежало, приготовленное, в соседней комнате!

Надя подозревает, что оно составлено сообща с Верой Ник<олаевной> и Верой Оск<аровной> [оне были подруги]. Она была так дружна с Мих<аилом> Павл<овичем>, и вдруг такой от него новогодний сюрприз! Она решила больше не бывать пока у Мих<аила> Павл<овича>. И сказала: «Он подчеркнул в этом письме все мои больные места и много совсем неверного высказал обо мне, просто оскорбил меня. Но ведь не могу же я оправдываться, объяснять ему, что я не такая, как вы думаете, я — хорошая!» И она горько засмеялась при этих словах¹⁵⁸.

<...>

9 апреля 27 г.

¹⁵⁸ К. Н. Васильева писала Н. С. Клименковой 30 апреля 1927 г. из Тифлиса: «Только Вы не грызите себя слишком. И не говорите вздора о том, что в письме М. П. была все же правда. Никакой правды не было. А было только попадание (так! — *Д. Л.*) в больные места человека. Попадание такое злое, что до сих пор от него остается боль. У каждого из нас есть слабые места. И часто они даже особенно выпирают. Выпирают именно тогда, когда человек сам мучительно сознает их в себе. И указать в это время на них со стороны — ужасная нечуткость. Да еще указать в такой невероятной гиперболе и фантастике, как это было сделано в знаменитом новогоднем письме. Лучше не напоминайте мне о нем. А то у меня кровь закипает и вся моя „позивитэт“ готова полететь... весьма далеко. Seriously: забудьте Вы все это. Нужно себя беречь, особенно Вам <...>» (НИОР РГБ. Ф. 699. Картон 3. Ед. хр. 11. Л. 9 об.).

Марья Лаз<аревна> <...> сообщила также, что Кл<авдия> Ник<олаевна> уехала на полгода на Кавказ, вдвоем с Андр<е-ем> Белым (как это понять?)¹⁵⁹.

25 мая 27 г.

Недавно мы беседовали с Евг<енией> Ник<олаевной>. Она сказала, что Кл<авдия> Ник<олаевна> уже несколько лет «скорее жена Бориса Ник<олаевича>, чем Петра Ник<олаевича>». Они уже несколько лет и зимой живут вдвоем в Кучине¹⁶⁰. Петр Ник<олаевич> очень страдает и не хочет с этим примириться. В молодости Кл<авдия> Ник<олаевна> была одержима острой меланхолией и манией самоубийства, а Петр Ник<олаевич> спас ее тем, что уговорил выйти за него замуж, и самоотверженно заботился о ней столько лет.

Я ответила: — Не понимаю, как это возможно (особенно для антр<опософа>), разбить такие отношения с человеком.

Евг. Ник.: — Да что ж тут такого, если она больше любит Бор<иса> Ник<олаевича>!

Я: — Как возможно перестать любить кого-ниб<удь> только из-за того, что нашелся другой, которого тоже полюбили. Я не понимаю этого.

Евг. Ник.: — А я это очень хорошо понимаю. Именно когда полюбишь другого, то первый может стать просто противен.

Я: — Я этого никогда не пойму и не хочу понимать. Я вижу в этом только низкую неверность. Можно разлюбить и бросить человека только тогда, когда в нем обманулись, когда он оказался низким и недостойным вашей любви. Но

¹⁵⁹ Весной — летом 1927 г. Андрей Белый и К. Н. Бугаева побывали в Грузии, а затем путешествовали по Волге до Сталинграда. См. об этом: Бугаева К. Н. Указ. соч. С. 65—66. Впечатления о поездке описаны Белым в очерке «Ветер с Кавказа». В вышеуказанном письме из Тифлиса К. Н. Бугаева сообщила Н. С. Клименковой: «Вижу много интересного: и в природе, и в музеях, и просто на улицах. Тифлис очень легкий город. Живу у дамы, где останавливался всегда Петри. Слушаю рассказы о нем. Особенно интересно, что он совсем „не разбогател“ в СССР, как это у нас говорили» (Л. 11 об.). О Петри см. прим. 80.

¹⁶⁰ Андрей Белый и К. Н. Васильева жили в Кучине с 1925 по 1931 г.

из-за того, что полюбили другого! И Кл<авдия> Ник<олаевна> еще изображает из себя «старшую», достойную поучать остальных!

Евг. Ник.: — Но если она видит, что она больше нужна Борису Ник<олаевичу>, чем Петру Ник<олаевичу>. А физической близости, может быть, между ними и нет. Кл<авдия> Ник<олаевна> трудно переносит эту сторону жизни.

Я: — Почему же она не могла с ним быть просто в дружеских отношениях? Для чего ей нужно было поселиться с ним вдвоем? Ведь это значит строить свое счастье на несчастье другого.

Евг. Ник.: — Да какое же у ней счастье?

Я (мысленно): !!??

1 июля 27 г.

<...>

Мама рассказывала, что познакомилась в Болшеве с одним интересным поэтом по фамилии Зубакин¹⁶¹, который срисовал свою руку и просил передать мне. Шура Доброва¹⁶² потом тихо сказала мне: «Если к вам придет этот поэт, то будьте осторожны, о нем ходят дурные слухи по всей Москве. Не то он служит в ГПУ, не то он темный оккультист».

<...>

30 октября 27 г.

Была сегодня днем на концерте в консерватории. Встретила там нескольких наших, также Кл<авдию> Ник<олаевну> с сестрой и двумя мужьями. Она заговорила со мной про Марью Лаз<аревну>, о том, что не следует ей объявлять настоя-

¹⁶¹ Борис Михайлович Зубакин (1894—1938) — поэт, скульптор, организатор мистического ордена. Репрессирован. О нем см.: Розенкрейцеры в Советской России. Документы 1922—1937 гг. Публикация, вступительные статьи, комментарии, указатель А. Л. Никитина. М.: Минувшее. 2004. С. 368—387; 404—413. В показаниях 1929 г. он указывал: «Я слышал в разговорах от артистов-литераторов, что имеются антропософы в Москве (Чехов, поговаривали об А. Белом), но мне известно, что Белый ушел от антропософии. От кого я слышал — указать отказываюсь» — там же. С. 386.

¹⁶² Знакомая З. Д. Канановой.

щую причину ее отстранения от кружка [т. е. ее бестактность], т. к. это может ее очень потрясти. Я возразила на это, что правда, хотя и больная, но зато и целительней, чем фальшивые предлоги, которые могут поселить в ней тревогу и постоянно мучить и мучить всякими вопросами и подозрениями. Кл<авдия> Ник<олаевна> сказала:

— Но ведь бывает такая правда, что человек может ее и не вынести, и тогда последствия его страданий отразятся на вас кармически. Правда может существовать только на эфирном плане, а здесь ее не может быть, здесь она не уместается, и люди не могут ее вынести. Что было б, если б Доктор <Штейнер> сказал нам всю правду о нас самих! Разве мы ее вынесли бы!

Я не возражала на это, потому что там не было времени и места для длинных разговоров.

В заключение она сказала, что даст мне знать, когда к ней прийти побеседовать, и добавила:

— Я со всеми беседовала, кроме вас. Думаю, что нам найдется, что сказать друг другу.

Я ответила: — Конечно.

<...>

7 ноября 27 г.

Посетила сегодня днем Ир<ину> Викт<оровну>. Говорили о правдивости. Она сказала, что Кл<авдия> Ник<олаевна> всегда была склонна не признавать правдивости, но она не согласна с ней, и видит в этом недостаток уваженья к человеку. Думать, что человек не в силах перенести правду, и поэтому давать ему, вместо правды, какую-то разжиженную кашку, — это значит не уважать человека.

Потом Ир<ина> Викт<оровна> говорила по поводу нового истерического скандала Бориса Ник<олаевича> о том, как плохи антропософы. Я возразила, что нужно считаться с тем, что в наш вырожденческий век люди, принявшие антропософию, очень утонченны и изломаны душевно, и каждый пришел со своего отдельного пути, со своими противоречиями в своем существе, и потому нельзя от них требовать, чтобы

они так сразу переработали себя и стали какими-то просветленными мудрецами.

Она сказала еще, что чувствует себя, как будто она уже умерла, что жизнь ее как-то вытолкнула, а она смотрит со стороны на происходящее здесь.

<...>

14 ноября 27 г.

<...>

Сегодня у меня была Кл<авдия> Ник<олаевна>. Мы очень интересно беседовали. Какой ощущаешь жизнь полной значенья, когда говоришь с ней. [По тому, как она говорит об антропософии, а у других чувствовалось, что антропософия как-то на втором плане]. Не столько по тому, что она говорит, сколько по тому, как чувствуешь ее внутреннюю жизнь. Кл<авдия> Ник<олаевна> живет идеями. В этом ее большое достоинство. Ее глаза похожи на глубокую пучину морскую, туманно-зеленоватые. Ея бледное одухотворенное лицо загадочно.

Мы говорили, между прочим, о хиромантии. Я ей показывала свои чертежи линий и тетрадку с планом своей работы. Она заинтересовалась и говорила о том, что этот интерес у меня возник, вероятно, от стремленья исследовать пути кармы. И что Доктор <Штейнер> советует чаще вспоминать свою жизнь, приводить в соотношение между собой различные факты и события, прослеживать ритмы, вглядываться в то, что можно счесть кармическим, сопоставлять внешнюю громадность какого-ниб<удь> события с его кармической малостью, и какое-ниб<удь> внешне незаметное событие — с его кармической громадностью.

Кл<авдия> Ник<олаевна> сказала еще, что факты прошлых или будущих воплощений приходят к нам теперь так, что в этом воплощении не знаешь, что с ними делать. Напр<имер>, чувствуешь в себе вдруг какую-нибудь способность, которую никак не можешь применить. И особенно часто это бывает в отношениях с людьми. Какие-ниб<удь> двое людей, раньше бывших очень близкими друг другу, в этом воплощении могут быть только хорошими знакомыми.

Я: — Но тогда для чего же Карма привела их к встрече? [Не для того, чтобы быть «хорошими знакомыми», но чтобы нечто вместе пережить, выходящее за пределы личных чувств].

Кл. Ник. — Законы Кармы очень сложны. Может быть, в этом воплощении им нечего было делать с той близостью, какая была между ними раньше. Те отношения, какие были когда-то, — не могут быть при данных условиях, и Карма остается скрытой. Вот, напр<имер>, я видела как-то сон про А<лексея> С<ергеевича>. Будто мы с ним ползем по какому-то отверстию в подземелье. Проснувшись, подумала: «Что же мне с этим делать?» Так и не знаю. Это нас ни сблизило, ни отдалило.

<...>

Клавдия Ник<олаевна> была очень мила со мной. Я рассказываю, что думала о ней еще недавно нехорошо.

10 декабря 27 г.

Вчера встретились с М<арьей> Г<ригорьевной> у Ан<астасии> Ал<ексеевны>. Занимались все четверо, разбирая вопрос о Страже Порога¹⁶³.

<...>

23 декабря 27 г.

Сегодня у Ан<астасии> Ал<ексеевны> мы читали Евангелие. Потом я прочла две главы из цикла Доктора о родословной Иисуса и о детстве¹⁶⁴. Мне так близко и дорого, и так понятно и ясно то, что говорит Штейнер. Он уводит наши мысли

¹⁶³ «Страж порога» — одно из ключевых понятий антропософии. «Страж» — это воплощение тех отрицательных качеств, которые должен изжить человек, продвигаясь по духовному пути. «Страж порога» — глава из книги Штейнера «Как достигнуть познания высших миров». Также в книге «Путь к самопознанию человека. В восьми медитациях» рассказано о четвертой медитации: «Медитирующий пытается составить представление о „Страже порога“». Также в книге «Порог духовного мира» глава 6 «О Страже порога».

¹⁶⁴ Вероятно, речь идет о цикле «Лука-Евангелие», который был прочитан в Базеле в 1909 г.

в космические дали. Все его слова я чувствую идущими из глубины моей собственной души.

<...>

27 мая 28 г.

Была сегодня вечером у Н<адежды> С<тепановны>. Там Нилендер читал свой перевод Евангелия с греческого, в стихах¹⁶⁵. Любопытны его чертежи стихотворных ритмов¹⁶⁶. Каждая точка аккуратно вырисована. Читает он артистически. Но это чисто внешний подход к Евангелию, произвольное выкидывание отдельных строчек, потому что они нарушают число слогов в размере стиха. Я не нахожу в Евангелиях ни одного слова, которое нужно было бы выкинуть, а если и есть такие слова, то это может знать только человек высшего прозрения.

1 ноября 28 г.

Как близка мне Антропософия, и как далеки и чужды мне антропософы! Даже те из них, которых я считаю своими друзьями. Они мои друзья просто как люди, но, как антропософы, они далеки от меня. И те, кто подвинуты на духовном пути [так называемые «старшие»], и они как будто на другом совсем пути, чем я.

[Мы из разных дорог пришли...]

4 ноября 28 г.

<...> Я <...> ушла вечером к Евг<ению> Ник<олаевне>. Около 9ти часов к ним¹⁶⁷ зашла Марья Ник<олаевна>, звать их к себе, т. к. у ней сейчас Нилендер собирается читать свои переводы Евангелия. Мы отправились туда. Там сидели не-

¹⁶⁵ См.: Нилендер В. О. Евангелие. Фрагменты текста с анализом метра ритма. НИОР РГБ. Ф. 583. К. 10. Ед. хр. 5.

¹⁶⁶ Чертежи стихотворных ритмов, вероятно, составлялись Нилендером на основе занятий с Андреем Белым, которые тот проводил в «Ритмическом кружке» при издательстве «Мусагет». Нилендер принимал участие в работе кружка, в том числе, исследовал ритм пятистопного ямба у Лермонтова (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 3. Ед. хр. 337). Благодарю Елену Глухову за указание на этот документ.

¹⁶⁷ Т. е. к Е. Н. Краснушкиной и И. В. Воробьевой.

сколько человек из нашей «молодежи» и две неизвестных. Была также Вера Оск<аровна>, замухрышкой.

Нил<ендер> прочел несколько глав своего перевода и показывал чертежи ритма строк (те же, что в прошлом году). Каждая точка вырисована с необычайной тщательностью. Он долго, долго объяснял эти чертежи, говорил об особенностях стиля каждой точки, упоминая что-то о гностиках. Мне он казался абстрактным и далеким от Евангелия. <...>

20 ноября 28 г.

<...>

Вчера провела вечер у Евг<ении> Ник<олаевны>. Был день рождения Ирины, ей исполнилось 35 лет. Было несколько человек гостей, из наших. Но разговор шел отрывистый, болтовня вперемешку серьезного с пустяками, интересного и неинтересного. Главный интерес вносил Мих<аил> Павл<ович>. Но его слова летали в воздухе незаконченными обрывками, сквозь сеть всяких других слов. Его жена [Вера Ник<олаевна>] оживленно говорила о пчеловодстве, которым она увлекается теперь. Евг<ения> Ник<олаевна> рассказывала про какую-то гадалку. Лидия Викт<оровна> рассказывала свой сон. Вера Оск<аровна> — про своего ребенка¹⁶⁸. Среди всего этого Мих<аил> Павл<ович> сказал: «Вот Теос<офским> обществом руководят посвященные, живущие в Гималаях, а у нас, Доктор <Штейнер> умер, и мы остались в разброде. Есть версия, что Доктор самовольно взял на себя свою миссию. Ему была предоставлена свобода сделать опыт. Но опыт мог не удался. Он взял это на свою ответственность. Может быть, антропософии еще рано было появляться? А другая версия, что ему была дана эта миссия. Но тогда должен появиться кто-нибудь, кто поведет дело дальше».

Было жутко от этих слов, и тяжело от всех других слов. Никто на это ничего не сказал.

¹⁶⁸ Сын В. О. Анисимовой Борис. Умер от скарлатины в августе 1934 г.

Мы брошены среди этой вырожденческой эпохи, с нашей обостренной, утонченной душевностью. Мы «ученики», но без выработки, без способностей. Каждый в достаточной мере истерзан жизнью. Каждый тысячами нитей связан с различными людьми, с различными фактами. Может быть, это входит в общий план нашей миссии, то, чтобы в этом воплощении мы были брошены вот так среди жизни. Каждый предоставлен только самому себе. Тот, кто здесь и теперь, при всех уничтожающих, при всех суетных и нелепых фактах нашего окружения, сумеет все же, насколько возможно, быть «учеником», быть мудрецом, — тот этим выдержит экзамен на «ученика» в будущем воплощении.

27 ноября 28 г.

<...>

Сказала еще <Алексею Сергеевичу> о рукописи Бориса Ник<олаевича>, что мне, к сожалению, не удалось ее достать, и что я слышала о ней очень неодобрительные отзывы¹⁶⁹.

А. С.: — Я не понимаю, почему ее так ругают. Там, конечно, много горечи, но это как всегда у него. И ведь там еще есть мысли, очень ценные. Почему, собственно, не обратили внимания на мысли, а придрались к эмоциям?¹⁷⁰

25 декабря 28 г. Рождество Христово.

Вчера провела вечер у Евг<ени> Ник<олаевны> и Ир<и>ны>. Там были только Столяровы и Вера Оск<аровна> (были те, кого отстранила от себя Кл<авдия> Ник<олаевна>). М<ихаил> П<авлович> говорил очень интересно о вождях Теос<офского> общ<ества>, и что там кто-то кого-то водит за нос «в грандиозном масштабе».

¹⁶⁹ Вероятно, речь идет об очерке Белого «Почему я стал символистом», который был написан весной 1928 г. В это же время Белый начал работу над циклом воспоминаний («На рубеже двух столетий», «Начало века», «Между двух революций»).

¹⁷⁰ С. Г. Спасская написала Белому письмо, откровенно не соглашаясь с его оценками, в частности, А. Блока — см. Кучинский календарь... С. 114—115.

Я жажду общения с человеком высшим, с Учителем, с посвященным. И общения личного, живого, конкретного. Такого, чтобы мне знать, что он меня любит, и обожать его, и спрашивать его обо всем. Знать, что он меня слышит и видит, что он мне отвечает. Но моя судьба — одиночество. Идти одной, пробиваясь сквозь тьму.

29 декабря 28 г.

Для теософов картина такая: учителя их спрятались где-то в Гималаях. Бог — абстракция в неизмеримых духовных пространствах. Кто же их вожди? «Миссис Безант»¹⁷¹ со своим питомцем Кришнамурти¹⁷² [«Миссис Безант», преклоняющаяся перед Блаватской¹⁷³! А Кришнамурти потом сбежал от них¹⁷⁴].

Только в христианской религии осуществлена на деле любовь Бога к человеку.

7 марта 29 г.

Компания под предводительством «Волка»¹⁷⁵ постановила запретить выдачу книг религиозного и оккультного содержания. Я написала в стенгазету «Наш читатель» (есть еще другая

¹⁷¹ Безант Анни (Annie Wood Besant, 1847—1933) — теософка, с 1907 по 1933 г. глава Теософского общества.

¹⁷² См. прим. 70.

¹⁷³ Елена Петровна Блаватская (1831—1891) — одна из создателей теософии. Ее знаменитая книга «Тайная доктрина» для многих служила источником сведений об эзотерике.

¹⁷⁴ Кришнамурти вышел из Ордена «Звезда на Востоке» в 1929 г. и начал собственную проповедническую деятельность.

¹⁷⁵ «Волк» — прозвище служившего в Ленинской библиотеке Г. А. Перескокина. Георгий Александрович Перескокин (1902—?) - московский мещанин. Окончил 5 классов гимназии Лебедева, затем Моспедтехникум им. Профинтерна, а впоследствии — библиотечный институт. Работал библиотекарем, политруком. Кандидат в члены ВКП(б) с мая 1925 г. Служил в Ленинской библиотеке с марта 1927 г., был сотрудником читального зала, инспектором, заместителем зав. читальным залом и, наконец, заведующим читальным залом. Уволился в 1933 г. «по партмобилизации» (Архив РГБ. Опись 39, дело 372). В 1948 г. опубликовал статью «Междубиблотечный абонемент ГНБ» в сборнике «Научные библиотеки СССР».

стенгазета «Пылесос») следующее: «Я хочу сказать несколько слов в защиту «гонимых» читателей. Как быть со всеми теми читателями, которые не будучи ни «церковниками», ни «безбожниками», хотят самостоятельно выработать свое мирозерцание, и для этой цели ознакомиться с самыми различными течениями человеческой мысли? Имеют ли они право на это? Насилие в области выработки мирозерцания едва ли может повести к ценным результатам».

Отдала Пурецкому¹⁷⁶, как одному из редакторов стенгазеты. Он ужаснулся и сказал: — Написано замечательно, но я вам не советую это помещать. Теперь очень сильное течение против религии.

Я: — Ну так что же! Разве я не могу высказать свое мнение?

Пур.: — Вы как Савонарола!¹⁷⁷

Суходольская¹⁷⁸: — Я ею восхищаюсь!

Я спросила Пурецкого: — Неужели с Невским¹⁷⁹ совсем не считаются? Он ведь поместил недавно в этой стенгазете длинную статью о том, что нельзя запрещать религиозную литературу. Пурецкий ответил, что Невского ни в грош не ставят, и есть лица влиятельнее, чем он.

Какая инертная толпа все сослуживцы!

¹⁷⁶ Борис Дмитриевич Пурецкий (1896—?). Родился в с. Марково Владимирской губернии Покровского уезда. Отец — учитель, мать — крестьянка. Учился во Владимирской гимназии и в Институте востоковедения (1921), изучал персидский язык. Переводы с персидского опубликованы в «Истории персидской литературы» А. Крымского, вып. 7, 1917 г. Служил в императорской армии 8 месяцев в 1917 г., подпоручик, в войсках Колчака с 1918 по 1919 г., что скрывал. Научный сотрудник при читальном зале с 1921 г. Заведовал Литературным читальным залом с 1928 г. Чистку 1930 г. не прошел, уволен, но восстановлен в 1931 г. Окончательно уволен в 1933 г. (Архив РГБ. Опись 40, дело 470). В 1929 г. опубликовал книгу «Афганская литература». В 1964 г. — преподаватель педагогического института.

¹⁷⁷ Савонарола (Savonarola) Джилорамо (ок. 1452—1498) — настоятель монастыря доминиканцев во Флоренции. Выступал против тирании Медици. Отлучен от церкви и казнен.

¹⁷⁸ Елизавета Николаевна Суходольская — сестра Ольги Николаевны Слетовой, сотрудница Ленинской библиотеки.

¹⁷⁹ См. прим. 115.

30 марта 29 г.

Вчерашний вечер (годовщина смерти Доктора <Штейнера>) я провела у М<арьи> Н<иколаевны> <Жемчужниковой> с компанией Мих<аила> Павл<овича>!

12 мая 29 г.

Вся компания М<ихаила> П<авловича> едет летом в Очаково. Уговорили и меня. На прежнюю дачу, с Евг<енией> Ник<олаевной> и Ир<иной>.

8 июня 29 г.

На службе плохо. Нетерпимость все возрастает. Злоба разгорается. До каких пределов это дойдет?

3 июля 29 г. Очаково.

Хочу погрузиться в природу, забыть все зимние впечатления, все опасности и западни этой жизни, все нависшие в воздухе перемены судьбы.

Здесь мы устроились довольно удачно, наняли общую прислугу.

20 июля 29 г.

<...>

Компания М<ихаила> П<авловича> все волнуется из-за того, что не может договориться по поводу отношений к последней книге Андрея Белого¹⁸⁰. Но это все пустяки. Теперь настоящее волнение всюду по поводу китайских событий¹⁸¹.

¹⁸⁰ В январе 1929 г. были написаны Воспоминания о Штейнере. 11 апреля Белый завершил работу над книгой воспоминаний «На рубеже двух столетий». О трилогии Белого см.: О Блоке и других: мемуарная трилогия и мемуарный жанр у Андрея Белого // Лавров А. В. Указ. соч. С. 220—265.

¹⁸¹ Имеются в виду события в китайской провинции Шаньдунь, в которой китайское население боролось с японской администрацией. В июле 1929 г. в ответ на локаут прекратили работу 50 тысяч работников японских предприятий (Циндаоская забастовка, июль—ноябрь 1929 г.).

31 октября 29 г.

<...>

Я оставила компанию М<ихаила> П<авловича>. [Мы занимались в кружке Марьи Ник<олаевны>]. Там слишком много болтовни, и часто самой обыкновенной житейской болтовни. Они все мне чужие, я чувствую, что я скучна, когда с ними, не знаю, что сказать.

31 декабря 29 г.

Двенадцатый час ночи. Сейчас лежу в постели и читаю «Кругооборот года»¹⁸² и «Об оккультном развитии»¹⁸³ Д<октора> Штейнера. Поль болен и спит. Леон¹⁸⁴ ушел куда-то встречать Новый год. Вообще этот год встречают тайно. Правительство почему-то запретило праздновать наступление этого года.

Глубокая тишина, и в ней полет крыльев приближающегося года.

29 января 30 г.

На службе носят неопределенные и грозные слухи о «чистке», о всяких переменах, об изгнании людей «другой идеологии».

25 марта 30 г.

В последние месяцы часто ходят в библиотеку, среди других, два типа читателей: «гонимые», ищущие в разных газетах справки для своего реабилитирования. Они говорят, с глазами, полными скрытого ужаса: «Дело идет о жизни и смерти».

И другие — агенты ГПУ — лихорадочно, жадно отыскивающие в справочниках «Вся Москва» или «Весь Петербург» улики против кого-нибудь. Читателей все меньше и меньше

¹⁸² Рудольф Штейнер. Кругооборот года как символ великого мирового года. Дорнах, 31 декабря 1915 г. (GA 165).

¹⁸³ Рудольф Штейнер. Значение оккультного развития человека для его физического, эфирного, астрального тел и «я». 10 лекций, прочитанных в Гааге с 20 по 29 марта 1913 г. (GA 145).

¹⁸⁴ Леон Георгиевич Туманов (1890—1938), князь. По образованию юрист. Родственник П. Х. Кананова. До революции — член партии эсеров, был избран в Учредительное собрание. Репрессирован. Расстрелян в 1938 г.

ходит с каждым днем. Изгнали всех заподозренных в «сектантстве» и всех «лишенцев»¹⁸⁵. [И странно: из наших библиотечных партийцев каждый в отдельности вовсе не злой человек, а соединившись под знаком данного им приказа гнать и преследовать, они являются злой темной силой, или вернее, орудием темной силы].

4 мая 30 г.

На службе волнение: начинается чистка, все пишут автобиографии.

13 июня 30 г.

<...>

[Не странно ли, что меня на «чистке» не тронули, а ведь как легко было собрать против меня «матерьял», и доказать, как дважды два четыре, что я «идеологически» чуждый тип! Хотя бы занятие хиромантией на виду у всех! Может, кто-нибудь из завидующей мне кучки интеллигентов из Чит<ального> зала и писал обо мне доносы в Комиссию, но ведь все это шло через руки Перескокина¹⁸⁶, а ему свыше было поручено охранять меня].

9 мая 31 г.

Ночь с 8-го на 9-е по-видимому несчастна для А<лексея> С<ергеевича>. Семь лет тому назад его арестовали в ночь с 8-го на 9-е марта. А в эту ночь тоже пришли с тем же, но он сейчас в Крыму, с экскурсией. Возвращается на днях и найдет свою комнату опечатанной.

Антропософов теперь арестовывают во всю!¹⁸⁷

11 мая 31 г.

Захватили Петра Ник<олаевича> Васильева, и есть уже ордер на арест Кл<авдии> Ник<олаевны>, которая сейчас где-то

¹⁸⁵ Т. е. лишенных избирательных прав по социальному происхождению. Они также лишались продовольственных карточек.

¹⁸⁶ См. прим. 175.

¹⁸⁷ Об арестах антропософов см.: Спивак М. Л. Указ. соч. С. 370, 378—379.

путешествует с Андр<еем> Белым¹⁸⁸. Остальные ждут своей очереди.

Гоненья за веру — как это поднимет сразу и очистит нас, и укрепит антропософию. Вот мы, с нашими несовершенствами в мелочах повседневности, станем вдруг святыми мучениками, как первые христиане когда-то...

16 мая 31 г.

Поль заходил на квартиру А<лексея> С<ергеевича> и застал его там. Он приехал вчера, его ждали в квартире верные друзья: Нилендер и М<арья> Г<ригорьевна>.

21 мая 31 г.

Вчера на службу пришел человек из ГПУ и увел А<лексея> С<ергеевича>. Я так и не видела его.

31 мая 31 г. Праздник Св. Троицы.

<...>

На службе в последние дни в научных отделах (в Каталожной и Каталогизации) некоторые сотрудники перешептываются об антропософах. Одну молодую антр<опософку> из наших служащих, Шанько¹⁸⁹, недавно арестовали, вместе со мно-

¹⁸⁸ Андрей Белый и К. Н. Бугаева в это время проживали в Детском селе под Ленинградом.

¹⁸⁹ Татьяна Борисовна Шанько (1909—1983 или 1986) — филолог, библиограф. Антропософка, по показаниям К. Н. Васильевой, не входила ни в какой кружок. Репрессирована по «делу» антропософов 1931 г. Записала рассказ М. Волошина о Черубине де Габриак. (См.: Спивак М. Л. Указ. соч. С. 385 и др.). Ее отец — Борис Федорович Шанько, железнодорожный инженер, ее мать — Елизавета Александровна Шанько, ур. Михина. (О семье Шанько см. Спроге Э. В. Записки инженера. М., 1999. Арест Татьяны Э. В. Спроге объяснял недоразумением: по его мнению, она и ее подруги собирались, чтобы учить итальянский язык и читать в подлиннике произведения Данте, и за это их арестовали. Любопытно, что сохранилось письмо, написанное М. Г. Рейн к Н. С. Клименковой на итальянском языке — см. НИОР РГБ. Ф. 699. Картон 4). Данте — очень важная фигура как для антропософов, так и для эпохи серебряного века в целом. См. об этом: Силард Л. Дантов код русского символизма // Силард Л. Герметизм и герменевтика. СПб., 2002. С. 162—205; Полонский В. В. Русская «дантиана» рубе-

гими другими антропософами». Очередь за Лидией Викт<оровной> и за мной. Мы героини дня. За нашим появлением каждый день в Музее с тревогой следят сочувствующие души. Остальные ничего не подозревают. Среди других уже схвачены Евг<ения> Ник<олаевна> и Надежда< Степановна>. [Одна сотрудница сказала мне: «Рада вас видеть, вы понимаете, почему»].

3 июня 31 г.

Заходила вчера вечером к Ирине узнать подробности захвата Евг<ении> Ник<олаевны>. <...> Обыск был очень поверхностный, и не все осмотрели.

Когда я с ней сидела, пришла какая-то старушка, знакомая Евг<ении> Ник<олаевны> с детства, и спросила:

— А Женичка дома?

— Дорогая! Женичка в Бутырках!

<...>

23 июня 31 г.

Говорят, что Андрей Белый бежит в ГПУ и требует, чтобы его арестовали!

5 июля 31 г.

Последняя новость: освободили Клавдию< Ник<олаевну> и ее бывшего мужа [Петра Ник<олаевича> Васильева], благодаря крикам Андрея Белого и протекции Менжинского (председателя ГПУ, который был женат на сестре Петра Ник<олаевича>). Остальных намереваются выслать.

14 сентября 31 г.

<...>

Под вечер вдруг пришла молодая девушка, которая живет у Ирины Викт<оровны>, и сообщила, что приговор состоялся:

жа веков: о типологии рецепции классического наследия в литературе модернизма // Полонский В. В. Между традицией и модернизмом. Русская литература рубежа XIX—XX веков. История, поэтика, контекст. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 236—250.

почти всех куда-нибудь высылают. Евг<ению> Ник<олаевну> на «минус 12» [т. е. предоставляют ехать в любой город, кроме 12ти больших], А<лексея> С<ергеевича> — в концентр<ационный> лагерь. Принудительные работы на три года. Татарина ва посылают этапом в Сибирь. Надю и нескольких еще на «минус 12».

12 сентября 31 г.

<...>

Мы с Подем заходили к Ирине. Обсуждали, что же будет с Евг<енией> Ник<олаевной>. Между прочим, Ирина сказала, что Кл<авдия> Ник<олаевна> вышла замуж за Андрея Белого, т.е. расписалась в Загсе и стала «Бугаева».

<...>

5 октября 31 г.

Ровно в полночь отходил вчера поезд из Москвы в Орел, увозя Евг<ению> Ник<олаевну> и Ольгу Ник<олаевну> Анненкову. Провожающие стояли среди сырости неприветливого вокзала. Обе отъезжающие были грустны, их не радовала, не вдохновляла мысль, что они — изгнанные за правду.

<...>

А<лексея> С<ергеевича> высылают на днях, может быть, сегодня [Куда-то на «Медвежью гору»¹⁹⁰].

<...>

8 октября 31 г.

Говорят, что на этих днях нескольких антропософов выслали куда-то к Медвежьему озеру¹⁹¹. Вероятно, А<лексей> С<ергеевич> вместе с ними¹⁹².

¹⁹⁰ Медвежья гора — поселок при одноименной железнодорожной станции на берегу Онежского озера. Ныне город Медвежьегорск.

¹⁹¹ Ошибка. См. прим. 190.

¹⁹² В этот же поселок был выслан Б. П. Григоров. В 1932 г. его адрес: Мурманская железная дорога, разъезд Сосновец, 7-е отделение БелБалтлага, Производственно-технический отдел (ОР ГМИИ, Ф. 43. Оп. V. Ед. хр. 432). У А. С. Петровского адрес был: Мурманская железная дорога,

30 октября 31 г.

<...>

Потом выяснилось, что обо мне ничего не знали в ГПУ. О Лидии Викт<оровне> знали и упоминали, но ее не тронули, потому что в ее прошлом имеется большой козырь для них, а именно: при царской власти она отсидела в крепости целый год за принадлежность к какому-то делу в коммунистической партии¹⁹³.

19 января 32 г.

Заходила Ирина, она недавно вернулась от поездки в Орел к Евг<ению> Ник<олаевне>. Рассказывала про нее. [Она там живет вместе с Ольгой Ник<олаевной> Анненковой и Лидией Вас<ильевной> <Каликиной> (подругой Кл<авдии> Ник<олаевны>)].

<...>

6 февраля 32 г.

Недавно у меня была Надя¹⁹⁴. Очень приятно было с ней увидеться. Она рассказывала свои «приключения». Так же, как и Евг<ения> Ник<олаевна>, она не жалеет, что побывала в тюрьме. О. Н. Анненкова, оказывается, просвещала толпу монашек и жен священников антропософией, рассказывала им факты из циклов. К ужасу их и сидящих там же антропософов. И вообще держалась странно, обнаруживая неприятные стороны характера. Зато на допросах держалась хорошо. По-видимому, за исключением ее, Нади и Евг<ении> Ник<олаевны>, все остальные называли имена других. Правда, только имена тех, которые уже были арестованы, но все же это было лишней уликой.

станция Сорока, 8-е отделение БелБалтлага, 1-й пункт (см. Мой вечный... С. 45). Также в Медвежью гору был выслан Н. П. Анциферов, о чем упоминается и в дневнике Канановой (его воспоминания об этом см.: Анциферов Н. П. Из дум о былом. М., 1992).

¹⁹³ См. прим. 69.

¹⁹⁴ Надежда Степановна Клименкова добилась того, что ее не выслали, и осталась в Москве.

29 июня 32 г.

Вчера зашла к Ирине, занесла ей конфеты для Евг<ении> Ник<олаевны>, к которой она уезжает на отпуск. Туда же пришла также Кл<авдия> Ник<олаевна>. Я ее в первый раз увидела после ареста. Она рассказывала кое-какие подробности о своем пребывании в тюрьме. О том, что там принято делать подложные признания с поддельными подписями, и вообще приемы допроса очень иезуитские. Но мне показалось странным, что она сказала: «Нельзя было не называть имен, ведь не одна же я была в Обществе, и я старалась вспомнить, кто уже арестован, и тех называла».

Потом сказала: «Теперь я ничем не занимаюсь и ни о чем не думаю, приходится исполнять всякие домашние работы, стоять в очередях, но я довольна этим, чувствуется какая-то близость к земле».

<...>

21 октября 32 г.

Получилось <так! — Д. Л.> письмо от Евг<ении> Ник<олаевны> мне и Полю вместе. Пишет все то же: тоскует, жалуется, не надеется ни на что¹⁹⁵. Никакого энтузиазма от мысли, что являешься мученицей за веру, изгнанной за правду, по заповеди Христа.

3 мая 33 г.

Ирина сообщила мне, что в ночь <на 29е апреля> арестовали М. Н. Жемчужникову за ее принадлежность к какому-то обществу «Тамплиеров». За несколько дней до того арестовали Сизовых, Мих<аила> Ив<ановича> и его жену, за то же самое. <...> Мих<аил> Ив<анович>, когда я его встречала в Ант<ропософском> Об<ществе>, производил на меня впе-

¹⁹⁵ В это время Е. Н. Краснушкина отчаянно искала работу в Орле. 15 августа 1932 г. она по болезни уволилась из типографии «Труд», где работала счетоводом с 3 ноября 1931 г. Устроиться на работу она смогла только 25 октября 1932 г. в контору «Заготзерно». Затем до момента реабилитации и возвращения в Москву осенью 1933 г. сменила еще три места работы.

чатленье, как будто в средних веках был членом какого-нибудь общества, вроде Тамплиеров. Марья Ник^олавна, по словам Ирины, уже лет 5 как оставила это общество¹⁹⁶.

15 мая 33 г.

<...>

Вчера и третьего дня <Марья Григорьевна> была вечером у нас, обсуждая последнее письмо А<лексея> С<ергеевича>. Он пишет, что уже освобожден, и задерживается только потому, что не знает, куда ехать¹⁹⁷. В Москве сможет пробыть только сутки, больше не полагается.

5 июля 33 г.

<А. С. Петровский вернулся в Москву>.

А<лексей> С<ергеевич> говорил, что он, из опасений, что теперь опять стали следить за антропософами, не хочет ни к кому ходить, в особенности к антропософам, чтобы не заподозрили, что он, чуть вернувшись, уже опять организовывает какие-нибудь собрания. Какой вздор! А<лексей> С<ергеевич> говорил еще, что перед арестами у них («старших» антропософов) было условлено говорить правду. Но что он не держался этого, и никого не называл при допросе. Так, его спросили, есть ли в «Музее» кто еще из антропософов. Он отрицал. Ему сказали: «А Култашева?» Он ответил: «Ну, это старушка, я не считал!»¹⁹⁸ «А больше никого нет?» «Никого». [Какая же она старушка!]¹⁹⁹

<...>

¹⁹⁶ См. прим. 38.

¹⁹⁷ В письме Андрея Белого к Нилендеру сообщалось, что А. С. Петровский хотел ехать в Лебедянь, где отбывала ссылку Е. Н. Кезельман (Мой вечный спутник по жизни... С. 45).

¹⁹⁸ См. прим. 69.

¹⁹⁹ Е. Н. Краснушкина рассказала З. Д. Канановой, что «когда следователь ее допрашивал, где она бывает, она перечислила несколько фамилий», в том числе и Канановых. «Следователь на это досадливо отмахнулся, сказав: „Это нам неинтересно, не нужно, говорите, у кого из антропософов вы бываете?“». Краснушкина ответила, что ни у кого (запись от 16 января 1934 г.).

17 сентября 33 г.

<...>

Поль, придя домой, сообщил, что всех антропософов амнистировали.

19 декабря 33 г.

Вчера у нас были Евг<ения> Ник<олаевна> с Ириной, и позже зашла М<арья> Г<ригорьевна> за книгами для А<лексея> С<ергеевича>. Сообщила, что он нездоров. В последнее время он дежурил по ночам в клинике у Бор<иса> Ник<олаевича>, который опасно болен психической болезнью, неизвестно, что с ним будет²⁰⁰.

<...>

²⁰⁰ Андрей Белый скончался 8 января 1934 г. О его смерти см.: Спивак М. Л. Указ. соч. С. 454—471. З. Д. Кананова описала похороны Андрея Белого: Зоя Кананова. Из дневника 1933—1934 гг. Публикация Д. Д. Лотаревой // Смерть Андрея Белого (1880—1934). Сборник статей и материалов: документы, некрологи, письма, дневники, посвящения, портреты / Сост. М. Л. Спивак, Е. В. Наседкина. — М.: НЛЮ, 2013. С. 420—423.